

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY – FEBRUARY

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2022

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ДЕЛАНДШИР Кристл (Christl De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЕЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫББО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirchevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSэрэнчимэдийн Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlak), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Пентковская Т.В.</i> От Острожской Библии к Московской Библии 1663 г.: вопросы лексического редактирования	9
<i>Савельев В.С.</i> Слово <i>самъ</i> в высказываниях героев «Повести временных лет»	21
<i>Баранова Л.Л., Мишина Л.Ф.</i> Вербальная репрезентация концепта “insularity” в британском варианте английского языка (на материале сборника сочинений Джорджа Оруэлла “The English people and other essays”)	33
<i>Антонова А.Н.</i> Глагольное согласование при числовых сочетаниях в старорусских летописных и деловых памятниках	45
<i>Россяйкин П.О.</i> Генитив отрицания, NCI и NPI против синтаксического подъема отрицания в русском языке	54
<i>Чжао П.</i> Орфография наречия <i>как-то</i> и союза <i>как то</i> в истории русского письма	65
<i>Матвеевко Е.А.</i> Поздняя редакция первого русского перевода «Метаморфоз» Овидия начала XVIII века: к вопросу о соотношении списков	76
<i>Торбик Е.М.</i> Формирование эмоционального настроения адресата в субжанре американского олимпийского дискурса «портретное интервью-очерк»	86
<i>Ковригина Е.А.</i> Общерусский глагол <i>болеть</i> в архангельских говорах: семантика и сочетаемость	98
<i>Забудская Я.Л.</i> Эриния как образ трагедии (семантика и визуализация)	108
<i>Довгий О.Л.</i> Как Кантемир оказался единственным «русским классиком»	121
<i>Федотов А.С.</i> Балерина Андреянова и мертвая кошка: архивный комментарий к одному фрагменту романа А.Ф. Писемского «Взбаламученное море»	134
<i>Чэн Лян.</i> Художественное время и пространство в романе Скитальца «Дом Черновых»	147
<i>Коржова И.Н.</i> Магия грамматики в стихотворении К. Симонова «Жди меня»	156
<i>Ди Сяоя.</i> Образ Москвы в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» ...	166

Материалы и сообщения

<i>Матвеева Ю.А.</i> В.Л. Пушкин — читатель сборника <i>ANTOLOGIE FRANÇAISE</i>	175
---	-----

Из архива

<i>Торопова В.Н.</i> Трудный путь книги: воспоминания Г.Е. Померанцевой об истории публикации работы С.Н. Дурылина «Нестеров в жизни и творчестве»	184
--	-----

Рецензии

- Изотов А.И.* Грамматика в обществе, общество в грамматике: Исследования по нормативной грамматике славянских языков / Под ред. М. Номати, С. Киёсавы. М.: Издательский дом ЯСК, 2021 (Studia philologica) 201
- Красносельская Ю.И.* Кучерская М.А. Лесков: прозёванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021 204

Научная жизнь

- Королинская Ю.В., Колосова Е.И.* XII Международная научная конференция «XVIII век: Интимное и публичное в литературе и культуре эпохи» (МГУ, 27–28 марта 2021) 210
- Назарова А.В.* VII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» 217

Памяти ...

- Миронова Н.И., Щенникова Е.В.* Ольга Евгеньевна Фролова 221

CONTENTS

Articles

<i>Pentkovskaya T.</i> From the Ostrog Bible to the Moscow Bible: Lexical Editing Issues	9
<i>Savel'yev V.</i> The Word Самъ in the Statements of the Heroes of The Tale Of Bygone Years	21
<i>Baranova L., Mishina L.</i> Linguistic Representation of the Concept “Insularity” in George Orwell’s “The English People and Other Essays” . . .	33
<i>Antonova A.</i> Verb-Numeral Agreement in Late Old Russian Chronicles and Notarial Acts	45
<i>Rosyaykin P.</i> Neg-raising in Russian: Criticising the Syntactic Approach . . .	54
<i>Pengxiang Zhao.</i> The Orthography of the Adverb Как- <i>mo</i> and of the Conjunction Как <i>To</i> in the History of Russian Spelling	65
<i>Matveenko E.</i> The Late Version of the First Russian Translation of Ovid’s Metamorphoses: Correlation Between Its Two Copies	76
<i>Torbik E.</i> Shaping the Recipient’s Emotional State in the Subgenre of the American Olympic Discourse “Portrait Interview-Sketch”	86
<i>Kovrigina E.</i> The Verb Bolet’ in Arkhangelsk Dialects: Semantics and Combinability	98
<i>Zabudskaya Ya.</i> Erinys as an Image of Tragedy: Semantics and Visualization	108
<i>Dovgy O.</i> How Cantemir Appeared the Only Russian Classic Writer	121
<i>Fedotov A.</i> The Ballerina Andreyanova and the Dead Cat: An Archival Commentary on a Fragment of A.F. Pisemsky’s Novel Vzbalamuchennoe More	134
<i>Cheng Liang.</i> Time and Space in Skitalets’s The House Of Chernovs	147
<i>Korzhova I.</i> The Magic of Grammar in K. Simonov’s Poem ‘Wait for Me’ . .	156
<i>Di Xiaoxia.</i> The Image of Moscow in Pasternak’s Doctor Zhivago	166

Communications

<i>Matveeva Yu.</i> V.L. Pushkin as a Reader of Anthologie Française	175
--	-----

From Archives

<i>Toropova V.</i> The Hard Way of the Book: Memoirs by G.E. Pomerantseva on the History of the Publication of Nesterov in Life and Work by S.N. Durylin	184
--	-----

Reviews

<i>Izotov A.</i> Grammar in Society, Society in Grammar: Studies on the Prescriptive Grammar of Slavic Languages / Ed. by M. Nomachi, S. Kiyosawa. M.: Publishing House of YASK, 2021	201
<i>Krasnoselskaya Yu.</i> Kucherskaya M.A. Leskov: the Overlooked Genius. M.: Molodaya gvardiya Publ., 2021	204

Scientific Life

- Korolinskaia Yu., Kolosova E.* XII International Conference «The XVIII Century: The Intimate and The Public in the Literature and Culture of the Time» (Lomonosov Moscow State University, 27–28 March 2021) 210
- Nazarova A.* VII International Scientific Conference “Russian Literature of 20th – 21th Centuries as a Process (Issues of Theoretical and Methodological Research)” 217

In Memoriam

- Mironova N., Shchennikova E.* Olga Frolova 221

СТАТЬИ

Т.В. Пентковская

ОТ ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ К МОСКОВСКОЙ БИБЛИИ 1663 года: ВОПРОСЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются принципы и характер редактур лексики, осуществлявшейся при подготовке издания Московской Библии 1663 г., в основу которого была положена Острожская Библия 1581 г. Основным приемом лексической редактур в Московской Библии — глоссирование, с помощью которого осуществляется критика библейского текста. На лексическом уровне проявляется тенденция к грецизации, а также к устранению архаичной лексики и лексем, которые могут рассматриваться как не вполне соответствующие норме московского варианта церковнославянского языка. Сюда относятся, в частности, активное глоссирование союза *иже* союзом *яко* в некоторых частях Московской Библии. Помещение на поля вариантных чтений, включая лексику предшествующих редакций и предложения самих справщиков, демонстрирует типологическое сходство московского издания не только с юго-западнорусской, но и с польской библейской издательской практикой, что впоследствии наиболее ярко выразится при подготовке нового издания Библии 1670-х — 1690-х годов.

Ключевые слова: раннее Новое время; церковнославянские Библии; редактурa; система маргиналий; лексические глоссы.

Предисловие к Библии 1663 г., составленное возглавившим эту справу выходцем из Юго-Западной Руси Епифанием Славинецким, констатирует, что издание нового библейского свода предпринято по решению царя Алексея Михайловича, который, принимая во внимание скудость оставшихся экземпляров Острожской Библии (далее — ОБ), **повелѣ въскорѣ издати съ готовагw перевода, кнѣзѣ**

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pentkovskaia@gmail.com).

¹ Работа написана при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00224 А «Московская Библия 1663 г. и ее культурно-лингвистический контекст».

кѡнстантина Острожскаго печати неизмѣнны, кромѣ шрифтографіи, и нѣкихъ въ малѣ именъ, и реченій нѣжднѣйшихъ гавственныхъ погрѣшеній, список которыхъ дается далее и занимает не более трети столбца (л. 2 об.)².

В напечатанный в Москве текст были перенесены практически все отсылочные маргиналии Острожского издания. Однако на полях Библии 1663 г. (далее — Б63) имеются большое число так называемых вариативных глосс, представляющих собой синонимичные лексико-грамматические замены [Ромодановская, 2001: 138–167], которые в значительной мере не находят соответствия в ОБ.

Наличие глосс на полях церковнославянских изданий раннего Нового времени, как правило, следует определенной системе. Так, в предисловии, составленном иеромонахом Захарией Копыстенским к изданию Бесед Иоанна Златоуста на Послания Апостольские, вышедшему в 1623 г. в типографии Киево-Печерской лавры, сказано: **Тажѣ ѡ нѣкиѣ ѡстолковати нѣ непотребны, найпачѣ жѣ, таже на Краіѣ положена сѣть: да не мниши аки Поползновеніемъ, еже ѡ среды сѣрыхъ словѣсъ, ѡставленна... нѣ сїцевыи ѡ сїхъ ѡстажи рѣзѣмъ: Первое, Произволники быти, такоже в Грецькомъ архитѣлѣ обрѣтаютьсѣ, имже и знаменїа приложена сѣть** (л. 5). Эта система знаков конкретизируется в вышедшем там же в следующем, 1624 г., издании Бесед Иоанна Златоуста на Деяния Апостольские (л. 534). Разными символами на полях маркируются чтения, обусловленные особенностями греческого текста, предложения переводчиков и упомянутые произвольники — синонимичные варианты лексемы основного текста.

Данная система обозначений опирается в значительной мере на систему, разработанную в польской библеистике раннего Нового времени. Система знаков детально объясняется, в частности, в предисловии к изданию Нового Завета Якоба Вуйка 1593 г., в котором разными знаками обозначаются варианты, восходящие к разнице греческого и латинского текстов, варианты, отражающие различия греческих изданий, синонимичные лексемы и выражения, помещенные на полях для объяснения трудных мест основного текста [Nowy Testament, 1593: 28–30]. Епифаний Славинецкий, возглавлявший справу Библии 1663 г., был знаком с различными польскими изданиями Библии, принадлежавшими представителям разных конфессий. Использовали в своей работе московские книжники и киевские издания первой четверти XVII в. [Пентковская, 2017: 7–31].

² Издание Б63 цит. по оцифрованному экземпляру, находящемуся в РГБ. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003345095> (дата обращения: 15.03.2021).

В предисловии к изданию Б63 говорится, что исправления проводятся в тех случаях, когда в ОБ есть несогласия с греческой Библией (с каким именно изданием — не указано). Они либо вносятся в текст («внутри лежаща»), либо находятся на полях («на краях»): **Вѣждъ же всемъ и се всакій православный читателю... такъ егда вникнѣвъ въ сію бжественнѣю книгѣ, обращаши в нѣкнхъ нѣжнѣйшихъ мѣстѣхъ, в нихъ же в переводѣ ѿнегоже сіа книга напечатаса тавственное пополазновение, елику во именѣхъ, или в реченіяхъ высть, здѣ же исправлены, или внѣтръ лежаща, или на краехъ страницъ вставлены... во мнѣжаннхъ же съ греческою не согласнѣ сѣщѣ** (л. 3).

Действительно, мы можем обнаружить различие такого рода: Ос. 1:4 Б63 **зане еще малъ, имщѣ крови тѣлевы в домѣ иноу** [на поле: **идовѣ**], **и покою црѣтво домѣ тѣлева** (л. 360 об.). Ср. ОБ **в домѣ иноу** (л. 105 об.).³ Это отражает чтение ГБ (здесь и далее — Геннадиевская Библия): **въ домѣ иноу** (л. 613 об.). Вариации восходят в конечном итоге к разнице греческих чтений: ἐλί τὸν οἶκον **Ἰοῦ** \ **Ἰουδα** [Rahlfs 1979: 490]. Книга пророка Осии в ГБ входит в число симеоновских переводов [Ромодановская 2005: 584–588]. Этот вариант в то же время соответствует и Вульгате: *super domum Nieu*. В Комплютенской полиглотте в греческом тексте читается ἐλί τὸν οἶκον **Ἰουδα**⁴. Появление глоссы в Б63 обусловлено как исправлением по греческому изданию, так и одновременным идеологическим дистанцированием от латинского чтения.

Источниками греческого текста для ОБ считают Альдинскую Библию, впервые изданную в 1518 г., а также Комплютенскую полиглотту [Алексеев, 1999: 211–212]. Греческие источники для Б63 не названы.

Наличие такого расхождения между ОБ и Б63 может быть интерпретировано таким образом, что Б63 правилась по другому изданию греческого текста, по сравнению с ОБ, но может быть понято и так, что ОБ опирается в данном случае на ту славянскую рукописную традицию, в которой читается **иноу**, и конкретно на ГБ.

Исправления в виде глосс в Б63 вызваны не только этим традиционно приводимым в библейских предисловиях обстоятельством. Большинство глосс-исправлений обусловлены другими факторами.

Ряд лексических глосс, имеющихся в Б63, свидетельствует о проводимом справщиками приеме создания однозначных отношений между греческими и славянскими лексемами. Этот прием особенно

³ Текст ОБ цит. по: Острожская Библия, 1581. Экз. собр. М.Н. Тихомирова, № 22-к. URL: <https://txt.drevle.com/bible/ob1581> (дата обращения: 21.03.2021).

⁴ URL: <https://archive.org/details/ComplutensianPolyglotBibleOldTestamentNew-Testament/01.ComplutensianPolyglot.OT.1520> (дата обращения: 21.03.2021).

активно начинает эксплуатироваться переводчиками начиная с XIV в., еще в период афоно-тырновской книжной sprawy. Выравнивание отношений между греческой и славянской лексемами в конечном итоге приводит к унификации словоупотребления.

Так, прил. **σκληρός** употребляется в нескольких значениях. В Ис 1:14 находим прил. **σκληρός** в значении ‘тяжелый’ (о физическом труде): Б63 **И волѣзненѹ жизнь творахѹ имѣ въ дѣлѣхѹ жестокихѹ** (л. 20). То же ОБ **въ дѣлѣхѹ жестокихѹ** (л. 25). Вариант ГБ имеет несколько текстологических отличий от ОБ и Б63, однако они не затрагивают перевод греч. прил.: ГБ **и волѣзнынѹ жизнь тѣм творахѹ въ дѣлѣ жестоки** (л. 33 об.) — *καὶ κατωδύνων αὐτῶν τὴν ζωὴν ἐν τοῖς ἔργοις τοῖς σκληροῖς*. В этом случае все три источника переводят греческую лексему одинаково.

В других случаях, однако, в ОБ и ГБ находится прил. **ποροκύν** и нар. **ποροко**, а в Б63 появляется глосса **ποροκύν, пороко** → **жестоκύν, жестоко**. Быт. 21:10–11 и Быт. 21:12 ‘жестокий, злобный’: Б63 **порокоже** [на поле: **жесто**] **гави слово се съблw, предъ авраамомъ сѣ ради егw исмаила. И рече бгѣ ко авраамѹ: да не вѣдетъ ти порочно слово сѣе предътовою, w строцѣ, и врабѣ** (л. 7). ОБ **пороко ... порочно** (л. 8 об.)⁵. Ср. ГБ **пороко**^{жс} ... **пороко** (л. 11 об.) — *σκληρὸν δὲ ἐφάνη τὸ ῥῆμα ... μὴ σκληρὸν ἔστω*.

Быт. 42:7 ‘сурово’ Б63 **Видѣвже іусифъ братію свою, и позна ѡ, и ѡметашесѡ нхѣ, и глаше имѣ пороко** [на поле: **жестоко**] (л. 16) — *καὶ ἐλάλησεν αὐτοῖς σκληρὰ*. ОБ **пороко** (л. 20), ГБ **пороко** (л. 27), [СлРЯ XI–XVII в. 17: 125]. То же в Быт. 42:30: Б63 **Гла мѹжѣ населникѣ гнѣ намѣ пороко** [на поле: **жестоко**], **и вѣрьже ны в темницѹ** (л. 16 об.) — *λελάλησεν ὁ ἄνθρωπος ὁ κύριος τῆς γῆς πρὸς ἡμᾶς σκληρὰ*. ОБ **пороко** (л. 20 об.), ГБ **пороко** (л. 27 об.). В контексте Быт. 45:5 это наречие означает ‘тяжело’: Б63 **Ннѣ оубw не пецѣтесѡ, ни пороко вы** [на поле: **жесто**] **вѣди, иже продасте ѡ сѣмw** (л. 17 об.) — *μηδὲ σκληρὸν ὑμῖν φανήτω*. ОБ (л. 22), ГБ **ни покори (!) вы вѣди** (л. 29). Таким образом, в Б63 с помощью глоссирования унифицируется вариант **жестоκύν, жестоко**.

Прил. **ποροκύν** (вар. **πορύγын, пороуқын**) ‘жестокий, тягостный’ и нар. **пороко** ‘сурово’, ‘трудно’ отмечаются в соответствии с греч. прил. **σκληρός** и нар. **σκληρῶς** преимущественно в библейских книгах Пятикнижия Моисеева по сп. XIV в. и отчасти ГБ (Быт. 21: 10–11, Быт. 21:12, Быт. 35:16, Быт. 42:7, Исх. 1:14) [СлРЯЗ XI–XVII вв., вып. 17: 125, 137, 139]. Единственный пример в источниках до XIV в. представлен в Студийском Уставе по сп. к. XII в. [СДРЯ XI–XIV вв., VII: 222].

⁵ При этом **порочнын** в [СлРЯЗ XI–XVII вв., вып. 17: 128] — только ‘имеющий пороки, недостаток’, но в ОБ и Б63 **порочнын** — то же, что и **ποροκύν** ‘жестокий’.

Следует учесть, что данная замена в глоссе может быть обусловлена также вытеснением редкого слова более употребительным, так как в значении ‘тяжело, с трудом’ в Быт. 35:16 в двух рассматриваемых источниках находится иное слово: Бб3 **егда волѣхънено ей родити** (л. 13 об.) — ἐγένετο δὲ ἐν τῷ σκληρῶς αὐτὴν τίττειν. То же ОБ (л. 47). Это противостоит употреблению Гб: **бы же егда пороко бы еи родити** (л. 22). Это словоупотребление Гб согласуется с древнейшими источниками [Михайлов, 1903: 292].

Грекоориентированность справщиков выражается в виде появления в глоссах лексических грецизмов, как правило, давно освоенных славянской традицией:

Исайя 43: 3, 6 Бб3 **Сотворихъ премѣнѣ твою егѣпта, и мѣрины** [на поле: **ѣ-ѡипы**] и **свинѣ зата...** **Ѡ востокѣ приведеѣ плема твоє, и Ѡ запада соверѣ та. рекѣ стѣверѣ: приведи, и востокѣ** [на поле: **лѣвѣ**], **невозбранай** (л. 317 об.). ОБ **мѣры и свинѣ...** и **восточнѣ невозбранай** (л. 726), то же Гб **моѣры и свинѣ...** и **въсточнѣ невѣзбранай** (л. 501 об.) — ἐποίησά σου ἄλλαγμα Αἴγυπτον καὶ Αἰθιοπῖαν καὶ Σοήνην ὑπὲρ σοῦ... ἐρῶ τῷ βορρᾶ ἄγε καὶ τῷ λιβί μὴ κώλυε. Грецизмы находятся в данном фрагменте и в Елизаветинской Библии: **ѣ-ѡіпїю... лѣвѣ** (1226).

Грецизм **ѣфиопѣ** фиксируется уже в домонгольский период в древнейшем переводе Жития Василия Нового к. XI в.: Егор. 162 **егда бо дѣш ѣзвачахѣ. видахѣ чистѣ множество ѣфиопѣ синихѣ ѡкрестѣ ѡдра моєго** (л. 50 б) — πλήθη Αἰθίοπων [Пентковская и др., 2018: 341]. Производное прил. **ѣтиопѣскѣ** (**ѣ-ѡип-** в Супр. ркп.) в соответствии с τῶν Αἰθίοπων, сущ. **ѣтиопѣни** οἱ Αἰθίοπες отмечается в старославянских памятниках в контекстах из Псалтыри — уже в Синайской Псалтыри (Пс. 73:14, Пс. 86:4, Пс. 71:9) [Цейтлин и др., 1994: 211].

Сохраняются грецизмы в этих контекстах из Псалтыри и в Бб3 и в предшествующих ей полных Библиях: Пс. 71:9 Бб3 **прѣнимѣ припадѣтѣ ѣ-ѡиплани** (л. 239 об.), то же ОБ (л. 14), то же Гб (л. 397 об.); Пс. 73:14 **далѣ еси того брашно людемѣ ѣ-ѡипскимѣ** (л. 239 об.), то же ОБ (л. 14 об.), то же Гб (л. 397 об.); Пс. 86:4 **людїе ѣ-ѡипстїи** (л. 242), то же ОБ (л. 17), то же Гб (л. 399 об.). Тем самым глоссирование грецизмом в Исайя 43: 3 отражает попытку редакторов Бб3 выровнять словоупотребление в разных библейских книгах.

Грецизм **лива** ‘юго-западный ветер’ активно употребляется в библейских переводах в предшествующую эпоху: Пс. 77:26–27 Гб и **наведе силою своею ливѣ** (л. 400), то же ОБ (л. 15 об.) — λίβα, africum. Грецизм сохраняется в Бб3: **лива** (л. 340 об.). В значении ‘юго-запад’ он используется в Пятикнижии Моисеевом по сп. РГБ,

ТСЛ (ф. 304.1) № 1 XIV в.: Быт. 13:14 кѣ сѣвероу и ливѣ прѣс βορρῶν καὶ λίβα; Быт. 28:14 сѣмѣ твоѣ... распространитсѣ на море и на ливоу и на сѣверъ и на вѣстокъ ἐπὶ θάλασσαν καὶ ἐπὶ λίβα [СлРяз. XI–XVII вв., вып. 8: 231]. Однако здесь три рассматриваемых источника согласуются в выборе славянского эквивалента, причем в Б63 глосса-грецизм отсутствует: Быт. 13:14 ГБ кѣ востокѣ^М (л. 7 об.), ОБ ко востокѣ^М (л. 5 об.), Б63 кѣ востокѣ^М (4 об.). Быт. 28:14 ГБ до моря и до вѣстокъ (л. 17), ОБ домора, и довѣстокъ (л. 12 об.), Б63 до моря, и до востокъ (л. 10). Правка в Б63 в виде маргинальной глоссы, таким образом, не была последовательной и не охватывала все контексты.

Избирательной была правка и в следующем случае. Иез. 26:9 Б63 забрала твоѣ и сѣны [на поле: и пѣрги] разоритѣ оръжіемъ своимъ (л. 345) — τὰ τεῖχη σου καὶ τοὺς πύργους σου καταβαλεῖ ἐν ταῖς μαχαίραις αὐτοῦ. ОБ забрала твоѣ и сѣны (л. 137 об.), то же ГБ забрала твоѣ и сѣны (л. 574).

Иез. 27:11 Б63 и сила твоѣ на забралѣхъ ѡкрѣ^Ѡтъ выша. но и миди ѡсѣнѣхъ [на поле: ѡпѣргѣхъ] твоихъ выша стражіе (л. 342) — ἐν τοῖς πύργοις. ОБ ѡсѣнѣхъ (л. 137 об.), то же ГБ въ сѣнѣхъ (л. 574 об.).

Примечательно, что исправления охватывают только те стихи, в которых ὁ πύργος переведено лексемой соунѣ. В случае перевода ὁ πύργος в ОБ лексемой столпъ она остается без глоссы в Б63: Быт. 11:4 И рѣша: прѣидѣте да созиждемъ себѣ градъ и столпъ, емѣже вѣдетъ верхъ до нѣсе (л. 4), то же ОБ столпъ (л. 5), ср. ГБ снѣ (л. 6).

По всей вероятности, лексема соунѣ (сынѣ) ‘башня’ осмысляется московскими книжниками как архаичная. Она известна уже в древнейших славянских памятниках древнеболгарского происхождения: она употребляется, в частности, в сборнике 13 Слов Григория Богослова XI в., Синайском Патерике и т.д., однако в более поздний период в самостоятельном употреблении в текстах, составленных после XV в., а не копирующих предшествующие редакции, не зафиксирована [СлРяз XI–XVII вв., вып. 29: 30, 136].

О восприятии лексемы соунѣ как архаичной и одновременной оценке лексемы столпъ как нейтральной в библейских переводах второй половины XVII в. косвенно свидетельствуют данные Библии Пискатора. В уваже 1643 г., содержащем церковнославянский перевод латинских надписаний гравюр, который связывается с деятельностью Евфимия Чудовского, ученика Епифания Славинецкого, в сюжете в строительстве Вавилонской башни лат. *turris* ‘башня’ переводится именно как столпъ: *mensuram turris Babylonis* — мѣрѣ столпа вавилонскаѣ (л. 23); *crescunt fundamenta turris* — растѣтъ ѡснованіѣ столпа (л. 24) [Библия Пискатора 2020:

82]. Это коррелирует с оставленной без глоссы лексемой **столпъ** в Б63 в Быт. 11:4.

Примечательно в то же время, что в переводе Атласа Блау, выполненном в конце 1650-х годов Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским с латыни, находим **пиргами гѣстыми** — *turribus densis*. Грецизм **пиргъ** активно используется книжниками Чудовской школы и в других переводах. Так, в переводе Нового Завета, выполненном коллективом книжников под руководством Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского в 1670-е годы, эта лексема используется в Мф. 21:33 вместо традиционного чтения **столпъ**. Она также включена в реестр «непереведенных речений» в рукописи этого перевода Син. греч. 472. Широко употребляется этот грецизм (в форме **пиргъ/пѣргъ** и **пиргость**) и в других источниках XVII в., в частности, в азбуконниках и в Проскинитарии Арсения Калуды, а также в более ранних [Николенкова, 2015: 204; СлРЯз XI–XVII вв., вып. 15: 48]. Употребление данного грецизма в глоссах Б63 призвано скорректировать архаичную лексему ОБ без ее прямого исправления в основном тексте.

Наконец, с помощью глоссы может редактироваться лексема, которая осмысляется московскими книжниками как маркированное западнорусское чтение. Это системное глоссирование **иже** → **яко** в Б63. Примечательно, что оно концентрируется в книгах, переведенных в ГБ с латыни. Наибольшее число случаев (40 глосс) приходится на книгу пророка Иеремии, за ней следует книга Юдифь (10 глосс), Товита (9 глосс) и т.д. Эти книги в ОБ переводились либо заново с греческого языка, либо были существенно отредактированы по греческой Библии [Ромодановская, 2005; Кузьминова, 2019].

І Ездр. 4:1 Б63 **оуслышаша же врази іудины и веніамини, иже [на поле: **якѡ**] снѡве плѣненіа созидають црковъ гдѣ бѣ илєвѣ** (л. 178 об.) — *καὶ ἤκουσαν οἱ θλίβοντες Ἰουδα καὶ Βενιαμὴν ὅτι οἱ υἱοὶ τῆς ἀποικίας οἰκοδομοῦσιν οἶκον τῷ κυρίῳ θεῷ Ἰσραήλ*. В ОБ глоссы нет: **иже** (л. 42). Чтение **иже** присутствует в данном стихе в ГБ, в которой книга Ездры переведены с латыни и текстологически отличается от варианта ОБ и Б63: **оуслышаша же врази іудины и веніаминѣ иже снѡве плененіа създаша црковъ гѣ бѣ илєвѣ** (л. 284) — *audierunt autem hostes Iudae et Benjamin quia filii captivitatis aedificarent templum Domino Deo Israhel*.

Многозначный (изъяснительный, целевой, условный, причинный и др.) союз **иже** (**ижѣ**) используется в церковнославянских памятниках разной локализации уже в домонгольский период [СДРЯ XI–XIV вв., III: 454; СлРЯз XI–XVII вв., вып. 6: 90–91]. Однако мо-

сковские книжники второй половины XVII в., по всей вероятности, соотносят его в первую очередь с польским и украинским союзом *iz(e) / iж(e)* [Słownik staropolski III: 9; СУМ XVI–XVII ст., вип. 13: 28], и поэтому глоссировуют его нейтральным церковнославянским союзом **яко**. Еще одной причиной, вызвавшей это глоссирование, может быть стремление избежать грамматической омонимии: **иже** в данном случае осмысляется не как союз, а как местоимение ‘который’ либо «различие», т.е. артикль. Именно как местоимение кодифицирован грамматический статус этой лексемы в церковнославянской грамматике Мелетия Смотрицкого 1619 г. [Кузьминова, 2000: 257, 282–283]. В московском издании грамматики Смотрицкого местоимений 17, а не 18, и из этого перечня изъято как раз местоимение **иже**, формы которого образуют категорию артикля («различия»). Сделано это под влиянием грамматики Лаврентия Зизания [Кузьминова 2000: 44–46; Кузьминова 2007: 174, 551–553].

Глоссы, таким образом, призваны существенно скорректировать облик печатаемого текста. С их помощью осуществляется критика текста. Они выполняют несколько разных функций: сигнализируют об имеющихся вариантах греческого чтения, приближают текст к греческому оригиналу, актуализируют словоупотребление. Объем внесенной в Б63 правки зависит в значительной мере от предшествующей истории текста, прежде всего с какого языка был сделан перевод соответствующей библейской книги, с греческого или с латыни, в ГБ, насколько тот или иной текст правился потом в ОБ. Отсутствие тотальных исправлений, которые полностью изменили бы основной текст, объясняется в предисловии несколькими причинами. Во-первых, это нехватка «переводов добрых», а также переводчиков с греческого языка. Во-вторых, это недоверие общества к новым переводам: **Нарѣди же семъ оусомнѣвахъсѧ, мнѧше не истинны быти** (л. 2). Должны быть собраны коллектив переводчиков (**Бегъ ради... тревѣ бѧше, къ еѧ исправленію и кнѧчинанію... снитисѧ преводникъ не единомъ, но многимъ и искъснымъ**) и источники (**Подобнѣ и переводомъ быти добрымъ, и не единомъ, еже бы во всемъ (всѧ) подостонствѣ еѧ совершити, и безъсѧкагѧ порока издати**). Тем самым декларируется, что библейская справа — дело работы коллектива книжников, а не индивидуальный перевод, и проводится она с привлечением многих источников. Признание существования различных «добрых» переводов применительно к лексике может означать принципиальное признание вариативности, равнозначность вариантов, помещаемых в основной текст, и вариантов на полях, соположение нескольких вариантов. Именно так впоследствии работает ученик Епифания Славинецкого Евфимий Чудовский и другие книжники чудовской книжной школы.

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Кузьминова Е.А.* Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой, предисловие Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремнёвой. М., 2000.
3. *Кузьминова Е.А.* Грамматика 1648 г. / Предисловие, научный комментарий, подготовка текста и составление указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007.
4. *Михайлов А.В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 3. Варшава, 1903.
5. *Николенкова Н.В.* К проблеме функционирования югозападнорусских регионализмов в церковнославянском тексте XVII в // Beitrage zum 19. Arbeitstreffen der Europäischen Linguistik (Polyslav). Die Welt der Slaven — Sammelbande / Сборники. Т. 60. Wiesbaden, 2016. С. 200—207.
6. *Пентковская Т.В.* Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Послания апостольские как источники перевода Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2017. № 6. С. 7—31.
7. *Пентковская Т.В., Щеголева Л.И., Иванов С.А.* Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. I: Исследования. Тексты. М., 2018.
8. *Ромодановская В.А.* Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 138—167.
9. *Ромодановская В.А.* Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 584—588.
10. *Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.* Т. I—XI—. М., 1988—2016—.
11. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 1—31—. М., 1975—2020—.
12. *Словник української мови XVI — першої половини XVII ст.* Вип. 13. Львів, 2006.
13. *Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков)* / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
14. *Nowy Testament Pana naszego IESVSA CHRISTVSA. Z nowu z Laćińskiego y z Gręckiego na Polskie wiernie a szczyrze przełożony: y Argumentami abo Summariuszami kaźdych Książ / y Rozdziałow / y Annotacyami po brzegach objaśniony. Przydane są Nauki y Przestrogi mało nie za kaźdym Rozdziałem: Porownanie Ewangelistow SS. Dzieie y drogi rozmaite Piotra y Pawła S. y Registr rzeczy głoowniejszych na końcu. Przez D. IAKVBA WVYKA, Theologa Societatis IESV. Z dozwoleniem Starszych. Pod rozsaǳek Kościoła S. Powszechnego Rzymkiego wszystko niech podłęże, Kraków, A. Piotrkowczyk, 1593, 4°.*
15. *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs.* Deutsche Bibelgesellschaft, 1979.
16. *Słownik staropolski.* Т. III. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1960—1962.

17. *Theatrum biblicum*. Библия Пискаatora 1643 года из собрания Государственной Третьяковской галереи / Сост.: О.Р. Хромов, А.В. Гамлицкий, И.Л. Бусева-Давыдова, Е.В. Буренкова, Г.П. Чинякова, Л.И. Щеголева. М., 2020.

Tatiana Pentkovskaya

FROM THE OSTROG BIBLE TO THE MOSCOW BIBLE: LEXICAL EDITING ISSUES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines the principles and nature of the lexical editing carried out during the preparation of the edition of the Moscow Bible of 1663, based on the Ostrog Bible of 1581. The main method of lexical editing in the Moscow Bible is glossing, which is used to criticize the biblical text. At the lexical level, there is a tendency to Graecization, as well as to eliminate archaic vocabulary and lexemes that may be considered as not fully corresponding to the norm of the Moscow version of the Church Slavonic language. This includes, in particular, the active glossing of the conjunction *izhe* by the conjunction *yako* in some parts of the Moscow Bible. The placement of variant readings in the margins, including the vocabulary of previous versions and the suggestions of the editors themselves, demonstrates the typological similarity of the Moscow edition not only with the Ruthenian editorial practice, but also with the Polish biblical publishing practice. This will most clearly manifest itself during the preparation of a new edition of the Bible of the 1670s — 1690s.

Key words: Early modern period; Church Slavonic Bibles; editing; marginalia system; lexical glosses.

About the author: *Tatiana Pentkovskaya* — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pentkovskaia@gmail.com).

References

1. Alekseev A.A. *Tekstologiya slavyanskoy Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St.-Petesburg: *Dmitry Bulanin*, 1999.
2. Kuzminova E.A. *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo*. [The grammars of Lawrence Zizania and Meletius Smotritsky] Comp., ed. text, scientific commentary and indexes by E.A. Kuzminova, foreword by E.A. Kuzminova, M.L. Remneva. Moscow: *Moscow State University*, 2000.
3. Kuzminova E.A. *Grammatika 1648 g.* [Grammar of 1648] Preface, scientific commentary, preparation of the text and compilation of indexes by E.A. Kuzminova. Moscow: *Moscow State University*, 2007.

4. Mikhailov A.V. *Kniga Bytiya proroka Moiseya v drevneslavyanskom perevode* [The Book of Genesis of the Prophet Moses in the Old Slavic translation]. Issue 3. Warsaw, 1903.
5. Nikolenkova N.V. K probleme funktsionirovaniya yugozapadnorusskikh regionalizmov v tserkovnoslavyanskom tekste XVII v. [On the problem of the functioning of Southwestern Russian regionalisms in the Church Slavonic text of the 17th century]. Beitrage zum 19. Arbeitstreffen der Europäischen Linguistik (Polyslav). Die Welt der Slaven — Sammelbande. Vol. 60. Wiesbaden, 2016, pp. 200—207.
6. Nowy Testament 1593 — Nowy Testament Pana naszego IESVSA CHRISTVSA. Z nowu z Laćińskiego y z Gręckiego na Polskie wiernie a szczyrze przełożony: y Argumentami abo Summariuszami kaźdych Książ / y Rozdziałow / y Annotacyami po brzegach objaśniony. Przydane są Nauki y Przestrogi mało nie za kaźdym Rozdziałem: Porownanie Ewangelistow SS. Dzieie y drogi rozmaite Piotra y Pawła S. y Registr rzeczy głowniejszych na końcu. Przez D. IAKVBA WYKYA, Theologa Societatis IESV. Z dozwoleńiem Starszych. Pod rozsałek Kościoła S. Powszechnego Rzymskiego wszystko niech podleże, Kraków, A. Piotrkowczyk, 1593, 4.
7. Pentkovskaya T.V. Besedy Ioanna Zlatousta na Deyaniya i Poslaniya apostol'skiye kak istochniki perevoda Novogo Zaveta knizhnogo kruga Yepifaniya Slavinetskogo. [Homilia of John Chrysostom on Acts and Epistles of the Apostles as sources of translation of the New Testament of the book circle of Epiphanius of Slavinetskiy] *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. № 6, pp. 7—31.
8. Pentkovskaya T.V., Shchegoleva L.I., Ivanov S.A. *Zhitiye Vasiliya Novogo v drevneyshe slavyanskom perevode*. [The life of Basil the Younger in the oldest Slavic translation] Vol I: Research. Texts. Moscow: Languages of Slavic culture, 2018.
9. Rahlfs 1979 — Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Deutsche Bibelgesellschaft, 1979.
10. Romodanovskaya V.A. Ob istochnikakh i kharaktere entsiklopedicheskikh gloss Gennadiyevskoy biblii (1499 g.). [On the sources and nature of the encyclopedic glosses of the Gennady Bible (1499)] *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 52. St.-Petersburg: Nauka, 2001, pp. 138—167.
11. Romodanovskaya V.A. Gennadiyevskaya Bibliya. [Gennady's Bible] *Orthodox Encyclopedia. Orthodox encyclopedia*. Vol. 10. Moscow: Orthodox encyclopedia, 2005, pp. 584—588.
12. Slovar' drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv. T. I—XI—. M., 1988—2016—. [Dictionary of the Old Russian language of the 11th—14th centuries]. Vyp. I—XI—. Moscow, 1988—2016—.
13. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries]. Iss. 1—31—. Moscow, 1975—2020—.
14. Slovnyk ukrayins'koyi movy XVI — pershoiy polovyny XVII st. [Dictionary of the Ukrainian language of the 16th — first half of the 17th century] Iss. 13. Lviv, 2006.

15. Słownik staropolski — Słownik staropolski. T. III. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1960–1962.
16. Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov). [Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th — 11th centuries)] Ed. R.M. Zeitlin, R. Vecherka, E. Blagova. M., 1994.
17. Theatrum biblicum. Bibliya Piskatora 1643 goda iz sobraniya Gosudarstvennoy Tret'yakovskoy galerei [Theatrum biblicum. Piscator's Bible of 1643 from the collection of the State Tretyakov Gallery]. Sostaviteli: O.R. Khromov, A.V. Gamlitskiy, I.L. Buseva-Davydova, Ye.V. Burenkova, G.P. Chinyakova, L.I. Shchegoleva. Moscow: *State Tretyakov Gallery*, 2020.

В.С. Савельев

**СЛОВО САМЪ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ГЕРОЕВ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье на материале непереводаемых диалогических фрагментов «Повести временных лет» анализируется использование слова *самъ* в высказываниях летописных героев. Излагаются теоретические основания исследования, базирующиеся на выводах исследователей об особенностях функционирования слова *сам(ъ)* в древнерусских памятниках и современном русском языке. Устанавливаются значения, выражаемые словом *самъ* в летописных высказываниях. Обнаруживается, что все случаи использования слова *самъ* в летописных высказываниях связаны с контрастным его употреблением, при этом данное слово образует тему или рему высказывания или занимает позицию коммуникативно выделяемого компонента. Отмечается крайне редкое использование слова *самъ* в приименной позиции. Основными выводами исследования становятся установление зависимости использования слова *самъ* от коммуникативных целеустановок летописного героя выразить то или иное дополнительное значение, связанное с коммуникативным значением контраста, а также определение традиционного характера использования слова *сам(ъ)* в русском языке.

Ключевые слова: «Повесть временных лет»; непереводаемые диалогические фрагменты; прямая речь; слово *самъ*.

В русском языке есть слова, описанию которых посвящено значительное количество работ, но при этом актуальность их изучения меньшей не становится. Одним из них является слово *сам(ъ)*.

Использование слова *сам* на материале современного русского языка описано в работах [Борисова, 1990; Кибрик, Богданова, 1995; Урысон, 1995; Кибрик, 1996; Янко, 2001; Лютикова, 2002], в которых представлены различные типологии употребления этого слова.

Е.Г. Борисова, анализируя примеры использования слова *сам*, выделяет четыре его значения: 1) «в предложениях *Сделай сам; Не*

Савельев Виктор Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

трогай его — он сам все поймет и аналогичных слово *сам* имеет значение “без посторонней помощи”»; 2) «в примерах *Тебя зовет сам начальник, Его в самой Москве хорошо принимали* и т.п. ... местоимение *сам* употребляется для подчеркивания особого положения человека (или объекта, места и т.п.) в иерархии»; 3) «в примерах *Сам-то он еще ничего, а вот его семья...; Вы живете в пригороде или в самой Москве?* ... речь идет о противопоставлении множества и его части, причем последняя представляется как выделенная, наиболее представительная часть множества»; 4) «в примерах *Кто разбил Петину чашку? — Сам Петя; Мне это не нравится — Я и сам возмущен* характерной ... является выделенная позиция слова, к которому относится местоимение *сам*, и актуализованность понятия, обозначенного этим словом» [Борисова, 1990: 118, 119]. Исследователь указывает, что значения 1 и 2 являются номинативными, в то время как «и в третьем, и в четвертом значениях местоимения *сам* мы сталкиваемся с элементами значения коммуникативного типа: в обоих случаях это информация о выделении, а в четвертом значении это также и сведения об актуализованности» [Борисова, 1990: 119].

В исследовании А.Е. Кибрика и Е.А. Богдановой представлено «функциональное, когнитивно ориентированное описание употребления лексемы *сам* ... в различных синтаксических контекстах» [Кибрик, Богданова, 1995: 28]. В результате на материале примеров приименного употребления слова *сам*¹ устанавливаются его «базовые значения», при этом оказывается, что они связаны с особенностями словопорядка: постпозитивное *сам* выражает значения: 1) **добавляющее *сам*** — «неформально может быть описано как “ТАКЖЕ И X”» («Напрасно графиня, испуганная иступлению его страсти, хотела противуставить ей увещания дружбы и советы благоразумия, она / *сама* [и она также, она тоже] ослабевала. (А.С. Пушкин)»); 2) **контрастивное *сам*** — «может быть условно определено как “ИМЕННО X”» («А: — А сказывал он вам имя этого повесы? В: — Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах! ваше сиятельство... Уж не вы ли?... А: — Я \\ *сам* [ср.: именно я] ... (А.С. Пушкин)»); 3) **самостоятельное *сам*** — «примерно соответствует выражению “X САМОСТОЯТЕЛЬНО”» («Но Марья Гавриловна \\ *сама* в беспрестанном бреду высказывала свою тайну (А.С. Пушкин)»); препозитивное *сам* выражает значения: 4) ***сам* неожиданное** — «значение выражения “сам X” может быть неформально названо “ДАЖЕ X”» («Как все вчера гуляли! *Сам* Петров [ср.: даже Петров] напился»); 5) ***сам* дискурсивное** — «стоит несколько особняком: оно не всегда может быть реализовано в пределах одного предложения и действует скорее на уровне текста.

¹ В случае приименного употребления «*сам* находится в составе именной группы, являясь определителем при ее вершине. Например: ... (2) Ах, обмануть меня не трудно!.. [Я *сам*] обманываться рад!.. (А.С. Пушкин)» [Кибрик, Богданова, 1995: 28].

Сам ДИСК акцентируется противопоставительно и может быть сопоставлено с другой дискурсивной единицей — частицей *же*: “сам X” — “X ЖЕ”» («Бухгалтер обомлел, съезжился и сделал такой вид, как будто и самое [самНЕОЖ] слово “Варьете” он слышит впервые, а \сам [он] подумал: “Ну и ну!..” (М.А. Булгаков)») [Кибрик, Богданова, 1995: 30–35]².

Особенностью системы описания, представленной в работе Т.Е. Янко, является выведение «подзначений слова *сам* из семантического комплекса “инвариант плюс контекст”» [Янко, 2001: 281]. Описывая инвариантное значение *сам*, исследователь отмечает, что «*сам* может использоваться для **преодоления инерции эмпатии** говорящего: ... для возврата к X-у, который уже был центральным действующим лицом ситуации, а затем передал бразды правления Y-у, требуются специальные средства. Слово *сам* восстанавливает X-а в правах центрального исполнителя роли R»³ [Янко, 2001: 283]. При этом «толкование слова *сам* имеет пересечение с определением коммуникативного контраста (ср. *Вася \, а не Маша* и *Сам Вася, а не Маша*), предполагающего рассмотрение контрастно выделенного компонента на фоне других, подобных ему, и эмфатического выделения, за которым стоит некая иерархия ценностей (ср. *Пришел президент!* и *Сам президент!*)» [Янко, 2001: 281, 282]⁴.

Т.Е. Янко устанавливает типы контекстов лексемы *сам*, выделяя среди них локальные употребления (для их «интерпретации не требуется выхода за пределы предложения»): 1) «собственно эмфатическое *сам*» («*Сам министр приехал на заседание!*»), 2) «адвербиальное *сам*» («2.1. *Сам* в отсутствие внешней каузации: *Я сам знал, что легкая жизнь скоро кончится* ... 2.2. *Сам* в отсутствие посторонней помощи:

² В работе также приводятся подробные толкования каждого из значений, включающие две части — «состояние ожиданий адресата» и «инструкция адресату о коррекции ожиданий».

³ Автором приводятся и анализируются примеры «*Наш больной (X) думает, что на портрете изображен Наполеон (Y), а в действительности это сам больной (X)*», «*Вот Васина (X) жена (Y), а вот — сам Вася (X)*», «*Пройдя мимо экипажа (Y) Кутузова (X), князь Андрей вошел в сени. Сам Кутузов (X) находился в избе с князем Багратионом*» [Янко, 2001: 283].

⁴ Ср. с определением **ядра базовых значений лексемы *сам*** А.Е. Кибрика и Е.А. Богдановой: «Базовые значения лексемы *сам* <...> относятся к одной и той же дискурсивной задаче говорящего: сфокусировать внимание адресата на том, что говорящий знает, что информация об Л-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об Л-е необходимо внести соответствующее исправление» [Кибрик, Богданова, 1995: 35], и определением **семантического инварианта интенсификаторов**, в том числе и слова *сам*, Е.А. Лютиковой (Е.А. Богдановой): «Базовые значения интенсификаторов имеют много общего. Употребление интенсификатора отвечает дискурсивной задаче говорящего сфокусировать внимание адресата на том, что информация об X-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об X-е необходимо внести соответствующее исправление» [Лютикова, 2002: 49].

Я сам починил машину ... 2.3. Сам отказа от делегирования прав и обязанностей: *Я сам поеду в Саратов*»); контрастивные употребления (употребления данного типа «представляют переходную область между локальными и дискурсивными употреблениями, потому что противопоставление ... может быть эксплицитно выражено в контексте, ... а может и подразумеваться»); 3) «сам контрастивное» («*Это был я сам*»); дискурсивные употребления (для их «интерпретации требуется выход за пределы предложения»); 4) «сам иерархической интродукции» («*Вот Васина жена ..., а вот сам Вася*»); 5) «сам инклюзивное (= “тоже”)» («*Ибрагим полюбил графиню, она сама ослабевала*»); 6) «сам возврата темы» («*Васина жена любит Ибрагима, а сам Вася — графиню*»); 7) «сам говорящего» («*Мы сами не местные*»); 8) «сам в сравнительных конструкциях» («*Она несет батон такого же размера, как она сама*»); 9) «сам деонтическое» («*Обещал остаться, а сам уехал*»)⁵. Отдельно рассматривается 10) «составной рефлексив сам себя» («*Унтер-офицерская вдова сама себя высекла*») [Янко, 2001: 286, 287].

Как мы видим, разноаспектные истолкования особенностей функционирования слова *сам* в современном русском языке оказываются невозможными без признания коммуникативной обусловленности использования этой лексемы: она «принадлежит к так называемым дискурсивным лексическим элементам ... Причина “неуловимости” их значений кроется в их функциональной природе. Эти элементы участвуют не столько в построении денотативного слоя смысла высказывания, сколько в “привязывании” этого смысла к ситуации акта речи» [Кибрик, Богданова, 1995: 28]; *сам* относится к словам *контраста*, «семантика которых конструирует ограниченное множество возможностей, известных говорящему и слушающему, на фоне которых рассматривается текущая возможность, и из которых производится выбор, а все остальные возможности отбрасываются» [Янко, 2010: 138].

Рассмотрение слова *самъ* в коммуникативном аспекте на историческом материале обнаруживается в работе А.А. Зализняка, относящего *самъ* к «начальным» словам, после которых образуется факультативный барьер: с одной стороны, эти слова «относятся по смыслу ко всей остальной части фразы в целом», с другой — «соотнесены по смыслу с предшествующей фразой (например, по схеме: “он сделал то-то, а я — то-то”, или “возможно, произойдет то-то, тогда сделай то-то”, или “меня извести, а сам сделай то-то”, и т.п.)» [Зализняк, 2008: 56], при этом «выделение или невыделение начального слова (или словосочетания) клаузы с помощью факультативного

⁵ «При деонтическом употреблении *сам* в роли Y-а выступает сам X, взятый в особой ипостаси. При сравнении X-а, каков он есть, с таким, каким ему следует быть, используется субстантивное *сам*» [Янко, 2001: 303].

барьера зависит от интенции говорящего (пишущего)» [Зализняк, 2008: 94]. К «мотивам, по которым выделяется начальное слово», относятся «противопоставление или эмфаза», «соотнесенность в более широком смысле», «прочие случаи выделения темы», «выделение обстоятельства» [Зализняк, 2008: 56, 57]. Конструкции с *самъ*, рассмотренные А.А. Зализняком, относятся к примерам, для которых «мотивом выделения» является «соотнесенность в более широком смысле», при этом начальное слово, после которого обнаруживается факультативный барьер, образует тему высказывания [Зализняк, 2008: 95–97].

Таким образом, использование *сам(ъ)* в древнерусском и современном высказывании напрямую связано с необходимостью создания коммуникативной структуры определенного типа, в которой *сам(ъ)*, будучи используемым самостоятельно или в сочетании с другим словом, занимает позицию члена предложения, который должен быть — по той или иной причине — коммуникативно выделен.

Насколько функционирование древнерусского *самъ* соотносимо с использованием *сам* в современном русском языке? Попробуем хотя бы частично ответить на этот вопрос, сопоставив высказывания с *самъ* героев «Повести временных лет»⁶ с «типами контекстов», выделяемыми Т.Е. Янко при описании употребления *сам* в современных высказываниях.

Как показал анализ, все случаи использования *самъ* в летописных высказываниях⁷ связаны с **контрастным** его употреблением, при этом *самъ* образует тему или ремю (далее — Т или Р) высказывания или занимает в их составе позицию **коммуникативно выделяемого компонента**⁸ — компонента темы или ремы, об особом коммуникативном статусе которого свидетельствует наличие определенных средств его

⁶ Выбор в качестве объекта исследования непереводаемых диалогических фрагментов связан с тем, что в них изображается устная речь древнерусских коммуникантов, структурные особенности которой могут быть выявлены при анализе их реплик.

О принципах отнесения диалогических фрагментов летописи к непереводаемым см. [Савельев, 2021: 34–41].

О принципах определения коммуникативной структуры летописных высказываний см. [Савельев, 2021: 367–378].

В качестве материала исследования использовался текст «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, воспроизведенной в издании [ПСРЛ, 1908]. При разбивке текста на предложения и расстановке пунктуационных знаков, отсутствующих в летописи, использовались данные академического издания [Повесть временных лет, 1950], подготовленного Д.С. Лихачевым, а также изданий [Бугославский, 2006] и [Повесть временных лет, 2000]. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в летописи византийскому летосчислению и летосчислению от Рождества Христова).

⁷ В 323 непереводаемых диалогических фрагментах обнаружено 23 случая использования *самъ* в высказываниях персонажей.

⁸ Далее используются сокращения: ВКТ — коммуникативно выделяемый компонент темы, ВКР — коммуникативно выделяемый компонент ремы.

выделения⁹. При этом, как оказалось, летописные высказывания с *самъ* могут быть определены как относящиеся к типам контекстов локальными и дискурсивными употреблениями этого слова¹⁰.

Локальные употребления¹¹

Адвербиальное *самъ*:

– отсутствие внешней каузации:

<1> І рѣ Дѣдъ къ Стѣполку: (1) «(1.1) Видиши ли: (1.2) не помнишь тебе, (1.3) ходѣ в рѣку твою? (1.4) Аще ли видеть въ свою волость, (1.5) самъ (ВКР) оузриши (Р), (1.6) аще ти не занимаетъ городовъ твоихъ <...> (1.7) Да поманеши ма <...>» (6605 / 1097) — речевая стратегия кн. Давыда состоит в моделировании предполагаемых в настоящем и будущем сенсорных действий и ментальных состояний собеседника (видиши — оузриши — поманеши) в соединении с «навязанными» ему своими оценками событий; говорящему важно создать видимость объективности оценки ситуации, именно поэтому в (1.5) внимание собеседника фокусируется на том, что он увидит происходящее *сам(остоятельно)* (корректировка ожиданий адресата: «это твоя собственная информация: никто не заставляет тебя это “увидеть”»);

– отсутствие посторонней помощи:

<2> Федоси же рѣ: (1) «(1.1) Положите хлѣбъ предъ нимъ (1.2) и не вкладайте в рѣчь ему, (1.3) атъ самъ (ВКР) гастъ (Р)» (6582 / 1074) — внимание собеседника фокусируется на том, что субъект должен совершать действие *самостоятельно* (корректировка ожиданий адресата: «не вы его кормите, а пусть он сам ест»);

– отказ от делегирования прав и обязанностей:

<3> Ипочаша гастипервое сами, потом же и печенѣзѣ. И оудвишася, рекоша: (1) «(1.1) Не имуть сему вѣры наши князи, (1.2) аще не гадать сами (ВКР) (Р)» (6505 / 997) — (1.2) представляет собой косвенный речевой акт с иллокутивной функцией «прескрипция» («*Пусть (наши князья) ядят сами*»); внимание собеседника фокусируется на том, что действие должен совершить не говорящий, а другой субъект (корректировка ожиданий адресата: «должны не мы есть, а наши князья»).

Дискурсивные употребления¹²

Самъ иерархической интродукции:

<4> И еще живу сущю ему, наряди сны своа, реки имъ: (1) «<...> (1.1) Вы, (Обращение) снѣвъ мои, (1.1) имѣйте межн собою любовь

⁹ Подробнее о коммуникативно выделяемых компонентах (в том числе историю вопроса и обзор работ, в которых указываются средства выделения ВКТ и ВКР в древнерусском высказывании) см. [Савельев, 2021: 393, 394].

¹⁰ Приводится по одному примеру на каждый тип.

¹¹ Высказывания с «собственно эмфатическим *сам*» не обнаружены.

¹² Высказывания с «*сам* говорящего» и «*сам* в сравнительных конструкциях» не обнаружены.

<...> (1.2) Да аще будете в любви меж собою, (1.3) и Бѣ́ть будете в васъ (1.4) и покорить вы противныа подь вы. <...> (1.5) Аще ли будете ненавистно живуще <...> (1.6) то и сами (ВКР) (Р) погивнете (Т), (1.7) и землю щцъ своихъ и дѣдъ (Р) погубите (Т) <...>» (6562 / 1054) — несмотря на то что *сами* соотносится с темами предшествующих высказываний (упоминаются сыновья кн. Ярослава), сегмент *то и сами* следует оценить как рему: актуально сообщение о том, что будущая катастрофа коснется всех — и самих участников усобиц, и земли их рода; при этом *сами* выбирается как такой способ номинации, который позволяет сфокусировать внимание на месте адресата, занимаемом им по отношению к субъектам, названным в (1.7); темы (1.6) и (1.7) соотносятся с (1.3) и (1.4) — высказываниями, в которых дается благоприятный прогноз в случае осуществления (1.2) (корректировка ожиданий адресата: «не стоит рассчитывать на победу в усобице: победивших не будет»).

Самъ инклюзивное:

<5> Дѣдъ же на Стѣпопка нача извѣтъъ творити, гл҃а: (1) «(1.1) Ци а се створилаъ, (1.2) ци ли оу моемъ городѣ? (1.3) Идътъ (Т) и самъ (ВКР) вогалъса (Р), (1.4) аще выша и мене не гали (1.5) и створили то же <...>» (6605 / 1097) — тема (1.3) называет тот же субъект, что и в (1.1) и (1.2); использование *самъ* в реме (1.3) позволяет говорящему солидаризироваться с кн. Василько и, следовательно, уйти от обвинений в злодеянии (корректировка ожиданий адресата: «говорящий не преступник, а жертва: с говорящим могли поступить так же вероломно, как и с кн. Василько»).

Самъ возврата темы:

<6> И <...> рѣе имъ: (1) «(1.1) Живете всеогѣ, (1.2) поставлю вы и г҃умена, (1.3) и самъ (ВКТ) (Т) хощю въ ину гору състи шдинъ (Р) <...>» (6559 / 1051) — несмотря на то что агенсом (1.2) является говорящий, центральную роль в субъектной перспективе (1.2), как и в (1.1), играют собеседники, о будущей жизни которых идет речь; в (1.3) говорящий перекладывает внимание на *свою* будущую жизнь при помощи слова *самъ* (корректировка ожиданий адресата: «теперь речь пойдет не о вас, а обо мне»).

Самъ деонтическое:

<7> Володимиръ же рѣе: (1) «(1.1) То како вы инѣхъ оучите, (1.2) а сами (ВКТ) (Т) ѿвѣржени ба (Р)? <...>» (6494 / 986) — тема (1.2) называет тот же субъект (=адресат), что и дейктик *вы* в (1.1); рема (1.2) описывает состояние этого субъекта, входящее в противоречие с его деятельностью, упомянутой в (1.1); слово *сами* фокусирует внимание на этом противоречии, «предвосхищая» описание того негативного признака, который и служит основанием «развенчания» деятельности субъекта (корректировка ожиданий адресата: «являясь одновременно субъектом действия (1.1) и состояния (1.2), говорящий нарушает норму»).

Самъ в составном рефлексиве:

<8> **И иде въ варагы, и приде въ Римъ, исповѣда, елико наоучи и елико видѣ, и рече имъ:** (1) «(1.1) <...> **И** тако творять по всѣ дни (1.2) **не** мѹчими никымъ же, (1.3) но сами (ВКР) сѣ (Р) мѹчать (Т) <...>» — тема (1.3) соотносится с (1.2); рема (1.3) называет субъект, противопоставленный субъекту (1.2) (корректировка ожиданий адресата: «субъектом действия является не кто-то другой, что было бы нормально, а тот, о ком речь шла раньше») ¹³.

Итак, соотнесение высказываний со словом *самъ* и соседствующих с ним высказываний показывает, что в каждом из рассмотренных случаев *самъ* играет в коммуникативной структуре такую роль, которая свидетельствует об особой выделенности этого компонента.

Обращает на себя внимание то, что в летописной прямой речи *самъ* крайне редко используется в **приименной позиции** ¹⁴; исключением служат <5> и <9>:

<9> **Ѡна же рече:** (1) «(1.1) **Како мѹ хочещи помѣти <...>? (1.2) А въ крѣтъяньхъ того нѣѣ закона, (1.3) а ты (ВКТ) (Т) самъ (ВКР) вѣси (Р)» (6463 / 955) — *самъ* выражает значение «отсутствие внешней каузации» (ср. с <1>).**

В обоих случаях *самъ*, формально соотносимое с подлежащим, образующим тему, входит в состав ремы, выражая значение, связанное с коммуникативным контрастом: в <9> говорящему важно указать на то, что знание принадлежит самому собеседнику, а не навязывается кем-то (при этом именно тему «*а ты*» можно подвергнуть эллипсису: *«**А** въ крѣтъяньхъ того нѣѣ закона — **самъ** вѣси» — значение контраста сохраняется); в <5> следует также обратить внимание на наличие в высказывании частицы *и*: данная проклитика занимает позицию перед *самъ*, маркируя начало новой коммуникативной составляющей — ремы ¹⁵.

В случае **не-приименного использования** лексема *самъ* является единственным лексическим средством выражения субъектного

¹³ Обращает на себя внимание использование слабой энклитики *сѣ* в составе первой тактовой группы (=ремы), а не при глаголе в составе темы; таким образом, обнаруживается расхождение синтаксической и коммуникативной структур высказывания.

¹⁴ См. подробное описание на материале современного русского языка в [Кибрик, Богданова, 1995].

¹⁵ С другой стороны, нельзя исключить возможность иной оценки коммуникативной структуры (1.3) в <5>, допустив, что *зѣ* не образует барьер, а подвергается вторичной проклитизе: коммуникативное выделение *зѣ* в данном контексте неоправданно, зато имеет смысл выделение *самъ*, что вполне соотносится с наблюдением А.А. Зализняка об актуализации следующего за полупроклитикой слова («Можно предполагать, что ослабление начального слова путем его вторичной проклитизы ведет к переносу внимания на следующее за ним слово ...; иначе говоря, в таких фразах оказывается выделенным по смыслу полноударное слово, стоящее после полупроклитики» [Зализняк, 2008: 70]).

значения в высказывании. Однако, как показывает анализ летописной прямой речи, намного чаще в ней встречаются конструкции, в которых субъектное значение выражается исключительно грамматически — как формами 1 и 2 лица, так и формами 3 лица глаголов¹⁶, преимущественно императива и индикатива (<10> **И ркоша деревланне къ Волзѣ:** (1) «**Кдѣ сѹть друзѣ наши, нхъжѣ послахомъ по та?**» **Вна же рѣе:** (2) «**Идуть по мнѣ съ дружиною мѹжа моѣ**» (6453 / 945), <11> **И съзва цѣрь в полатѹ вогары свога и рѣе имъ:** (1) «**Что ствѣри?**» **Не можемъ стати противѹ емѹ.** **И ркоша емѹ вогаре:** (2) «**Посли к немѹ дары <...>**» (6479 / 971), <12> **Стѹполкъ же <...> рѣе имъ:** (1) «**Приаѣте ли мнѣ всимъ срѣцмъ?**» **И рѣе Пѹтыша:** (2) «**Можемъ головы своѣ с вышгородци положити**» (6523 / 1015) и под). Таким образом, примеры <1>–<4>, <6>, <8> показывают, что *самъ* используется в таких конструкциях, в которых его формально-синтаксическое употребление не только не является обязательным, но и, скорее всего, является маркированным.

В связи с этим использование слова *самъ* в высказываниях героев «Повести временных лет» следует признать обусловленным причинами, схожими с теми, что объясняют дистрибуцию а) полноударных словоформ дательного и винительного падежей личных местоимений 1 и 2 лица vs. форм местоимений-энклитик¹⁷, б) словоформ именительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица в высказываниях с перфектом vs. энклитических форм вспомогательного глагола *быти*¹⁸: **слово *самъ* а) употребляется в тех случаях, когда в высказывании помимо субъектного значения должно быть выражено некоторое дополнительное значение, так или иначе связанное с коммуникативным значением контраста, вследствие чего слово *самъ* б) образует коммуникативную составляющую (тему или рему) или занимает позицию коммуникативно выделяемого компонента.** При этом, как оказалось, употребление слова *самъ* в высказываниях летописных героев соотносимо с тем, которое свойственно слову *сам* в высказываниях современного русского языка, что свидетельствует об устойчивом, традиционном характере функционирования *самъ* в русском языке.

Список литературы

1. *Борисова Е.Г.* Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 113–120.

¹⁶ В последнем случае существует ограничение: высказыванию с эллипсисом подлежащего должно предшествовать высказывание, в котором субъект назван лексически.

¹⁷ [Савельев, 2021: 396–398].

¹⁸ [Савельев, 2021: 398–400].

2. *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. М., 2006.
3. *Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
4. *Кибрик А.Е.* Связанные употребления лексемы САМ в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996. С. 494–509.
5. *Кибрик А.Е., Богданова Е.А.* САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. М., 1995. С. 28–47.
6. *Лютикова Е.А.* Когнитивная типология. Рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
7. Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подготовка текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
8. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I: XI–XII века. СПб., 2000. С. 62–315.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
10. *Савельев В.С.* Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2021.
11. *Урысон Е.В.* Словарная статья местоимения САМ: проблемы описания лексической многозначности // Теоретическая лингвистика и лексикография. Опыт системного описания лексики. М., 1995. С. 82–125.
12. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
13. *Янко Т.Е.* Интонация контраста, или минимальные пары фразовой просодии // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл: Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М., 2010. С. 136–148.

Victor Savelyev

THE WORD *САМЪ* IN THE STATEMENTS OF THE HEROES OF THE TALE OF BYGONE YEARS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the use of the word *самъ* in the statements of chronicle heroes based on original dialogical fragments of The Tale of Bygone Years. The theoretical foundations of the study are based on research into the functioning of the word *сам(ъ)* in ancient Russian texts and modern Russian. We have established the meanings of the word *самъ* in the chronicle sayings. It is found that all cases of the use of *самъ* in chronicle statements are associated with its contrasting use, while this word forms a theme or rheme of the statement or takes the position of a

communicatively distinguished component as part of a theme or rheme. It is noted that the word *camб* is extremely rare used in an appropriate position. The main conclusions of the study are the establishment of the dependence of the use of the word *camб* on the communicative goals of the chronicle heroes to express this or that additional meaning associated with the communicative value of contrast, as well as the definition of the traditional nature of the use of the word *cam(б)* in the Russian language.

Key words: The Tale of Bygone Years; original dialogical fragments; direct speech; word *camб*.

About the author: *Victor Savelyev* — PhD, Associate Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

References

1. Borisova E.G. Otrazhenie kommunikativnoj organizacii vyskazyvaniya v leksicheskom znachenii [Reflection of the communicative organization of the statement in the lexical meaning]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1990, № 2, 1990, pp. 113–120. (In Russ.)
2. Bugoslavskij S.A. *Tekstologiya Drevnej Rusi. Povest' vremennyh let*. [Textology of Ancient Russia. The Tale of Bygone Years] Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 656 p.
3. Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 280 p.
4. Kibrik A.E. Svyazannye upotrebleniya leksemy SAM v russkom yazyke [Related uses of the *CAM* lexeme in Russian]. *Rusistika. Clavistika. Indoevropeistika*. Sbornik k 60-letiyu A.A. Zaliznyaka. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 494–509.
5. Kibrik A.E., Bogdanova E.A. *SAM* kak operator korrekcii ozhidaniy adresata [*CAM* as an operator for correcting the addressee's expectations]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1995, № 3. Moscow, 1995, pp. 28–47. (In Russ.)
6. Lyutikova E.A. *Kognitivnaya tipologiya. Refleksivy i intensifikatory* [Cognitive typology. Reflexives and intensifiers]. Moscow, IMLI RAN, 2002. 254 p.
7. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. Chast' pervaya. Tekst i perevod. Podgotovka teksta D.S. Lihacheva. Perevod D.S. Lihacheva i B.A. Romanova. Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Moscow–Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 405 p.
8. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, T. I. XI–XII veka, St. Petersburg, Nauka, 2000, pp. 62–315.
9. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Tom vtoroj. Ipat'evskaya letopis'. Izdanie vtoroe. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. 638 p.
10. Savel'ev V.S. *Izobrazhenie ustnoj kommunikacii v "Povesti vremennyh let"* [Image of oral communication in "The Tale of Bygone Years"]. Diss. ... dokt. fil. nauk. Moscow, 2021. 659 p.

11. Uryson E.V. Slovarnaya stat'ya mestoimeniya *CAM*: problemy opisaniya leksicheskoj mnogoznachnosti [Dictionary entry of the pronoun *oneself*: problems of describing lexical polysemy]. *Teoreticheskaya lingvistika i leksikografiya. Opyty sistemnogo opisaniya leksiki*, Moscow, 1995, pp. 82–125.
12. Yanko T.E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2001. 384 p.
13. Yanko T.E. Intonaciya kontrasta, il i minimal'nye pary frazovoj prosodii [Contrast intonation, or minimal pairs of phrasal prosody]. *V prostranstve yazyka i kul'tury. Zvuk, znak, smysl. Sbornik statej v chest' 70-letiya V.A. Vinogradova*. Moscow, YASK Publ., 2010, pp. 136–148.

Л.Л. Баранова, Л.Ф. Мишина

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА “INSULARITY” (ОСТРОВНОЕ МЫШЛЕНИЕ)
В СБОРНИКЕ ЭССЕ ДЖОРДЖА ОРУЭЛЛА
“THE ENGLISH PEOPLE AND OTHER ESSAYS”**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Цель настоящей статьи заключается в изучении языковой репрезентации концепта “insularity”, являющегося важной частью понятийной и языковой картины мира британцев, в сборнике эссе Дж. Оруэлла “The English people and other essays”. Задачи исследования: выделить и описать особенности языковой репрезентации концепта “insularity”, а также провести анализ словарных дефиниций лексических единиц, которые представляют собой неотъемлемую часть языкового выражения концепта “insularity”. Отбор данных лексических единиц проводился с опорой на авторитетные толковые словари английского языка, словари синонимов и электронный ресурс www.thesaurus.com. Статья состоит из введения, основной части, представляющей собой анализ сборника эссе Дж. Оруэлла, и заключения. При проведении исследования применены методы контекстуального, лингвокогнитивного и дискурсивного анализа. Авторы приходят к выводу о том, что лексические единицы, употребляемые Дж. Оруэллом, входят в состав периферии рассматриваемого концепта. Более половины слов представлены в авторитетных словарных источниках с пометами “disapproving”. Примерами таких лексических единиц являются “xenophobia”, “effeminate”, а также уничижительные слова, которыми англичане называют представителей других культур. Подчеркивается, что одно из проявлений «островного мышления» — особое, недоверчивое отношение к иностранцам, вследствие чего слова “foreign” и “foreigner” часто вызывают негативные ассоциации у англичан, которые отождествляют всё чужое с опасностью, а принадлежащее родной культуре, — с защищенностью. Отмечается, что дальнейшие исследования в этом направлении позволят лучше понять не только «островное

Баранова Людмила Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ludbar2000@gmail.com).

Мишина Луиза Федоровна — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lindemannlouise@mail.ru).

мышление» жителей Альбиона, но и отличительные черты британского варианта языка.

Ключевые слова: концепт; островное мышление; британский вариант английского языка; Джордж Оруэлл.

Введение. В современных гуманитарных науках все большую актуальность приобретают вопросы, которые связаны с особенностями той или иной культуры. Данная тенденция наблюдается и в лингвистике. Интерес к анализу специфики различных национальных культур и менталитетов является результатом усиливающегося антропоцентризма современной науки о языке, центром внимания которой все чаще становится языковая личность, человек, который «будучи носителем сознания и находящийся в непрерывном процессе коммуникации в рамках некоторого сообщества, “сплетающий внутри себя” язык, культуру и лингвокультуру и “вплетающий себя” в язык, культуру и лингвокультуру, оказывается не только объектом, но и субъектом (творцом) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации» [Красных, Бубнова, 2015: 170].

В данной статье мы обращаемся к такому понятию, как «концепт». В исследовании берется за основу предложенное Е.С. Кубряковой определение, согласно которому концепт является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996: 90]. Е.С. Абаева подчеркивает национальную специфику концептов. «Национальная концептосфера — совокупность обработанных и стандартизированных концептов в сознании народа. Концепты реализуются, прежде всего, с помощью лексем» [Абаева, 2007: 7].

Известно, что различают ядро и периферию концепта. Ядро концепта — это первичные, наиболее наглядные образы, периферией же являются более абстрактные понятия [Попова, 2001: 26]. Такие исследователи, как И.А. Стернин, З.Д. Попова также выделяют ближнюю периферию, к которой относятся универсальные знания, общие для всей нации, всей культуры, и дальнюю периферию, базирующуюся на индивидуальных ассоциациях и знаниях. Д.С. Мухортов и Е.Е. Поликарпова, в свою очередь, отмечают, что концепт обладает сложной и многоплановой структурой, часть которой включает принадлежащие культуре ассоциации, эмоции, оценки, образы и коннотации [Мухортов, Поликарпова, 2019: 39]¹.

¹ “Concept has a complex and multi-dimensional structure. Besides the conceptual foundations, it has a socio-psycho-cultural part that contains the associations, emotions, evaluations, images and connotations inherent in a national culture” [Мухортов, Поликарпова, 2019: 39].

Учитывая вышеприведенные теоретические основы данного исследования, обратимся к словарной дефиниции “insularity”: “Interested in your own group, country, way of life etc and no others — used to show disapproval” [The Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005]. Словарное значение лексемы образует ядро рассматриваемого концепта, в то время как связанные с ним знания, ассоциации и коннотации формируют его периферию.

В настоящей статье мы анализируем языковое выражение преимущественно периферии концепта “insularity” («островное мышление»), являющегося частью как понятийной, так и языковой картин мира британцев, которых «часто характеризуют как высокомерных снобов, отстраненных и лицемерных, а также как необщительных и сдержанных в проявлении эмоций людей» [Баранова, 2018: 43]. Т.В. Ларина, в свою очередь, отмечает, что упомянутая сдержанность в проявлении эмоций является характерной чертой английской культуры [Ларина, 2015: 146]².

Анализ сборника эссе Джорджа Оруэлла “The English people and other essays”. Материалом для исследования послужил сборник эссе Дж. Оруэлла “The English people and other essays”. Было проанализировано 380 страниц печатного текста, причем лексические единицы отбирались с опорой на авторитетные толковые словари английского языка, словари синонимов и электронный ресурс www.thesaurus.com. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что работы Джорджа Оруэлла были написаны в первой половине XX в., они остаются актуальными по сей день: его романы экранизируют, а журнал *The Economist* ссылается на писателя в *Style Guide*, признавая его прозу образцом стиля. Лексемы для анализа отбирались методом сплошной выборки. В соответствии с ограничениями, связанными с объемом статьи, мы остановимся на самых репрезентативных лексических единицах. Приведем отрывок из вышеупомянутой работы:

“The working man’s heart does not leap when he sees a Union Jack. But the famous ‘insularity’ and ‘xenophobia’ of the English is far stronger in the working class than in the bourgeoisie. In all countries the poor are more national than the rich, but the English working class are outstanding in their abhorrence of foreign habits. Even when they are obliged to live abroad for years they refuse either to accustom themselves to foreign food or to learn foreign languages. Nearly every Englishman of working-class origin considers it effeminate to pronounce a foreign word correctly. During the war of 1914–18 the English

² «В английской культуре эмоциональная сдержанность и самоконтроль также являются важнейшими характеристиками поведения, неотъемлемыми составляющими понятия Englishness (“английскость”). Открытое проявление эмоций, особенно негативных, здесь не приветствуется, оно считается свидетельством недостаточной зрелости и недовоспитанности человека и ставит окружающих в неловкое положение» [Ларина, 2015: 146].

*working class were in contact with foreigners to an extent that is rarely possible. The sole result was that they brought back a hatred of all Europeans, except the Germans, whose courage they admired. In four years on French soil they did not even acquire a liking for wine. The insularity of the English, their refusal to take foreigners seriously, is a folly that has to be paid for very heavily from time to time. But it plays its part in the English mystique, and the intellectuals who have tried to break it down have generally done more harm than good. At bottom it is the same quality in the English character that repels the tourist and keeps out the invader*³.

В рамках анализа данного абзаца следует обратиться к словарным дефинициям отдельных лексических единиц, используемых автором:

- xenophobia (ксенофобия, неприязнь к иностранцам) — strong fear or dislike of people from other countries. В The Longman Dictionary of English Language and Culture данное существительное представлено с пометой “disapproving”;
- abhorrence (отвращение) — a deep feeling of hatred towards something;
- effeminate (женоподобный) — a man who is effeminate looks or behaves like a woman. Данная лексическая единица также представлена с пометой “disapproving”;
- foreign (иностранный) — from or relating to a country that is not your own;
- foreigner (иностранец) — someone who comes from a different country. Стоит отметить, что негативные ассоциации, которые у англичан вызывают слова “foreign” и “foreigner”, никак не отражены в словарных статьях, за исключением того, что в качестве синонимов прилагательного “foreign” приводятся “alien” и “strange”.

Отдельного упоминания заслуживает существительное “invader” (захватчик), которое снабжено следующим определением в The

³ Сердце рабочего не затрепешет при виде Юнион Джекa. Но пресловутый «изоляционизм» и «ксенофобия» англичан гораздо сильнее развиты у рабочего класса, чем у буржуазии. Во всех странах бедные — большие националисты, чем богатые; но английские рабочие выделяются своим отвращением к иностранным обычаям. Даже когда им приходится жить за границей годами, они не желают привыкать к иностранной пище и учиться иностранному языку. Чуть ли не все англичане рабочего происхождения считают неприличным для мужчины правильно произносить иностранные слова. Во время Первой мировой войны контакты английских рабочих людей с иностранцами приняли невиданные масштабы. Единственное, что они вынесли оттуда, — отвращение ко всем европейцам, кроме немцев, чьей храбростью они восхищались. За четыре года пребывания на французской земле они не приобрели даже вкуса к вину. Изолированность англичан, их нежелание принимать иностранцев всерьез — это глупость, за которую время от времени приходится дорого платить. Но они — часть английской загадки, а интеллектуалы, которые пытались с этим покончить, чаще приносили больше вреда, чем пользы. По сути, это то же свойство английского характера, которое отталкивает туристов и помогает отразить захватчика. (Пер. В. Голышева)

Longman Dictionary of English Language and Culture: “*a soldier or a group of soldiers who enter a country or town by force in order to take control of it*”. Употребление автором данного слова для описания чужаков иллюстрирует отношение британцев к иностранцам, которых жители Альбиона, неоднократно пережившие вторжения римлян, викингов, норманнов, воспринимают не как представителей другой культуры, а как захватчиков, а также помогает осознать, насколько значимым является противопоставление «свой-чужой» для британской культуры.

В связи с этим интересно отметить, что О.А. Иванова, рассматривая категории «свой» и «чужой» в немецкой лингвокультуре, пишет о том, что «всё то, что находится в другом месте, стране, незнакомое, странное, непонятное, чужое и часто связано с представлением об опасности, в то время как представление о защищенности связано с домом» [Иванова, 2020: 72]. Используемые Дж. Оруэллом лексические единицы, являющиеся частью вербального выражения концепта “insularity”, свидетельствуют о том, что англичане ассоциируют «чужое» с опасностью, а то, что принадлежит к их культуре, — с защищенностью.

Проанализируем еще один отрывок из сборника Дж. Оруэлла: “*England is the most class-ridden country under the sun. It is a land of snobbery and privilege, ruled largely by the old and silly. But in any calculation about it one has got to take into account its emotional unity, the tendency of nearly all its inhabitants to feel alike and act together in moments of supreme crisis. It is the only great country in Europe that is not obliged to drive hundreds of thousands of its nationals into exile or the concentration camp*”⁴.

Рассматривая данный пример, следует обратиться к словарной дефиниции существительного “snobbery”: “*behaviour or attitudes which show that you think you are better than other people, because you belong to a higher social class or know much more than they do — used to show disapproval*” [The Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005]. Любопытна этимология слова «сноб». Данная лексическая единица вошла в обиход в начале XVIII в., когда в спальнях корпусов, располагавшихся при школах для детей из семей благородного происхождения, над кроватями учащихся вешали таблички с именами и титулами. На табличках учеников, не имевших титула, писали “sine

⁴ Англия — самое классовое общество под солнцем. Это страна снобизма и привилегий, управляемая по большей части старыми и глупыми людьми. Но при любых рассуждениях о ней надо принимать во внимание ее эмоциональное единство, склонность почти всех ее обитателей в критические моменты чувствовать одинаково и действовать вместе. Это единственная великая держава в Европе, которая не считает нужным загонять сотни тысяч своих подданных в ссылку или в концлагерь. (Пер. В. Голышева)

nobilitate”, что означает «не из дворянства». Позже данную фразу стали сокращать до “snob”: “*the word ‘snob’ is said to have arisen from the custom of writing ‘s. nob.’, that is, ‘sine nobilitate,’ after the names of children of untitled parents in certain English schools*” [Merriam-Webster’s Dictionary and Thesaurus, 2006]. Изначально данное слово означало преклонение перед представителями высшего общества, сейчас же оно подразумевает презрение к людям, не относящимся к высшим слоям общества. Как видно, снобизм тесно связан как с мышлением англичан, в формировании которого рассматриваемый концепт играет важную роль, так и с классовостью, которая, как отмечает Дж. Оруэлл в анализируемом отрывке, типична для английского общества.

Обратимся к другой цитате из сборника Дж. Оруэлла: “*England is not the jewelled isle of Shakespeare’s much-quoted message, nor is it the inferno depicted by Dr Goebbels. More than either it resembles a family, a rather stuffy Victorian family, with not many black sheep in it but with all its cupboards bursting with skeletons. It has rich relations who have to be kow-towed to and poor relations who are horribly sat upon, and there is a deep conspiracy of silence about the source of the family income*”⁵.

Интересен тот факт, что в данном отрывке Дж. Оруэлл сравнивает английское общество с семьей, которую он описывает такими прилагательными как “*stuffy*” и “*Victorian*”. В The Longman Dictionary of English Language and Culture лексическая единица “*stuffy*” снабжена следующим определением: “*people, occasions, or places that are stuffy are too formal and old-fashioned — used to show disapproval*” [The Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005]. Прилагательное “*Victorian*” отсылает читателя к периоду правления королевы Виктории (1837–1901). Примечательно, что “*Victorian*”, как правило, имеет отрицательную коннотацию, кроме словосочетания “*Victorian architecture*”, в котором коннотация данного слова не является таковой. Интересно также отметить, что в своей книге “*Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*” Кейт Фокс, рассуждая о политических взглядах в Англии, использует словосочетание “*Victorian hypocrisy*” («лицемерие викторианской эпохи») [Фокс, 2004: 14]. По словам М.М. Филипповой, Викторианская эпоха представляла собой период многочисленных противо-

⁵ Англия — не «царственный остров» из заезженной фразы Шекспира, но и не ад, изображаемый доктором Геббельсом. Гораздо больше она напоминает семью, довольно консервативную викторианскую семью, где вырождков мало, но очень много разнообразных скелетов в чуланах. У нее есть богатые родственники, перед которыми надо лебезить, и бедные родственники, которых можно травить, и есть круговая порука молчания касательно источника семейных доходов. (Пер. В. Голышева)

речий, а также норм, имевших оттенок неискренности: «Из попыток улучшить преобладающие суровые условия жизни многих людей при жесткой классовой системе появилось огромное количество социальных движений. Термин «викторианство» приобрел целый спектр оттенков смысла, включая значение особенно строгого набора нравственных норм, часто применяемых лицемерно» [Филиппова, 2018: 366].

Как известно, англичан нередко описывают не только как людей сдержанных, но и скрытных. Данную идею подтверждает цитата из анализируемого отрывка: “... *with all its cupboards bursting with skeletons.*” Идиома “*to have a skeleton in the cupboard*” означает «иметь тщательно скрываемую тайну, какой-то постыдный секрет из прошлого». Чтобы показать, насколько англичане скрытны, Оруэлл заменил глагол “to have” на “to burst”, что делает словосочетание более экспрессивным, тем самым автор подчеркивает, что их шкаф буквально «ломится» от тайн.

Обратимся к следующему отрывку из анализируемого сборника сочинений Дж. Оруэлла: “*All peoples who have reached the point of becoming nations tend to despise foreigners, but there is not much doubt that the English-speaking races are the worst offenders. One can see this from the fact that as soon as they become fully aware of any foreign race they invent an insulting nickname for it. ... Froggy,... Chink,... Yellowbelly — these are merely a selection*”⁶.

Как видно, в данном отрывке автор подчеркивает, что никто не относится к иностранцам с таким пренебрежением, как англичане. Отдельного комментария заслуживают упомянутые лексические единицы, которые жители Альбиона употребляют по отношению к представителям других наций. Рассмотрим некоторые из них:

Froggy — a French person [The Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005]. Несмотря на то, что этимология этой лексической единицы остается неизвестной, можно предположить, что англичане так называют французов из-за особенностей их национальной кухни, а также стоит отметить, что употребление слов “French” и “Froggy” является аллитерацией, так как они начинаются с одной и той же фонемы. Как известно, понятие «фонемы» было предложено Джоном Рупертом Фёрсом. Ученый

⁶ Всем народам, достигшим стадии государственности, присуще стремление третируют иностранцев, а в том, что народы, говорящие по-английски, превзошли в этом отношении все остальные, не приходится сомневаться. Достаточно указать, что, едва осознав, что в мире существуют и другие нации, эти народы тут же придумывают для них презрительные клички ... лягушатник ... косоглазый ... желтобрюхий — это еще не весь репертуар. (Пер. А. Зверева)

не дал четкого определения данному понятию, однако, необходимо подчеркнуть, что он высказывал предположение о некотором семантическом и экспрессивном характере звукосочетаний. В.В. Левицкий, в свою очередь, полагал, что «почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или определенным кругом значений» [Левицкий, 1983: 14]. Например, фонема [r] в английском языке встречается в начале слов со значением «сильный» или «неприятный» [Левицкий, 1983: 23].

Chink — a very offensive word for someone from China [The Longman Dictionary of English Language and Culture, 2005]. Стоит отметить, что первоначальное значение “*Chink*” может быть переведено на русский язык как «щель». Можно предположить, что употребление анализируемого слова по отношению к китайцам и представителям других азиатских культур связано именно с исходным значением, которое в данном случае является отсылкой к их узкому разрезу глаз.

Yellowbelly — a native of Lincolnshire [Collins English Dictionary, 2006], иными словами, житель графства, которое является частью центрального района Англии, Мидлендс. Как видно, снобизм англичан порой проявляется и в отношении друг к другу. Так, англичане, например, считают так называемый Midlands Accent крайне неблагозвучным.

Говоря об отношении англичан друг к другу, стоит также отметить, что акцент собеседника играет важную роль в формировании мнения друг о друге. Как отмечал Б. Шоу, англичанин не может заговорить, не заставив другого англичанина возненавидеть или презирать его [Shaw, 1994: 3]⁷. Можно сказать, что акцент является одним из факторов, отношение к которому в полной мере отражает менталитет англичан.

Заключение. Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Лексические единицы, употребляемые Дж. Оруэллом и являющиеся частью языкового выражения концепта “insularity”, относятся к периферии анализируемого концепта.
2. К ближней периферии относятся такие лексические единицы, как “xenophobia”, “foreign”, “foreigner”, “snobbery”, “invader”, “the English character”, а также именованные не-англичан: “Froggy”, “Chink”, “Yellowbelly”;
3. К дальней периферии, основанной на личных ассоциациях Оруэлла, относятся “abhorrence”, “effeminate”, “privilege”, “stuffy”, “Victorian”, “the English mystique”;

⁷ “It is impossible for an Englishman to open his mouth without making another Englishman hate or despise him” [Shaw, 1994: 3].

4. Англичане, будучи истинными островитянами, ассоциируют всё чужое с опасностью, а принадлежащее родной культуре, — с защищенностью. Данную идею подтверждают и наблюдения А.В. Луговского: «Физические границы острова неизбежно влекут за собой и определенное ментальное разделение, в котором граница проходит между “своим” и “чужим”. И если “свое” более знакомо, безопасно и комфортно, то “чужое” подразумевает неизвестное, опасное, а потому вызывающее страх» [Луговской, 2015: 179];
5. Дальнейшие исследования концепта “insularity” и его языкового выражения позволят лучше понять не только менталитет англичан, но и специфические особенности их языка.

Список литературы

1. *Абаева Е.С.* Лингвокультурологический аспект концепта «судьба» в английском, русском и французском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
2. *Баранова Л.Л.* Концепт “Insularity” и его языковое выражение в британском варианте английского языка // Сборник материалов Четвертого Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения», посвященного юбилею Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. Прага, Братислава, Будапешт, 8–15 апреля 2018 года. Издательство Западночешского университета Пльзень (Чехия), 2018. С. 40–44.
3. *Иванова О.А.* Динамика развития концептуальной структуры der Fremde в немецкой лингвокультуре (на материале СМИ Германии периода 2015–2020 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020.
4. *Красных В.В., Бубнова И.А.* Некоторые базовые понятия и основные категории психолингвокультурологии // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 168–174.
5. *Кубрякова Е.С.* [и др.]. Словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
6. *Ларина Т.В.* Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2015. № 1. С. 144–159.
7. *Левицкий В.В.* Начальные сочетания фонем в английском языке. Киев, 1983.
8. *Луговской А.В.* Архетипический компонент в содержании концепта островность (на материале английской художественной литературы) // Вестник КемГУ. 2015. № 1–4 (61). С. 176–179.
9. *Мухортов Д.С., Поликарпова Е.Е.* The concepts FRIEND and FOE in 2001–2018 US presidential rhetoric // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 38–45.
10. *Филиппова М.М.* Изучая концепт “hypocrisy” (лицемерие) в культурах англоговорящего мира: что полезного мы можем почерпнуть? // Вест-

- ник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 365–381.
11. Collins English Dictionary. Glasgow, Harper Collins, 2006.
 12. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. Hodder, 2004.
 13. Marr A. A History of Modern Britain. Mac Millan, 2018.
 14. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus. Kindle Edition, 2006.
 15. Shaw G.B. Pygmalion. Dover Publications, 1994.
 16. The Longman Dictionary of English Language and Culture. London, Pearson, 2005.
 17. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. Oxford, Oxford University Press, 2007.
 18. www.macmillanthesaurus.com (электронный ресурс).
 19. www.thesaurus.com (электронный ресурс).

Ludmila Baranova, Luiza Mishina

**LINGUISTIC REPRESENTATION
OF THE CONCEPT “INSULARITY” IN GEORGE ORWELL’S
“THE ENGLISH PEOPLE AND OTHER ESSAYS”**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The article seeks to analyze the linguistic means representing the concept “insularity” as an essential component of Britons’ conceptual and linguistic worldviews in *The English People and Other Essays* by George Orwell. The aim of the research consisted in selecting and describing the peculiarities of linguistic manifestation of the concept in question, as well as in analyzing dictionary definitions of lexemes which form an integral part of the concept under discussion. The selection of lexical items was conducted on the basis of authoritative unilingual dictionaries, dictionaries of synonyms and www.thesaurus.com. The article consists of three parts: the introduction, the main body, which includes the analysis of the collection of essays by George Orwell, and the conclusion. The main methods of research are contextual, linguocognitive and discursive analyses. It is stated that the lexical units used by George Orwell mostly form the periphery of the analyzed concept. More than a half of these words are marked as “disapproving” in authoritative monolingual dictionaries. Such lexical units as “xenophobia” and “effeminate” as well as the ones that the British use to refer to other nations serve as examples of these words. It is emphasized that among various aspects of insularity one can name distrust of foreigners, therefore, the words “foreign” and “foreigner” are often negatively perceived by the British, who, as a rule, associate everything alien to them, with danger, and everything

belonging to British culture, with safety. It is pointed out that further research in the field would promote better understanding of not only the “insular mentality” of the British, but also of the peculiarities of British English.

Key words: concept; insular mentality; British English; George Orwell.

About the author: *Lyudmila Baranova* – Prof. Dr., Department English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ludbar2000@gmail.com); *Luiza Mishina* – PhD Student, Department English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lindemannlouise@mail.ru).

References

1. Abaeva E.S. *Lingvokul'turologicheskij aspekt koncepta “sud'ba” v anglijskom, ruskom i francuzskomazykakh: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk*. [Linguocultural aspect of the concept “destiny” in English, Russian and French] Moscow, 2007.
2. Baranova L.L. 2018. *Kontsept “Insularity” i egoazykovoe vyrazeniye v britanskom variante anglijskogoazyka* [The concept of insularity and its linguistic manifestation in British English]. The collection of the materials of the 4th international scientific seminar “Language, literature and culture as boundaries of intercultural communication” devoted to the jubilee of S.G. Ter-Minasyan, pp. 40–44.
3. Collins English Dictionary. Glasgow, Harper Collins, 2006.
4. Filippova M.M. 2018. *Izuchaya kontsept “hypocrisy” (licemerie) v kul'turakh anglogovoryashchego mira: chto poleznogo my mozhem pocherpnut'?* [Studying the concept “hypocrisy” in English-speaking cultures: what good things can we learn from it?]. *Moscow State Linguistic University Bulletin*. Humanities, no. 1, pp. 365–381.
5. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour*. Hodder, 2004.
6. Ivanova O.A. *Dinamika razvitiya kontseptual'noj struktury der Fremde v nemeckoj lingvokulture (na materiale SMI Germanii perioda 2015–2020 gg.)* [Dynamics of development of the conceptual structure der Fremde in German linguoculture (based on German mass-media of 2015–2020)]: *dis. doc. philol. sciences*. Moscow, 2020.
7. Krasnyh V.V., Bubnova I.A. *Nekotorye bazovye ponyatiya i osnovnye kategorii psikholingvokul'turologii* [Some basic notions and main categories of psycholinguoculturology] // *Voprosy psikholingvistiki*. 2015. № 25. P. 168–174.
8. Kubryakova E.S. [et al.]. *Slovar' kognitivnykh terminov* [Dictionary of cognitive terms]. Moscow, MGU, 1996. 245 p.
9. Larina T.V. *Pragmatika emocij v mezhkul'turnom kontekste* [Pragmatics of emotions in intercultural context]. *Peoples' Friendship University of Russia Bulletin*. Series Linguistics. 2015. № 1. P. 144–159.
10. Levickij V.V. *Nachal'nye sochetaniya fonem v anglijskomazyke* [Initial combinations of phonemes in English]. Kiev, KBTGU, 1983. 254 p.

11. Lugovskoj A.V. *Arkhetipicheskij komponent v sodержanii kontsepta ostrovnost' (na materiale anglijskoj khudozhestvennoj literatury)*. [Archetypical component in the concept of “islandness” (a case study of English fiction)] *Kemerovo State University Bulletin*. 2015. № 1–4 (61). P. 176–179.
12. Marr, A. *A History of Modern Britain*. MacMillan, 2018.
13. Merriam-Webster's Dictionary and Thesaurus. Kindle Edition, 2006.
14. Mukhortov D.S., Polikarpova E.E. The concepts FRIEND and FOE in 2001–2018 US presidential rhetoric // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2019. № 3. S. 38–45.
15. Shaw G.B. *Pygmalion*. Dover Publications, 1994.
16. *The Longman Dictionary of English Language and Culture*. London, Pearson, 2005.
17. *The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford, Oxford University Press, 2007.
18. www.macmillanthesaurus.com (internet resource).
19. www.thesaurus.com (internet resource).

А.Н. Антонова

ГЛАГОЛЬНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ПРИ ЧИСЛОВЫХ СОЧЕТАНИЯХ В СТАРОРУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ И ДЕЛОВЫХ ПАМЯТНИКАХ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются особенности глагольного согласования при числовых сочетаниях, представленные в старорусских летописных и деловых памятниках XV–XVII вв. В качестве материала для исследования были отобраны: Строевский список Псковской III летописи (XVI в.), Типографская летопись (к. XIV–XV в.), Двинской летописец (XVII — н. XVIII в.), Акты Русского государства (XVI в.), Можайские акты (XVII в.). В летописных памятниках обнаруживается устойчивая тенденция к семантическому распределению форм ед. ч. ср. р. / мн. ч. сказуемого при числовом сочетании: предикаты, описывающие контролируемые ситуации, согласуются с числовым сочетанием во мн. ч., в предикациях с семантикой неконтролируемого действия сказуемое употребляется в форме ед. ч. ср. р. Архаичное согласование сказуемого при числовых сочетаниях в ж. р. ед. ч. в летописных источниках не зафиксировано. В деловых памятниках также отмечается согласование сказуемого с количественной группой в ед. ч. ср. р. и во мн. ч. (в Актах Русского государства зафиксировано также согласование сказуемого в ед. ч. ж. р.), однако семантического распределения форм сказуемого при числовых сочетаниях в деловых источниках не обнаруживается.

Ключевые слова: глагольное согласование при числовых сочетаниях; синтаксис числовых сочетаний; старорусские летописи XV–XVII вв.; деловые памятники XVI–XVII вв.

1. Введение

В современном русском языке при количественном сочетании наблюдается вариативность в употреблении формы сказуемого, см. напр.: [АГ, 1980: 242–243; Сичинава, 2012]. Возможна постановка сказуемого как в ед. ч. (в прошедшем времени — в ср. р.), так и во

Антонова Александра Николаевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alexa.antonova96@yandex.ru).

мн. ч., ср. примеры из НКРЯ: *А. Только на столе стояло пять чашек вместо двух. Б. На подносе стояли пять бумажных стаканов.*

Несмотря на кажущуюся свободную вариативность форм сказуемого при числовой группе, выявляются некоторые тенденции в распределении форм ед. / мн. ч. глагола. Например, И.А. Мельчук, отмечая множественность и сложность правил согласования, акцентирует внимание читателя на следующих двух параметрах [Мельчук, 1985: 373]. Во-первых, число глагола зависит от лексической природы самого глагола и существительного. Так, глагол *приходится* ('сколько приходится на сколько') требует согласования в ед. ч. Во-вторых, число сказуемого зависит от целого ряда семантических причин. Например, если обозначаемые подлежащим объекты рассматриваются как одно целое, то сказуемое согласуется преимущественно в ед. ч.; при использовании подлежащего в распределительном значении (каждый объект активен отдельно) вероятнее употребление мн. ч. сказуемого [там же].

Е.С. Скобликова связывает выбор формы сказуемого при числовой группе с коммуникативной направленностью высказывания [Скобликова, 1959: 91]. Ед. ч. обычно присуще сообщениям статистического порядка, в которых акцентируется количество; мн. ч., наоборот, чаще всего «характеризует сообщения повествовательного или описательного порядка, которые имеют целью направить внимание на действия, осуществляемые субъектами» [Скобликова, 1959: 92].

Факторы, влияющие на выбор формы сказуемого, рассматриваются также в различных практических руководствах по стилистике. Так, в [Граудина и др., 1976: 28] указываются следующие особенности распределения форм ед. / мн. ч.: употребляя сказуемое в форме ед. ч., автор текста стремится обратить внимание читателей на пассивность действующих лиц, совместность действия, а также на количество, названное в подлежащем; употребление мн. ч., напротив, отражает стремление автора подчеркнуть активность лиц, названных в подлежащем.

Согласно [Кувшинская, 2013], данные НКРЯ за 2000–2011 гг. отражают зависимость формы сказуемого в первую очередь от «значения определенности/неопределенности количества у подлежащего».

По словам А.Е. Супруна, уже в XVIII в. многое в закономерностях согласования сказуемого с количественным подлежащим было близко к современному состоянию [Супрун, 1969: 187–188]. При этом в некоторых случаях изменения были направлены к большей стабилизации правил [там же]. Известно, что в старорусский период вследствие утраты категории двойственного числа

синтаксис числительных претерпевает значительные изменения: наблюдается разрушение исконной системы древнерусских числительных¹ и постепенное формирование новой. В настоящей статье рассматриваются системы глагольного согласования с числовыми сочетаниями, представленные в старорусских памятниках XV–XVII вв. — различных по степени книжности и территориальной принадлежности².

2. Глагольное согласование при числовых сочетаниях в летописях XV–XVII вв.

2.1 Для древнерусского синтаксиса возможны следующие типы глагольного согласования при числовом сочетании: сказуемое может согласовываться по ж. р. в соответствии с первоначальным грамматическим статусом числительных 5–9 в ед. ч. ж. р. и с распространением такого согласования на прочие числовые сочетания [Зализняк, 2004: 168]; согласование во мн. ч.; согласование в ед. ч. ср. р.³; с числовыми группами типа «2+сущ.» сказуемое может быть употреблено также в форме дв. ч. [Супрун, 1969: 171–174]. Какого-либо распределения форм ед. ч. ж. р. / ед. ч. ср. р. / мн. ч. обычно не наблюдается.

В ТЛ и ПЛ представлено согласование во мн. ч. и ед. ч. ср. р.; архаичного согласования по ж. р. не отмечено. Особенностью глагольного согласования при числовых сочетаниях в ТЛ и ПЛ является принцип семантической сочетаемости глагола: предикаты, описывающие контролируемые ситуации (иначе говоря, ситуации, характеризующиеся признаком активности, или агентивности субъекта предикации [Булыгина, Шмелёв, 1997: 97]), согласуются с числовым сочетанием во мн. ч., в предложениях с семантикой неконтролируемого действия сказуемое употребляется в форме ед. ч. ср. р. Ср.:

Тип 1: *оусрътоша икону вся 3 сбора (ПЛ л78об, 1440); приидоша пять соть Тотарь (ПЛ л82об, 1446); поидоша воевать 50 мужь (ПЛ л21об, 1341); выехаша... три Немчина и хотъша ехати... къ Юрьеву (ПЛ л106, 1463); два оубъжаша (ПЛ, л106, 1463); а дълаша 80 мужь намитовъ по три лъта, ... и колокольницу... поставиша (ПЛ л113об,*

¹ В вопросе о частеречной принадлежности числительных мы придерживаемся концепции О.Ф. Жолобова, согласно которой древнерусские числительные являются самостоятельной частью речи [Жолобов, 2006: 12].

² Материалом для исследования послужили: Строевский список Псковской III летописи XVI в. (ПЛ), Типографская летопись к. XIV–XV вв. (ТЛ), Двинской летописец XVII — н. XVIII в. (ДЛ), Акты Русского государства XVI в. (АРГ), Можайские акты XVII в. (МА).

³ По мнению А.Е. Супруна, согласование с числовым сочетанием по ср. р. ед. ч. возникает позже согласования по ж. р. ед. ч. и мн. ч.; изначально конструкции со ср. р. ед. ч., вероятно, имели безличный характер [Супрун, 1969: 173–174].

1465); *приехаша... три Татарины* (ТЛ 1392, л225); *придоша два митрополита* (ТЛ л223, 1390).

Тип 2: *и церкви погорь 12* (ПЛ л118, 1466); *а двенатцать церквей згорело* (ПЛ л208об, 1539); *выгорь три конца* (ПЛ л92об, 1459); *загорься два костра* (ПЛ л70, 1433); *2 церкви огорело* (ПЛ л212, 1550); *паде Ньмец ратманов 500* (ПЛ л3об, 1242); *а душ 4000 скончалося* (ПЛ л202об, 1502); *пять бо царей минуоуло* (ПЛ л211, 1547); *два льта ему прошло* (ПЛ л232, 1564); *истопло 24 лодьи* (ПЛ л39, 1380); *а всьхъ церквей во градъ згорьло девять* (ТЛ л290, 1491).

К типу 1 относятся примеры, включающие предикат, описывающий контролируруемую ситуацию, + субъект, выраженный числовым сочетанием. Данный тип согласования можно назвать смысловым: мн. ч. глагола указывает на некоторое множество агенсов. Самыми частотными в данном типе согласования являются глаголы с семантикой движения: *приидоша, поидоша, выехаша, явишася*.

К типу 2 относятся сочетания с глаголом, описывающим неконтролируемую ситуацию; субъект в таких сочетаниях не имеет значения агенса. Наиболее частотные глаголы, относящиеся ко второму типу согласования, формируют ситуацию «убытка»: *погорь, згорело, выгорь, загорься, огорело, скончалося, заразило, истопло*. С одной стороны, при описании различных катастроф, наводнений, пожаров, войн в фокусе оказывается именно количество (статистические данные, отражающие убыток, потери), а с другой — для таких предложений ожидаема неагентивная семантика.

По типу 2 ведут себя и числовые сочетания с глаголом *быть*: *а всех было людей с посадником Дорофеем 20 ускоцевъ да 80 лодей* (ПЛ л107, 1463); *а с маистром было боле десяти тысяч* (ПЛ, л220об, 1559); *всего тысячи з двь было* (ПЛ л220об, 1559); *а было Ньмецъ 300 конных, а пьших 400* (ПЛ л224об, 1560); *бысть побоища 3 с Ньмцы* (ТЛ л245об, 1410); *было 5 владыкъ* (ТЛ л249об, 1416).

Согласование сказуемого в ед. ч. характерно также для конструкций с числительными. Под числовыми конструкциями мы понимаем такие сочетания, значение которых не выводится из суммы значений его компонентов (в частности, конструкции приблизительного количества, половинный счет и др.). См. примеры: *и горь до свьта и сгорь с четьреста дворов* (ПЛ л139, 1471); *об ноцъ бо оумръших оутре обрътеся до 30* (ПЛ л32, 1352); *а с маистром было боле десяти тысяч* (ПЛ л220об, 1559); *истопь на озерь боль тысячи душ* (ТЛ л244, 1408); *бысть ихъ числом яко до тысячи* (ТЛ 1395, л226об).

2.2 В ДЛ XVII — н. XVIII в. тоже обнаруживается тенденция (хоть и не такая определенная, как в ПЛ и ТЛ) к семантическому распределению глагольных форм в зависимости от признака акт. / неакт. субъекта предикации.

Сказуемое во мн. ч.

Абсолютное большинство примеров со значением контролируемого действия характеризуются согласованием сказуемого во мн. ч., см. примеры: *пришли... английские четыре корабля (ДЛ л7об, 1555); иноземцов 4-ре человека вышли креститься (ДЛ л33об, 1694); а два полка... возвратились к городу... и зимовали в Новодвинской крепости (ДЛ л39, 1702); вышли два человека полоненных (ДЛ л23об 1679).*

Сказуемое в ед. ч.

А. Как и в ТЛ и ПЛ, в большей части примеров с семантикой «ситуации убытка» сказуемое согласуется с нумеральной группой в ед. ч.: *а выгорело 30 дворов (ДЛ л41об, 1710); замерзло приходящих из-за моря разных земель 35 кораблей (ДЛ л34об, 1696); остася у него два сына (ДЛ л5, 1511).*

Б. Во всех примерах с глаголом *быть* (*бѣ/бысть*) сказуемое согласуется с числовой группой в ед. ч.: *а у города было тогда два полка (ДЛ л39, 1702); а великого князя с воеводами было рати 4000 без 30 человек (ДЛ л4об, 1464); а пушек было на обрубе 13 (ДЛ л30, 1693); от рождения ему было 21 год (ДЛ л24об 1682).*

В. Сказуемое согласуется с числовой группой в ед. ч. во всех примерах с семантикой траты денежных и материальных ресурсов (записи расчетов). См.: *дано 32061 рубль 22 алтына 3 деньги дано 10 рублей (ДЛ л17, 1668); дано денег 118 рублей 11 алтын 4 деньги (ДЛ л28об, 1691); привезено 100 сажень дров (ДЛ л28об, 1691); вышло 5107 рублей 28 алтын 3 деньги (ДЛ л29, 1691); пошло 9371 камень (ДЛ л28об, 1691).*

Если подлежащее в предложении с неагентивной семантикой выражено одушевленным существительным, то сказуемое при числовой группе употребляется как в ед. ч., так и во мн. ч., ср.:

Ед. ч.: прислано сумских и кемских сто человек стрельцов (ДЛ л162об, 1668);

Мн. ч.: присланы... два человека огнестрельные мастера (ДЛ л172об, 1675).

3. Глагольное согласование при числовых сочетаниях в деловых памятниках XVI–XVII вв.

Ситуация в деловых памятниках несколько отличается от отмеченной в рассмотренных летописях. В АРГ возможно согласование сказуемого с числовой группой в ед. и во мн. ч.; зафиксирован также один пример с согласованием сказуемого в ед. ч. ж. р. При этом в абсолютно идентичных контекстах употребляются все три возможные формы, ср.:

1) по сей д(у)ховной меня Игнат(ь)я игумена никол(ь)скаг(о) пят(ь) рублей денег дошло (АРГ № 108, 1513);

2) по сей д(у)ховной игумен(ь)е вознесенские с сестрами дошли два рубля (АРГ № 108, 1513);

3) *по сей д(у)х(о)внои меня архимарита Сергия з брат(ь)ею дватцат(ь) рублев денег дошла* (АРг № 108, 1513).

Таким образом, в АРг семантическое распределение по двум типам согласования (см. выше) отсутствует, наиболее частым является согласование в ед. ч. ср. р. со всей количественной группой:

Сказуемое в ед. ч. ср. р.: *а как три годы минет* (АРг № 130, 1516); *пят(ь) рублев денег дошло* (АРг № 108, 1513); *дано... дватцат(ь) алт(ы)нь* (АРг № 108, 1513); *досталось... двѣ д(е)р(е)вни* (АРг № 139, 1516/17); *да нищим роздано два алт(ы)на* (АРг № 108, 1513).

Сказуемое во мн. ч.: *а как минут... три годы* (АРг № 120, 1515); *дошли два рубля* (АРг № 108, 1513); *а [о]тоидут урочные пять лѣт* (АРг № 118, 1515); *по обе стороны тропины выкопаны две ямы* (АРг № 279, 1526).

Для МА также характерна вариативность форм ед. ч. / мн. ч. сказуемого при числовой группе. Однако можно отметить, что частое употребление некоторых устойчивых формул обуславливает закрепление глагольной формы в ед. ч. ср. р. / мн. ч. в соответствующем клише. Так, например, в контекстах, описывающих какие-либо «манипуляции» с землей (наиболее частотный контекст — «Х чети пашни поросло лесом»), глагольная форма употребляется в ср. р. ед. ч., ср.: *пашни лѣсом поросло... пятнадцать чети въ польѣ* (МА № 21, 1657); *да в пашню припущено двѣ пустоши* (МА № 47, 1689); *по смѣть той земли пахатные отгранено три десятины* (МА № 22, 1668).

Для контекстов типа «Х дворов оскудели», напротив, характерно употребление формы сказуемого во мн. ч.: *четыре двора бобыльскихъ оскудали въ конецъ* (МА № 36, 1679); *из тѣхъ же деревень разбрелись врознь... двадцать три двора крестьянскихъ* (МА № 36, 1679); *оскудали... пятьдесятъ шесть дворовъ крестьянскихъ* (МА № 36, 1679).

В одном примере зафиксировано согласование, которое можно рассматривать как архаичное по ж. р. ед. ч. (или как сохранение форм дв. ч. при числительном *два*): *а на ней два столба колокольныхъ попорчена отъ церкви зельемъ* (МА № 11, 1626).

4. Заключение

Таким образом, данные исследованных старорусских памятников показывают, что некоторые летописи к. XV–XVII в. (Типографская летопись, Псковская III летопись и Двинской летописец) с утраченным архаичным согласованием числовых сочетаний по ж. роду отражают достаточно устойчивую систему согласования глагола в ед. ч. (ср. р.) или мн. ч., основанную на семантическом принципе. В рассмотренных деловых документах XVI–XVII вв. (Акты Русского Государства за XVI в. и Можайские акты за XVII в.) отмечается свободная вариативность форм ед. ч. / мн. ч. сказуемого при числовой

группе, при этом сохраняются единичные случаи архаичного согласования по ж. р. ед. ч.

Источники

1. Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
2. Можайские акты: 1506–1775. М., 1892.
3. ПСРЛ, т. XXXIII. Двинской летописец. Л., 1977.
4. ПСРЛ, т. XXIV. Типографская летопись. СПб., 1921.
5. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.04.2021).

Список литературы

1. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
2. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976.
3. Жолобов О.Ф. Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. М., 2006.
4. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
5. Кувшинская Ю.М. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением // Русский язык в научном освещении. 2013. Вып. 2 (26). С. 112–150.
6. Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.
7. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
8. Сичинава Д.В. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. Числительное. URL: <http://rusgram.ru/Числительное> (дата обращения: 17.04.2021).
9. Скобликова Е.С. Форма сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием // Вопросы культуры речи. 1959. Вып. 2. С. 91–116.
10. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.

Alexandra Antonova

VERB-NUMERAL AGREEMENT IN LATE OLD RUSSIAN CHRONICLES AND NOTARIAL ACTS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper discusses how the verb agrees with the numeral in the Russian chronicles and notarial acts of the 15th–17th centuries, specifically Pskovskaya

III letopis (16th cent.), Tipografskaya letopis (the late 14th–15th cent.), Dvinskoj letopisec (17th cent.), Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526 (16th cent.), Mozhajskie akty (17th cent.). Research has shown that the chronicles reveal a fairly stable system of coordination of the verb in the singular and plural, based on the semantic principle. There are two types of verb-numeral agreement in the chronicles: in singular form neuter and agreement in plural form. examples with sing. fem. forms of the predicate are not fixed. Verbs with active action semantics have a plural form, verbs with passive action semantics are used in a neutral singular form. The notarial documents are not characterized by semantic verb agreement: the singular forms of neuter gender, the singular feminine forms and the plural forms are in free variation.

Key words: verb-numeral agreement; syntax of numerals; Russian manuscripts of the 15th–17th centuries; Russian notarial acts of the 16th–17th centuries.

About the author: *Alexandra Antonova* — PhD Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alexa.antonova96@yandex.ru).

Sources

1. Akty Russkogo gosudarstva 1505–1526. Moscow, 1975.
2. Mozhajskie akty: 1506–1775. Moscow, 1892.
3. Pskovskie letopisi. Vypusk vtoroj. Ed. by A.N. Nasonov. Moscow, 1955.
4. PSRL, XXXIII. Dvinskoj letopisec. Leningrad, 1977.
5. PSRL, XXIV. Tipografskaya letopis. St. Petersburg, 1921.
6. The Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 17.04.2021).

References

1. Bulygina T.V., Shmelyov A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic Conceptualization of the World (on the Basis of Russian Grammar)]. Moscow, Shkola Yazyki Russkoj Kultury, 1997.
2. Graudina L.K., Ickovich V.A., Katlinskaya L.P. Grammaticheskaya pravilnost russkoj rechi [Grammatical correctness of Russian speech]. Moscow, Nauka, 1976.
3. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskij dialekt [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kultury, 2004.
4. Zholobov O.F. Chislitelnye. Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka [Numerals. Historical Grammar of Old Russian]. Moscow, Azbukovnik, 2006.
5. Kuvshinskaya Y.M. Soglasovanie skazuemogo s podlezhashchim, vyrazhenym imennoj gruppoj s kolichestvennym znacheniem [Predicate agreement with the quantifier phrase in Russian]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2013, 2 (26), pp. 112–150. (In Russ.)

6. Melchuk I.A. Poverhnostnyj sintaksis russkih chislovyh vyrazhenij [The Surface Syntax of Russian Numeral Expressions]. Vienna, 1985.
7. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, 1980.
8. Sichinava D.V. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. Chislitel'noe [Russian corpus grammar. Numeral]. URL: <http://rusgram.ru/Числительное> (accessed: 17.04.2021).
9. Skoblikova E.S. Forma skazuemogo pri podlezhashchem, vyrazhennom kolichestvenno-imennym sochetaniem [The form of the predicate with the subject, expressed by a quantitative-nominal combination]. Voprosy kultury rechi [Questions of the culture of speech], 1959, 2, pp. 91–116. (In Russ.)
10. Suprun A.E. Slavyanskije chislitelnye. Stanovlenie chislitelnyh kak osoboj chasti rechi [Slavic numerals. Formation of numerals as a special part of speech]. Minsk, Izdatel'stvo BGU im. V.I. Lenina, 1969.

П.О. Россяйкин

ПОДЪЕМ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КРИТИКА СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДХОДА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Существуют две группы теорий, объясняющих эффект «подъема отрицания», наблюдаемый при отрицании некоторых матричных предикатов (например, *думать*). Синтаксические теории утверждают, что отрицание, фонологически выраженное в матричной клаузе, порождается и интерпретируется в подчиненной клаузе. Альтернативная группа теорий предполагает, что отрицание интерпретируется в матричной клаузе и рассматривает «подъем отрицания» как семантический / прагматический эффект. В статье приводится ряд аргументов против синтаксической теории подъема отрицания на материале русского языка. Аргументы основаны на дистрибуции явлений, чувствительных к отрицанию — генитива отрицания, отрицательных местоимений, единиц с отрицательной полярностью, эпизодического имперфектива и кванторов в подчиненной клаузе.

Ключевые слова: подъем отрицания; перенесение отрицания; единицы с отрицательной полярностью; генитив отрицания; отрицательные местоимения; NCI; русский язык.

1. Подъем отрицания и NPI в английском языке

В языках мира широко засвидетельствовано явление, известное как подъем или перенесение отрицания (*neg-raising, neg movement*; далее — NR). При отрицании некоторых матричных предикатов (далее — NR-предикаты), предложение интерпретируется так, как будто отрицание находится в подчиненной клаузе (1). Иными словами, вопреки разной фонологической форме (1а) и (1б) представляются синонимичными.

Россяйкин Петр Олегович — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: petrrossyaykin@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

(1) а. Иван не думает, что Нина согласится приехать.

б. Иван думает, что Нина не согласится приехать.

[Кобозева, 1976: 54]

Некоторые авторы [Fillmore, 1963; Lakoff, 1969; Кобозева, 1976; Collins, Postal, 2014; Crowley, 2019] предполагают, что при NR типа (1а) отрицание присутствует сразу в двух позициях — фонологически оно выражается в матричной клаузе, а интерпретируется в подчиненной, что и дает нужную интерпретацию (далее — NR-интерпретация). При этом, как правило, предполагается, что исходная позиция отрицания — в подчиненной клаузе. Оттуда оно поднимается в матричную клаузу, где и произносится (отсюда название — подъем отрицания), что показано в (2).

(2) Иван не думает, что Нина <не> согласится приехать.

Альтернативная группа теорий утверждает, что передвижения в предложениях типа (1а) нет: отрицание порождается в матричной клаузе и интерпретируется там же. Эффект «подъема отрицания» создается семантикой или прагматикой [Bartsch, 1973; Horn, 1978; Gajewski, 2007; Romoli, 2013; Jacobson, 2020]. Например, NR-интерпретация может возникать из-за существования у NR-предикатов пресуппозиции исключенного третьего, как показано в (3).

(3) а. Утверждение: Иван не думает, что P

б. Пресуппозиция: [Иван думает, что P] или

[Иван думает, что не P]

в. Следствие из (а) и (б): Иван думает, что не P

В работе [Crowley, 2019] приводится ряд аргументов, связанных с лицензированием единиц с отрицательной полярностью/поляризацией (*negative polarity item*; далее — NPI) и указывающих на то, что существует как синтаксический, так и семантический/прагматический NR. Например, предложение (4) имеет NR-интерпретацию, несмотря на то, что в матричной клаузе находится NPI *ever*. Если бы отрицание интерпретировалось в подчиненной клаузе, *ever* оказался бы за пределами его сферы действия и не был бы лицензирован. Из этого можно сделать вывод, что NR-интерпретация возникает при нахождении отрицания в матричной клаузе — как семантический/прагматический эффект.

(4) John didn't ever think it would snow.

‘Джон (никогда) не думал, что пойдет снег’.

Однако минимального изменения в предложении (4) достаточно, чтобы получить аргумент, указывающий на обратное — синтаксический подъем отрицания все же существует. Как было замечено в работе [Lakoff, 1969], сильные NPI типа английского *until* могут

лицензироваться отрицанием из матричной клаузы, но только если матричный предикат обладает свойством NR (5).

(5) а. John didn't think it would snow until tomorrow.

‘Джон не думал, что снег пойдет до завтра.’

б. *John didn't say it would snow until tomorrow.

Ожид.: ‘Джон не говорил, что снег пойдет до завтра.’

Если в матричной клаузе имеется еще один NPI, например *ever*, предложение становится неграмматичным (6).

(6) *John didn't **ever** think it would snow **until** tomorrow.

Ожид.: ‘Джон (никогда) не думал, что снег пойдет до завтра’.

Как утверждают сторонники теории синтаксического NR [Prince, 1976; Crowley, 2019], это связано с тем, что для лицензирования сильных NPI необходимо, чтобы отрицание (семантически) находилось в той же клаузе. Однако если отрицание в (6) будет интерпретироваться в подчиненной клаузе, слабый NPI *ever* в матричной окажется без лицензора — таким образом, (6) не может быть грамматичным.

Ключевое значение для этого аргумента имеет тот факт, что при нахождении в одной клаузе *ever* не препятствует лицензированию *until* (7). Следовательно, неграмматичность (6) нельзя объяснить интервенцией *ever* между лицензором (отрицанием) и *until*, см. обсуждение в [Crowley, 2019: 10–13].

(7) Sue doesn't **ever** arrive **until** 10 am.

‘Сью никогда не приезжает до 10 утра’.

Таким образом, при лицензировании сильных NPI «через границу клаузы» типа (5а), отрицание на самом деле порождается в подчиненной клаузе и интерпретируется там же. На основании примеров (4–7) Кроули приходит к выводу, что существует и семантический (4), и синтаксический подъем отрицания (5а).

В работе [Jacobson, 2020] приводятся два аргумента против несовместимости (6) с семантической / прагматической теорией NR. Во-первых, без четкого понимания семантики *ever* и других NPI (например, *at all*), создающих помеху для лицензирования *until* в подчиненной клаузе, нельзя исключить, что контраст между (5а) и (6) объясним без синтаксического NR. Во-вторых, пример (6) попросту семантически неудачен. Более удачно сконструированные примеры с *ever* или *at all* в матричной и *until* в подчиненной клаузе получают высокие оценки грамматичности.

Итак, как было показано в этом разделе, предложения, в которых чувствительные к отрицанию составляющие присутствуют одновременно и в матричной, и в подчиненной клаузе, могут быть использованы для диагностики позиции отрицания при NR. В оставшейся части этой статьи я рассматриваю данные русского языка и привожу

ряд аргументов против синтаксического подъема отрицания, основанных на сфере действия квантора в позиции субъекта подчиненной клаузы, а также дистрибуции генитива отрицания (*genitive of negation*; далее — GN), NPI и отрицательных местоимений (также известных как *negative concord items*; далее — NCI). Я показываю, что в предложениях с NR-интерпретациями отрицание **не** порождается и **не** интерпретируется в подчиненной клаузе.

2. Подъем отрицания в русском языке

2.1. Сфера действия отрицания и субъекта подчиненной клаузы

Если при NR отрицание действительно порождается и интерпретируется в подчиненной клаузе, как показано в (2), следует ожидать, что примеры (а) и (б) в (8) и (9) будут синонимичны, однако это не так.

(8) а. Я не думаю, что хотя бы один человек придет.² ($\neg \exists$ хотя бы 1)
б. Я думаю, что хотя бы один человек не придет. (\exists хотя бы 1 \neg)

(9) а. Я не думаю, что каждый студент решит эту задачу. ($\neg \forall$)
б. Я думаю, что каждый студент не решит эту задачу.
($\forall > \neg, ? \neg > \forall$)

Примеры (8, 9) не исключают существование синтаксического NR, если предположить, что при NR отрицание интерпретируется в подчиненной клаузе, но в нестандартной позиции — над субъектом. Найти независимые свидетельства в пользу такой теории или фальсифицировать ее непросто, поскольку она постулирует нестандартную сферу действия отрицания именно в случае NR. В то же время семантическая теория в случае (8, 9) обходится без дополнительных допущений.

2.2. Генитив отрицания

GN в подчиненной клаузе недопустим (10).

(10) а. Я думаю, что Петя не нашел доказательств.
б. *Я не думаю, что Петя <не> нашел доказательств.

Чтобы объяснить неграмматичность (10б) в теории синтаксического NR, необходимо постулировать, что для GN требуется присутствие фонологически выраженного отрицания в той же клаузе. Как и в случае интерпретационных контрастов в (8, 9), это условие

² Оценки грамматичности примеров (8–11) приводятся в соответствии с суждениями автора. Примеры (10а, 11) известны из обсуждаемой в этой статье литературы, пример (10б) — в определенном смысле упрощенная версия примеров (12б, 15б), для которых собирались суждения носителей. Оценки грамматичности в (12) и последующих примерах приводятся на основе опроса восьми носителей русского языка (могущих быть разными для разных примеров).

представляется *ad hoc* — неясно, каким образом фонология может быть релевантна для явления, дистрибуция которого определяется синтаксически (GN доступен только для именных групп, начинающих свой деривационный путь в позиции прямого объекта) и которое влияет на интерпретацию, см. [Bailyn, 2012: 201–208; Harves, 2013] и ссылки там.

Генитив отрицания можно также использовать для определения локальности лицензирования NPI и других чувствительных к отрицанию явлений. Например, только при отрицании возможна эпизодическая интерпретация имперфектива (11). В работе [Кобозева, 1976] допустимость эпизодического имперфектива в подчиненной клаузе при выраженном отрицании в матричной (11а) рассматривается в качестве аргумента в пользу синтаксического NR.

(11) а. Я не думаю, что вам стоит изменять название статьи.

б. #Я думаю, что вам стоит изменять название статьи.

Действительно ли для эпизодической интерпретации имперфектива необходимо нахождение отрицания в той же клаузе? Как видно из (12), существует контраст между лицензированием эпизодического имперфектива и GN в подчиненной клаузе. Как и в случае с (10б) для объяснения неграмматичности (12б) в теории синтаксического NR придется постулировать зависимость GN от позиции фонологического выражения отрицания.

(12) а. Я не думаю, что вам стоит переименовывать свою статью.

б. *Я не думаю, что вам стоит переименовывать своей статьи.

С другой стороны, если предположить, что в предложениях с NR-интерпретациями (11а, 12а) отрицание изначально порождается в матричной клаузе, неграмматичность (10б, 12б) следует из того, что отрицание не находится в одной клаузе с генитивной именной группой ни в один момент деривации [Abels, 2005; Bailyn, 2012]. Следовательно, для эпизодической интерпретации имперфектива (11а, 12а) достаточно присутствия отрицания в матричной клаузе.

Дополнительное подтверждение тому, что GN требует моноклаузальности, а эпизодический имперфектив — нет, будет представлено в следующем разделе.

2.3. NCI и NPI

Как было показано в разделе 1, сильные NPI играют ключевую роль для определения позиции отрицания при NR в английском языке. Русский язык дает возможность получить дополнительные данные за счет сочетания сильных NPI, NCI и GN.

Сильные NPI, в отличие от слабых, лицензируются только отрицанием и отрицательными кванторами. Парадигма (13) свидетельствует о том, что в русском языке дистрибуцию сильных NPI имеют конструкции типа *и один X*.

- (13) а. Петя не смог решить {хотя бы / даже / и} одну задачу.
б. Если Петя решит {хотя бы /?даже /??и} одну задачу, этого хватит для зачета.
в. Каждый, кто решит {хотя бы /?даже /??и} одну задачу, может идти.
г. Петю выгнали с зачета, прежде чем он успел решить {хотя бы /?даже /??и} одну задачу.

Таким образом, их можно использовать для проверки условия локальности лицензирования сильных NPI, которое обсуждалось в разделе 1 на примере английского *until*. Ожидается, что, как и *until* (5), конструкции типа *и один X* должны допускать лицензирование отрицанием из матричной клаузы при условии, что матричный предикат обладает свойством NR. Так оно и есть (14).

- (14) а. ? Петя не думал, что Маша решит и одну задачу.
б. ?? Петя не обещал, что Маша решит и одну задачу.

Чтобы определить, лицензируется ли NPI в (14а) через границу клаузы, или отрицание интерпретируется в подчиненной клаузе, можно использовать NCI. Как известно, NCI отличаются максимально строгими условиями лицензирования — они лицензируются только отрицанием, находящимся в той же финитной клаузе [Abels, 2005; Rossyaykin, 2020]. Таким образом, их можно использовать для того, чтобы зафиксировать отрицание в матричной клаузе. Как видно из (15), NCI грамматичны в матричной клаузе, даже если в подчиненной присутствует сильный NPI *и один X* или эпизодический имперфектив, а значит, их лицензирование действительно возможно через границу клаузы. GN, напротив, недопустим в подчиненной клаузе, что подтверждает выводы раздела 2.2.

- (15) а. ? Никто не думал, что Петя решит и одну задачу.
б. Никто не думал, что вам стоит переименовывать статью.
в. *Никто не думал, что Петя нашел доказательств.

Единственный выход для синтаксической теории NR (опирающейся на предположение о моноклаузальности лицензирования сильных NPI) — предположить (как и в случае с GN), что для лицензирования NCI релевантна фонология, а именно: сильный NPI в (15а) лицензируется интерпретируемым отрицанием в подчиненной клаузе, а NCI — фонологически выраженным отрицанием в матричной. Такой анализ, как показано в (16), возможен при анализе NCI как универсальных кванторов над отрицанием

(никто не пришел = $\forall x \neg$: x пришел) [Abels, 2005; Giannakidou, 2006; Rossyaykin, 2020].

(16) Никто_v не думал, что Петя <не> решит и одну задачу.

Всякий x таков, что: x думал, что Петя не решит и одну задачу
($\forall >$ думал $>$ \neg)

Понять, является ли *никто* экзистенциальным или универсальным квантором трудно из-за эквивалентности $\forall \neg$ и $\neg \exists$. Кроме того, в простых клаузах другие составляющие не могут интерпретироваться между отрицанием и NCI ($*NCI_v > XP > \neg$, $*\neg > XP > NCI_{\exists}$), что позволило бы устранить эквивалентность $\forall \neg$ и $\neg \exists$ [Abels 2005: 12–14; Rossyaykin 2020]. Однако если в случае с NR создается исключительная конфигурация, в которой NCI и отрицание семантически находятся в разных клаузах, можно попытаться вставить еще одну составляющую между ними и убедиться, что NCI действительно интерпретируются как универсальные кванторы. Например, как показано в (17), составляющая *в свое время* без труда интерпретируется между универсальным квантором в матричной клаузе и отрицанием в подчиненной:

(17) Каждый из нас в свое время думал, что эта проблема его не коснется.

$\forall x > \exists$ время $>$ x думал, что ... не коснется

Однако в случае NCI подобная дистрибутивная интерпретация едва ли возможна. В частности (18) при добавлении контекста, форсирующего дистрибутивную интерпретацию (18–2), получает гораздо более низкие оценки от носителей.

(18) Никто_v в свое время не думал, что Петя решит и одну задачу.

1. \exists время $>$ $\forall x >$ x думал, что Петя не решит

2. $??\forall x >$ \exists время $>$ x думал, что Петя не решит

В семантической теории NR маргинальность второй интерпретации в (18) тривиально является частным случаем запрета $*NCI > XP > \neg$, следующего предположительно из того, что NCI лицензируются в позиции непосредственно над отрицанием [Rossyaykin, 2020]. Синтаксическая теория, предполагающая нахождение отрицания в подчиненной клаузе в (18), вынуждена постулировать дополнительный, не имеющий очевидной мотивации запрет на интерпретацию других составляющих между NCI и отрицанием.

Наконец, как подсказал мне анонимный рецензент, в русском языке некоторые сильные NPI в принципе недопустимы в подчиненной клаузе. В синтаксической теории NR неграмматичность (19) труднообъяснима и, видимо, вновь требует обращения к фонологии: для лицензирования подкласса сильных NPI типа использованных

в (19) почему-то требуется не только семантическое, но и фонологическое присутствие отрицания в той же финитной клаузе.

(19) а. *Я не думаю, что он **в жизни** решит эту задачу

б. *Иван не верил, что Мария уедет **аж до завтрашнего дня**

В [Bošković, Gajewski, 2011], откуда взят пример (19б), на основе контраста между предложениями типа (19) и грамматичными английскими предложениями типа (5а) делается вывод, что в русском и других безартиклевых языках NR не только не синтаксический, но и (в отличие от английского) не семантический, а прагматический. Анализ этой теории, а также причин наблюдаемого в подчиненных клаузах контраста между NPI типа *и один X* (14а, 15а) и NPI в (19) я оставляю на будущее.

3. Заключение

Невозможность одновременного лицензирования слабого NPI в матричной клаузе и сильного NPI в подчиненной использовалась для обоснования синтаксической теории NR [Prince, 1976; Crowley, 2019], хотя данные английского языка не столь однозначны [Jacobson, 2020]. В этой работе было показано, что сфера действия субъекта подчиненной клаузы, а также дистрибуция GN, эпизодического имперфектива, NPI и NCI в русском языке однозначно свидетельствуют против синтаксического NR.

В частности, в отличие от предложений, где отрицание действительно находится в подчиненной клаузе, при NR-интерпретациях матричного отрицания субъект подчиненной клаузы имеет сферу действия под отрицанием (8, 9). Во-вторых, GN недопустим в подчиненной финитной клаузе даже при NR-интерпретации, что свидетельствует о порождении отрицания в матричной клаузе (10, 12). Наконец, сильные NPI делятся на два класса — одни, вопреки предсказаниям синтаксической теории, недопустимы в подчиненной финитной клаузе (19). Другие, как и эпизодический имперфектив, грамматичны в подчиненной финитной клаузе, но их лицензирование, вопреки предположениям [Кобозева, 1976; Prince, 1976; Collins, Postal 2014; Crowley, 2019], не требует локальности. Это подтверждается допустимостью NCI в матричной клаузе (15) и невозможностью вставления кванторов между NCI и отрицанием (18).

Таким образом, в отсутствии различных *ad hoc* допущений синтаксический подход оказывается одновременно и слишком ограничительным — неверно предсказывая неграмматичность сосуществования некоторых сильных NPI в подчиненной клаузе и NCI в

матричной (15а) — и слишком либеральным — неверно предсказывая допустимость других сильных NPI (19) и GN в подчиненной клаузе.

Выводы этой статьи относительно дистрибуции GN и NCI согласуются с независимо существующими теориями этих явлений без дополнительных допущений [Abels, 2005; Giannakidou, 2006; Bailyn, 2012; Harves, 2013; Rossyaykin, 2020]. Анализ представленных данных в пользу синтаксического NR потребует пересмотра теорий GN и NCI.

Список литературы

1. *Кобозева И.М.* Синтаксическое обоснование правила Перенесения Отрицания в русском языке // *Ceskoslovenska rusistika*. 1976. № 2. С. 54–62.
2. *Abels K.* “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // *Journal of Slavic linguistics*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 5–74.
3. *Bailyn J.F.* *The Syntax of Russian*. New York, 2012.
4. *Bartsch R.* ‘Negative transportation’ gibt es nicht // *Linguistische Berichte*. 1973. Vol. 27. P. 1–7.
5. *Bošković Ž., Gajewski J.R.* Semantic correlates of the NP/DP parameter // *NELS 39: Proceedings of the 39th Annual Meeting of the North East Linguistic Society / Lima S., Mullin K, Smith B. (eds.)*, Amherst, MA, 2011. P. 121–134.
6. *Collins C., Postal P.* *Classical NEG Raising*. Cambridge, MA, 2014.
7. *Crowley P.* Neg-Raising and Neg movement // *Natural Language Semantics*. 2019. Vol. 27. № 1. P. 1–17.
8. *Fillmore C.J.* The position of embedding transformations in a grammar // *Word*. 1963. Vol. 19. P. 208–231.
9. *Gajewski J.* Neg-Raising and polarity // *Linguistics and Philosophy*. 2007. Vol. 30. № 3. P. 289–328.
10. *Giannakidou A.* N-Words and Negative Concord // *The Blackwell Companion to Syntax / Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.)*. Malden, MA, 2006. Vol. 3. P. 327–391.
11. *Harves, S.* The Genitive of Negation in Russian // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. № 12. P. 647–662.
12. *Horn L.* Remarks on Neg-Raising // *Syntax and semantics 9: Pragmatics / Cole P. (ed.)*. New York, 1978. P. 129–220.
13. *Jacobson P.* Neg Raising and ellipsis (and related issues) revisited // *Natural Language Semantics*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 111–140.
14. *Lakoff R.* Syntactic argument for negative transportation // *Papers from the 5th regional meeting of the Chicago Linguistic Society / Binnick R.I., Davison A., Green G.M., Morgan J.L. (eds.)*. Chicago, 1969. P. 140–147.
15. *Prince E.* The syntax and semantics of neg-raising, with evidence from French // *Language*. Vol. 52. P. 404–426.
16. *Romoli J.* A Scalar Implicature-based Approach to Neg-raising // *Linguistics and Philosophy*. 2013. Vol. 36. № 4. P. 291–353.

17. *Rosyaykin P.* Russian *ni*-pronouns are non-negative universal quantifiers. Talk presented at the 15th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society. 4–6 September, 2020.

Petr Rosyaykin

NEG-RAISING IN RUSSIAN: CRITICISING THE SYNTACTIC APPROACH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

There are two groups of theories explaining the neg-raising effect observed when some matrix predicates are negated. According to the syntactic theories, negation, although phonologically expressed in the matrix clause, is base-generated and interpreted in the embedded clause. Alternative group theories argue that negation is interpreted in the matrix clause and regard neg-raising as a semantic or pragmatic effect. This article provides evidence against the syntactic theory of neg-raising based on Russian data. The argumentation relies on the distribution of negation sensitive phenomena: genitive of negation, negative pronouns, negative concord items, negative polarity items, episodic imperfective and quantifiers in the embedded clause.

Key words: neg-raising; neg movement; negative concord items; negative polarity items; genitive of negation; negative pronouns.

About the author: *Petr Rosyaykin* — PhD Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: petrrossyaykin@gmail.com).

References

1. Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic linguistics*, 2005, vol. 13, no. 1, pp. 5–74.
2. Bailyn J.F. *The Syntax of Russian*. New York, *Cambridge University Press*, 2012. 373 p.
3. Bartsch R. ‘Negative transposition’ gibt es nicht. *Linguistische Berichte*, 1973, vol. 27, pp. 1–7.
4. Bošković Ž., Gajewski J.R. Semantic correlates of the NP/DP parameter. *NELS 39: Proceedings of the 39th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Lima S., Mullin K, Smith B. (eds.), Amherst, MA, *GLSA Publications*, 2011, pp. 121–134.
5. Collins C., Postal P. *Classical NEG Raising*. Cambridge, MA, *MIT Press*, 2014. 269 p.
6. Crowley P. Neg-Raising and Neg movement. *Natural Language Semantics*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 1–17.

7. Fillmore C.J. The position of embedding transformations in a grammar. *Word*, 1963, vol. 19, pp. 208–231.
8. Gajewski J. Neg-Raising and polarity. *Linguistics and Philosophy*, 2007, vol. 30, no. 3, pp. 289–328.
9. Giannakidou A. N-Words and Negative Concord. *The Blackwell Companion to Syntax*. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Malden, MA, *Blackwell*, 2006, vol. 3, pp. 327–391.
10. Harves, S. The Genitive of Negation in Russian. *Language and Linguistics Compass*, 2013, vol. 7, no. 12, pp. 647–662.
11. Horn L. Remarks on Neg-Raising. *Syntax and semantics 9: Pragmatics*. Cole P. (ed.). New York, *Academic Press*, 1978, pp. 129–220.
12. Jacobson P. Neg Raising and ellipsis (and related issues) revisited. *Natural Language Semantics*, 2020, vol. 28, no. 2, pp. 111–140.
13. Kobozeva I.M. Sintaksicheskoe obosnovanie pravila Pereneseniya Otritsaniya v russkom yazyke. [Syntactic justification of the rule of Negation Movement in Russian]. *Ceskoslovenska rusistika*, 1976, no. 2, pp. 54–62.
14. Lakoff R. Syntactic argument for negative transportation. *Papers from the 5th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. Binnick R.I., Davison A., Green G.M., Morgan J.L. (eds.). Chicago, *University of Chicago*, 1969, pp. 140–147.
15. Prince E. The syntax and semantics of neg-raising, with evidence from French. *Language*, vol. 52, pp. 404–426.
16. Romoli J. A Scalar Implicature-based Approach to Neg-raising. *Linguistics and Philosophy*, 2013, vol. 36, no. 4, pp. 291–353.
17. Rossyaykin P. Russian *ni*-pronouns are non-negative universal quantifiers. Talk presented at *the 15th Annual Meeting of the Slavic Linguistics Society*. 4–6 September, 2020.

П. Чжао

ОРФОГРАФИЯ НАРЕЧИЯ КАК-ТО И СОЮЗА КАК ТО В ИСТОРИИ РУССКОГО ПИСЬМА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена проблеме разграничения наречия *как-то* и союза *как то* в диахронии. Цель статьи — установить узальную и кодифицированную нормы правописания данных лексем и проследить их динамику. Узус устанавливается методом сплошной выборки на материале, размещенном в «Национальном корпусе русского языка» (подкорпусе текстов в старой орфографии). Кроме того, для выявления узальной нормы используется материал грамматик и словарей XVIII и XIX вв. Лексемы *как-то* и *как то* кодифицированы в указанный период недостаточно основательно, однако к исследованию привлечены все основные словари и грамматические сочинения XVIII и XIX вв. В статье выявлены следующие факты кодификации и закономерности употребления дефиса в оформлении слов *как-то* и *как то*. В XVIII в. дефисное употребление *как (то)* возникает в русском письме и находится на стадии активного освоения. Однако именно на этом этапе достаточно отчетливо проявляется стремление писать наречие с постфиксом *-то* через дефис, а союз *как то* (при перечислении) и сочетание наречия *как* с указательным местоимением *то* раздельно. Наметившаяся в предшествующем столетии тенденция разграничения слитного и дефисного написания *как (то)* в зависимости от значения не получает устойчивого развития в XIX в. В грамматике Н.И. Греча 1827 г. и «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. кодифицированы только дефисные написания *как-то*. В узусе также распространяется употребление *как-то*, в том числе и при перечислении. Не решают проблемы труды Я.К. Грота конца XIX в., в которых также не регламентированы интересующие нас написания и допускается вариативность в орфографии *как (то)* при перечислении. Проблема разграничения наречия *как-то* и союза *как то* остается нерешенной до настоящего времени.

Ключевые слова: история русского письма XVIII в., XIX в.; узус и кодификация; орфография наречия *как-то* и союза *как то*; дефисное и раздельное написание.

Чжао Пэнсян — аспирант филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vera415@mail.ru).

1. Введение. Проблема разграничения *как-то* и *как то* актуальна сегодня не менее, чем в предшествующие столетия. Так, в статье «Чем “как-то” отличается от “как то”» С.В. Друговеико-Должанская отмечает, что употребление *как то* при перечислении считают ошибкой читатели сайта и учителя в школе, что критики раздельного написания *как то* цитируют справочник Д.Э. Розенталя, правда изданный уже после его смерти, а также «академические правила русской орфографии и пунктуации 1956 года, в которых о правописании *как (то)* отдельно не говорится, однако это слово (в дефисном написании) фигурирует во многих примерах» при перечислении в значении ‘а именно’ [Друговеико-Должанская, 2013]. В конце статьи автор формулирует правило разграничения дефисного и раздельного написаний *как (то)*:

«В общем, можно **как-то** так сформулировать два правила о написании *как (то)*, **как то**:

Как-то — местоименное наречие со значением неопределенности, пишется через дефис. 1. Каким-то образом, способом; неизвестно как. *Но до этого /Я как-то жил и вдруг забыл об этом* (Б. Пастернак). 2. В некоторой степени, несколько. *Всё по-иному осветилось, / стал как-то праздничнее дом* (Я. Смеляков). <...> 4. разг. Выражает затруднение при определении времени действия; однажды, когда-то. *Как-то вечером домой / Возвращался папа мой* (Д. Хармс).

Как то — союз, употребляется перед перечислением, раскрывающим и уточняющим смысл обобщающего слова (а именно, например) и пишется раздельно. *К уютному запаху стариковских лекарств, как то: корвалола, валерьянки, капель Морозова — примешались чужие резкие запахи каких-то мазей* (М. Палей)» [Друговеико-Должанская, 2013].

Мы рассмотрим, когда возник феномен *как-то* и *как то* и какова была орфография данных слов на протяжении трех столетий.

2. Орфография как (то) в XVIII в. Появившиеся в XVIII столетии, дефисные написания неуклонно распространяются, поскольку «амбивалентность этого знака, способного указывать одновременно и на соединение (в противопоставление пробелу), и на разъединение (в противопоставление контакту), делает его чрезвычайно удобным для пишущего, который затрудняется с выбором орфографического варианта» [Друговеико-Должанская, Попов, 2019: 175].

Начальный этап употребления дефиса в русском письме исследует в диссертации «Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века» О.И. Онацкая [Онацкая, 2005]. Автор дает представление о динамике распространения дефисных написаний: «Приведем хронологическую последовательность появления в XVII–XVIII веках дефисного, слитного и раздельного

написания постфиксов, частиц и приставок кое- (кой-) ... Раздельные написания: 1619 — либо; 1624 — де; 1703 — нибудь; 1708 — то (при перечислении: какъ то); 1740 — то... Наглядно отражается разницей в написании постфиксов: постфикс -то чаще всего писался через дефис, постфикс -либо — слитно, а -нибудь — раздельно. Дефисное написание получает распространение во второй половине XVIII века» [Онацкая, 2005: 38–39].

В исследовании Онацкой отмечено, что *как то* при перечислении пишется раздельно, тогда как постфикс *-то* чаще через дефис. С самого начала употребления дефиса в конструкции *как (то)* возникает вариативность, причем выделяется три случая употребления *как (то)*, в которых элемент *то* имеет разное грамматическое значение: *то* в значении указательного местоимения, близком к *это*; *то* как часть союза *как то* при перечислении; *-то* как постфикс в наречии *как-то*. У Онацкой содержится подробное описание орфографии *то* в первых двух значениях в XVIII в.: «Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, написание сочетания **какъ-то** через дефис и **какъ то** раздельно в зависимости от частеречной принадлежности слова **«то»**. Сочетание *какъ-то* (Ибо сей образъ крепкий есть, понеже и самъ проповѣдникъ въ число грѣшниковъ мѣшаетъ себе, *какъ-то* и самая истина есть — Духовный регламентъ, 1722, с. 80) в данном контексте должно писаться раздельно, поскольку **то** является здесь указательным местоимением. То же в следующем контексте: «Литургія безъ причастниковъ не бывала, *какъ-то* досель видимъ въ словахъ святыя Литургіи» (там же, с. 147)» [Онацкая, 2005: 38–39].

Грамматические сочинения XVIII в. не регламентируют правописания *как (то)*. Однако в текстах грамматик обнаруживается *как то* в раздельном написании при перечислении. Так, в «Кратких правилах российской грамматики» А.А. Барсова союз *как то* при перечислении в 12 случаях без исключения пишется только раздельно, например: «Буква Э на противъ того въ церковныхъ книгахъ совсѣмъ не употребительна, а выдумана въ нынѣшнія времена... для лучшаго произнесения нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, въ Россійскомъ языкѣ усилившихся, **какъ то**: экспедяція, экстрактъ. и проч.» [Барсов, 1784: 11–12]. В тексте грамматики находим и сочетание *как то* в раздельном написании, где *то* — указательное местоимение: «Гласныя буквы А. У. Ы. Ю. Я произносятся всегда одинакимъ образомъ, кромѣ что двѣ послѣднія, то есть Ю и Я перемѣняются въ согласныя, **какъ то** сказано будетъ впредь» [Барсов, 1784: 11–12]. Подобные закономерности обнаруживаются в «Письмовнике» Курганова, где союз *как то* при перечислении пишется исключительно раздельно: «Изъ всѣхъ вещей иныя отъ насъ зависятъ, а иныя нѣтъ. Намъ подвластны всѣ наши дѣйствія, **какъ то**: наши мнѣнія, стремленія нашего

сердца, склонности и наше отвращение [Курганов, 1793: 307–308]. В «Письмовнике» есть и случаи употребления местоимения *то*, например: «Скольких родовъ оныя правила? О. Трехъ; первыя учат, какъ то изобрѣтать, что о предложенной вещи говорить должно...» [Курганов, 1793: 389]. В первом издании «Словаря Академии Российской» (САР–I) 1789–1794 гг. при перечислении употребляется союз *как то*, например: «Земля удобная, пользу, доходъ приносящая, **какъ то** лѣсъ, поля, озера и протч.» [САР–I, 2: 172]. К примеру, во 2 томе САР–I обнаружено 14 таких случаев [САР–I, 2]. Дефисного написания *как-то* ни в одном томе данного издания не встречается. Впрочем, установлено, что «в I издании через дефис написано всего три слова» [Онацкая, 2005: 73].

Таким образом, в XVIII в. дефисное употребление *как (то)* возникает в русском письме, и именно на этом этапе достаточно отчетливо, даже учитывая присущую тому периоду вариативность, проявляется тенденция писать наречие с постфиксом *-то* через дефис, а союз *как то* (при перечислении) и сочетание наречия *как* с указательным местоимением *то* раздельно.

3. Орфография как (то) в XIX в. Наметившаяся в предшествующем столетии тенденция разграничения слитного и дефисного написания *как (то)* в зависимости от значения не получает устойчивого развития в XIX в.

По сравнению с первым изданием САР–I 1789–1794 гг. во втором, вышедшем в 1806–1822 гг. [САР–II], «прослеживается тенденция к дефисному написанию постфикса *-то*, выражающего неопределенность: в I издании через дефис написано всего три слова, а во II — уже 31, при семи раздельно написанных словах в I и семнадцати — во II издании» [Онацкая, 2005: 73]. Конкретно о *как (то)* Онацкая пишет следующее: «Обратим внимание на то, что в первом издании словаря мы не обнаружили слова *как-то*, во втором же издании эти слова написаны через дефис или раздельно и после них следует перечисление: *Папоротки, означают перепонку между пальцами ногъ у плавательныхъ птицъ, какъ-то гусей, утокъ, и проч.* (II, ч. 4, с. 791); *Аудиторъ. Чиновникъ въ военной службѣ разныхъ стѣпеней, какъ то: Генералъ, Генералъ-Лейтенантъ, Оберъ и полковой Аудиторъ...* (II, ч. 1, с. 69); *Какъ-то.* Нар. Поставляемое предъ изчислетемъ чего вместо: то есть, а именно, на примѣръ. *Страсти суть многоразличны, какъ то: честолюбіе, роскошь, гордость и пр.* (II, ч. 3, с. 21); *Посадникъ. Градоправитель, градской голова, градоначальникъ... определяемы были въ вольныхъ городахъ, какъ то въ Новгородѣ, Псковѣ и проч...* (II, ч. 5, с. 23)» [Онацкая, 2005: 73]. Приведенные примеры демонстрируют возникшую вариативность в орфографии союза *как то*. Однако наречия с постфиксом *как-то* в обоих изданиях САР не обнаружено.

«Российская грамматика» (РГ) 1802 г. содержит правило употребления дефиса только при переносе. Вводящий перечень союз употребляется везде с отдельным написанием *какъ то* (с. 52, 73, 76, 80, 85, 95 и др.). Слово *как-то* представлено в перечне значений наречий: «Изъясненіе: *то есть, сиречь, именно, а именно, какъ-то* и проч.» [РГ, 1802: 245]. Во втором издании грамматики 1809 г. в двух из 17 употреблений союза *как то* обнаружено дефисное написание: «Некоторые глаголы отъ сего правила уклоняются, **какъ-то**: глаголь *принадлежатъ* кромѣ дательнаго принимаетъ иногда падежь родительный съ предлогомъ до... — Глаголь *прикасаться*...»; «Имена существительныя, кончащіяся на *ель, енѣ, ерь*... имѣють удареніе на послѣднемъ слогѣ, **какъ-то**: *орель, орла, орлу*...» [РГ, 1809: 297]. В третьем же издании грамматики 1819 г. союз *как то* через дефис пишется уже в 9 случаях, в остальных же 8 остается отдельное написание союза [РГ, 1819]. Можно сказать, что издания «Российской грамматики» демонстрируют рост числа дефисных употреблений союза *как то* в начале XIX в. Единственное употребление наречия *как-то* из первого издания сохраняется во втором [РГ, 1809: 252] и третьем [РГ, 1819: 193].

Первый случай кодификации правописания *-то* в авторитетных грамматических сочинениях своего времени обнаружен в книге «Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ» 1827 г.: «...равномѣрно присовокупляется черточкою частица *то*, на примѣръ: *такъ-то, какъ-то, что-то, гдѣ-то, куда-то*, и проч.» [Греч, 1827: 540]. Судя по примерам, Н.И. Греч имеет в виду постфикс *-то* (*какъ-то, что-то, гдѣ-то, куда-то*) и частицу *-то* (*такъ-то*). Наречие *как-то* в тексте грамматики употреблено только один раз в примерах приведенного правила. Союзам посвящено другое правило: «Вообще союзы въ Русскомъ языкѣ суть слѣдующіе: *а; буде; бы; впрочемъ; для того; да; дабы; для того, что; если; ежели; же; и; ибо; и такъ; или; какъ-то*...» [Греч, 1827: 233]. В тексте самой грамматики *-то* в составе данного союза более чем вдвое чаще пишется дефисно: 46 дефисных и 20 отдельных написаний [Греч, 1827].

Позднее «Словарь церковнославянскаго и русскаго языка» (СЦСРЯ) 1847 г. кодифицирует дефисное написание союза *какъ-то*: «КАКЪ-ТО, союз. Поставляемый предъ изчисленіемъ чего либо. Страсти многоразличны, **какъ то**: *честолюбіе. роскошь, гордость*» [СЦСРЯ, 1847, 2: 153]. О неустойчивости данной нормы свидетельствует употребление в самой словарной статье союза *какъ то* в отдельном написании, и такой же орфографией отличаются все случаи употребления союза во 2 томе словаря. Однако в 1 томе на 9 отдельных написаний союза *какъ то* приходится 5 дефисных, например: «Церковное служеніе въ Кремле, въ соборе Успенскомъ

или па площадке между нимъ и Архангельскимъ, **какъ-то**: Новолѣтіе, Крестовоздвиженіе, Пешное, Многолѣтіе...» [СЦСРЯ, 1847, 1: 384]. Наречіе *как-то* в словаре не описано и не употребляется.

Однако материал «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) XIX в. свидетельствует о том, что неопределенное наречіе *какъ-то* входит в широкое употребление в XIX столетии в нескольких значениях, преимущественно с дефисным написанием (в НКРЯ 447 дефисных и 12 отдельных написаний). Возможно, быстрое распространение данного наречія объясняется уже привычным дефисным написанием союза *какъ-то*, принятым в то время. Вместе с тем наречіе *как-то* допускает случаи варьирования дефисных и отдельных написаний в пределах одного издания и даже одного предложения, например: «Много есть на Руси деревень, за какія то услуги, произведенныхъ въ города, и эти города **какъ то** неловко назвать городомъ; къ числу такихъ мѣстечекъ повидимому принадлежитъ и Погаръ городъ, только къ еготитулу “городъ” прибавлено извинительное слово — “заштатный”: все **какъ-то** не такъ совѣстно» [П. И. Якушкин. Из Черниговской губернии (1861)].

В орфографии союза *как то* в НКРЯ XIX в., как и в кодифицирующих сочинениях, отчетливо проявляется тенденция к написанию через дефис: таких случаев почти вдвое больше, чем случаев отдельного употребления (53/30). О нестабильности орфографии данного слова свидетельствует вариативность в пределах одного издания. Так, в томе II «Домашних записок» А.С. Шишкова представлены отдельные написания *какъ то* при перечислении: «*Естьли же слово состояніе взять здѣсь за раздѣленіе людей на разныя состоянія, **какъ то** дворянское, купеческое, мѣщанское, и проч.*» (А.С. Шишков. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А.С. Шишкова. Томъ II. Домашнія записки (1808–1822)). В том же издании обнаруживаются и дефисные варианты: «*Буде ни о комъ нельзя сказать неблажный, потому что слово сіе въ молитвъ сказано о пресвятой Дѣвѣ, такъ поэтому и другія въ той же молитвъ употребленія такогोजь рода слова, **какъ-то** непорочная, чистая, и самое слово дѣва, ни о комъ другомъ говорить не можно?»* (А.С. Шишков. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А.С. Шишкова. Томъ II. Домашнія записки (1808–1822)).

Я.К. Грот в исследовании «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» (1-е изд. 1873 г.) и своде правил «Русское правописаніе» (1-е изд. 1885 г.) не анализирует употребление и не кодифицирует орфографию *то* ни в одном из значений. В самих же изданиях правописание наречія *как-то* и союза *как то* не отличаются единообразием. Так, в первом издании «Спорных вопросов...» находим дефисное написаніе неопределенного наречія: «...**какъ-то** рука не подымается, вопреки употребительному

по всей Великой Россіи говору, написать: отъ *Никитенка*, съ *Пашенкомъ*, чрезъ *Безбородка*» (с. 121). В том же издании союз *как то* пишется только раздельно: «Христіанскія, какъ и миѳологическія. названія цѣлыхъ разрядовъ пли видовъ существъ, могутъ считаться нарицательными именами, какъ то: *ангелы, серафимы*: — *альфы: русалки; граціи, музы, нимфы*» [Грот, 1873: 126]. Однако в 1-м издании «Русского правописанія» в «Справочном указателе» представлено только слово «*Какъ-то*» [Грот, 1885: 123] с дефисным написаніем и в самом тексте правил встречается только *какъ-то* при перечисленіи: «Отъ корня *рост* пошли отрасли двоякой формы, **какъ-то**: *ростъ и возрастъ, растеніе, недоросль*; — *отрасль, водоросль и водорасль* [Грот, 1885: 24]. В данном издании в правиле об употребленіи двоеточія в союзе *как то* употребляется дефис: «Передъ словами, составляющими исчисленіе нѣсколькихъ предметовъ, лицъ или дѣйствій, иногда съ прибавленіемъ словъ: **какъ-то**, *именно...*» [Грот, 1885: 98]. Между тем в издании того же свода правил 1894 г. в том же правиле *какъ то* пишется раздельно [Грот, 1894: 104], хотя в остальных случаях при перечисленіи — через дефис. В книге «Труды Я.К. Грота. II. Филологическія разысканія (1852–1892)» 1899 г., где опубликован исправленный и дополненный труд «Спорные вопросы...», союз *как то* при перечисленіи употребляется то раздельно, то через дефис, без какой-либо закономерности, однако дефисные написанія преобладают (25/8) [Грот, 1899].

4. Выводы. Наше исследование показало, что наметившаяся в XVIII в. тенденція разграниченія орфографіи наречія *как-то* и союза *как то*, использующеся при перечисленіи, в дальнейшем не получила развитія. В теченіе XIX в. закрепляется дефисное написаніе наречія *как-то*, тогда как правописаніе союза *как то* получило значительную вариативность с преобладаніем дефисных вариантов. Грамматики и словари XIX в. упорно не замечают феномена *как-то* и *как то* и кодифицируют дефисное написаніе либо не различая данные лексемы, либо имея в виду только наречіе. Вместе с тем в узусе дефисные написанія союза при перечисленіи распространяются и становятся преобладающими. Я.К. Грот, исследовавший основныя проблемы русскаго письма в историческом аспекте, также не заметил указаннаго феномена, не описал его и не кодифицировал затем в «Русском правописаніи». К сожаленію, усилія исследователей, пытающихся сегодня разграничить орфографію наречія *как-то* и союза *как то* пока не достигают результата. Об этом можно судить, например, по словарной статьѣ «КАК-ТО» в новейшем «Большом академическом словаре русскаго языка», издающемся с 2004 г. В данной словарной статьѣ *как-то* определяется как наречіе, у котораго есть 4 значенія. Под пунктом 4 значится:

«Употр. при перечислении; соответствует по знач. словам: а именно, например» [БАС, 2007: 568]. Вместе с тем современные орфографисты настойчиво предлагают отграничить союз *как то* от наречия. Во введении мы процитировали статью из материалов проекта «Грамм.ру. Культура письменной речи». Приведем теперь правило, которое дает «Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ — русский язык для всех»: «**КАК ТО**, союз (перед перечислением). Перед союзом «как то», выступающим между обобщающим словом и рядом однородных членов, ставится запятая, а после него — двоеточие. *Катя... исследовала сарай, обнаружив там, кроме баллона и плитки, еще массу полезных вещей, как то: две низенькие зеленые скамейки, садовый столик, гамак, лопаты, грабли.* Т. Степанова, Все оттенки черного. *Для школьников были закуплены канцтовары, как то: ручки, тетради, клей.* @ Орфографический комментарий. В отличие от наречия «как-то» союз «как то» (перед перечислением) пишется раздельно. Дефисное написание союза (рекомендовавшееся ранее) не соответствует современной норме письма» [ГРАМОТА.РУ].

Список литературы

1. Барсов А.А. Краткие правила российской грамматики, собранные и вновь дополненные из разных российских грамматик, в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского университета. М., 1784. 250 с.
2. БАС — Большой академический словарь: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 7. СПб., 2007. 730 с.
3. ГРАМОТА.РУ — Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. URL: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?layout=item&id=58_354 (дата обращения: 10.07.2021).
4. Греч Н.И. Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. СПб., 1827. 578 с.
5. Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣления Императорской Академіи наук академикомъ Я.К. Гротомъ. СПб., 1885. 120 сб.
6. Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣления Императорской Академіи наук академикомъ Я.К. Гротомъ. СПб., 1894. 120 с.
7. Грот Я.К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота. СПб., 1873. 162 с.
8. Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. II. Филологическія разысканія (1852—1892). СПб., 1899. 162 с.
9. Друговейко-Должанская С.В. Чем “как-то” отличается от “как то”. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=13.52> (дата обращения: 10.07.2021).
10. Друговейко-Должанская С.В., Попов М.Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: учебник. СПб., 2019. 400 с.

11. *Курганов Н.Г.* Писмовник, содержащий в себе Науку Российского языка ка со многим присовокуплением разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вешесловия: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1793. 394 с.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 10.07.2021).
13. *Онацкая О.И.* Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 260 с.
14. РГ, 1802 — Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1802. 355 с.
15. РГ, 1809 — Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1809. 363 с.
16. РГ, 2819 — Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией. СПб., 1819. 273 с.
17. САР—I—Словарь Академии Российской. Ч. 1 (1789), ч. 2 (1790), ч. 3 (1792), ч. 4 (1793), ч. 6 (1794). СПб., 1789—1794.
18. САР—II—Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1 (1806), ч. 2 (1809), ч. 3 (1814), ч. 5 (1822). СПб., 1806—1822.
19. СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языков Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

Pengxiang Zhao

**THE ORTHOGRAPHY OF THE ADVERB *КАК-ТО*
AND OF THE CONJUNCTION *КАК ТО*
IN THE HISTORY OF RUSSIAN SPELLING**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the problem of differentiating the adverb *как-то* from the conjunction *как то* in diachrony. The aim and purpose is to establish the actual usage norm and the codified spelling norm for these lexemes and trace their dynamics. Actual usage is established through the grammars and dictionaries of the 18th and 19th centuries and the National Corpus of the Russian Language (subcorpus of texts in the old spelling), by continuous sampling. The lexemes *как-то* and *как то* were codified during this period insufficiently, however, all the main dictionaries and grammatical works of the 18th and 19th centuries were involved in the study. The article reveals the following facts of codification and patterns of the hyphenated and separate uses of the words in question. In the 18th century, the hyphenated use of *как (то)* arises in Russian spelling and gathers momentum. However, it is at this stage that the tendency to write the adverb with

the postfix *-mo* with a hyphen and to separately spell the conjunction *как mo* (when listing) as well as the combination of the adverb *как* with the indicative pronoun *mo* is quite clearly manifested. The tendency outlined in the previous century to distinguish between merged and hyphenated spellings of *как (mo)* depending on the meaning does not develop in the 19th century. In the grammar by N.I. Grech in 1827 and the Dictionary of Church Slavonic and Russian Languages in 1847, only hyphenated spellings were codified. In common actual spelling, the hyphenated variant also becomes widespread, including cases of listing. The works by J.K. Grot at the end of the 19th century, in which the spellings under discussion are also not regulated and variability in spelling is allowed *как (mo)* when listing. The problem of delimiting the adverb *как-mo* and the conjunction *как mo* remains unresolved to this day.

Key words: Russian writing in the 18th-19th century; usage and codification; spelling of the adverb *как-mo* and the conjunction *как mo*; hyphenated and separate spellings.

About the author: *Zhao Pengxiang* — PhD Student, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; PhD Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vera415@mail.ru).

References

1. Barsov A.A. *Kratkie pravila rossiiskoi grammatiki, sobrannye i vnov' dopolnennye iz raznykh rossiiskikh grammatik, v pol'zu obuchayushchegosya yunoshestva v gimnaziakh Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Brief rules of Russian grammar, collected and new supplemented from various Russian grammars, for the benefit of the student's youth in the gymnasiums of the Imperial Moscow University]. Moscow, 1784. 250 p. (In Russ.)
2. Bol'shoi akademicheskii slovar' [Comprehensive Academic Dictionary]. Saint Petersburg, 2007. 730 p. (In Russ.)
3. Spravochno-informatsionnyi portal GRAMOTA.RU [Reference and information portal GRAMOTA.RU]. URL: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?layout=item&id=58_354 (accessed: 10.07.2021). (In Russ.)
4. Grech N.I. *Prostrannaja russkaja grammatika, izdannaja Nikolaem Grechem* [Extensive Russian grammar, published by Nikolai Grech]. Saint Petersburg, 1827. 578 p. (In Russ.)
5. Grot Ja.K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Saint Petersburg, 1885. 120 p. (In Russ.)
6. Grot Ja.K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Saint Petersburg, 1894. 120 p. (In Russ.)
7. Grot Ja.K. *Spornye voprosy russkago pravopisaniya ot Petra Velikago donyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to this day.]. Saint Petersburg, 1873. 162 p. (In Russ.)
8. Grot Ja.K. Trudy Ya.K. Grot. II. *Filologicheskaya razyskaniya (1852–1892)* [The works by J.K. Grotto. II. Research into Philology (1852–1892)]. Saint Petersburg, 1899. 162 p. (In Russ.)

9. Drugoveyko-Dolzanskaya S.V. Chem “kak-to” otlichayetsya ot “kak to”. [How “kak-to” differs from “kak to”] URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=13.52> (accessed: 10.07.2021). (In Russ.)
10. Drugoveyko-Dolzanskaya S.V., Popov M.B. Sovremennoye russkoye pis'mo: grafika, orfografiya, punktuatsiya: uchebnik [Modern Russian writing: graphics, spelling, punctuation: textbook]. St. Petersburg, 2019. 400 p. (In Russ.)
11. Kurganov N.G. Pismovnik, soderzhashchii v sebe Nauku Rossiiskogo yazyka so mnogim prisovokupleniem raznago uchebnago i poleznouzabavnago veshchesloviya [A Scriptbook containing the Science of the Russian language with many additions of various educational and useful-funny things]. Vol. 1. СПб., 1793. 394 p. (In Russ.)
12. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National corpus of the Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (Accessed: 10.07.2021).
13. Onackaja O.I. Stanovlenie defisnogo napisaniya slov v russkom pis'me XVIII — pervoj poloviny XIX veka [Formation of hyphenated spelling of words in Russian writing of the 18th — first half of the 19th century]. *Dis. doc. philol. sciences*. Moscow, 2005. 260 p. (In Russ.)
14. Rossijskaja grammatika, sochinennaja imperatorskoj Rossijskoj Akademiej [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg, 1802. 355 p. (In Russ.)
15. Rossijskaja grammatika, sochinennaja imperatorskoj Rossijskoj Akademiej [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg, 1809. 363 p. (In Russ.)
16. Rossijskaja grammatika, sochinennaja imperatorskoj Rossijskoj Akademiej [Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy]. Saint Petersburg, 1819. 273 p. (In Russ.)
17. Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1 (1789), 2 (1790), 3 (1792), 4 (1793), 6 (1794). Saint Petersburg, 1789–1794. (In Russ.)
18. Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 1 (1806), 2 (1809), 3 (1814), 5 (1822). Saint Petersburg, 1806–1822. (In Russ.)
19. Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazykov Imperatorskoj Akademii nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1847. (In Russ.)

Е.А. Матвеевко

**ПОЗДНЯЯ РЕДАКЦИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА
«МЕТАМОРФОЗ» ОВИДИЯ НАЧАЛА XVIII в.:
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СПИСКОВ¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье представлены промежуточные результаты сопоставления двух списков с текстом поздней редакции первого русского перевода *Метаморфоз* Овидия, выполненного с польской комментированной версии *Ksiegi Przemian, to jest, Metamorphoseon* (1638). Критерием для сопоставления было отношение к правке, следы которой наблюдаются в одном из списков — РНБ Q.XVIII.4. Правка в этом списке велась по трем направлениям: исправление ошибок списывание, редактирование перевода с привлечением польского оригинала и вторичная редакторская правка без обращения к польскому оригиналу. Сопоставление показало, что в большинстве случаев в списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 в соответствующих контекстах представлены чтения, как будто бы учитывающие внесенную в список РНБ Q.XVIII.4 правку. Однако в то же время в списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 есть чтения, которые невозможно возвести к РНБ Q.XVIII.4, что свидетельствует в пользу того, что списки не наследуют друг другу, а восходят к разным протографам.

Ключевые слова: переводы с польского языка в Петровскую эпоху; *Метаморфозы* Овидия.

В начале XVIII в. в России с польского издания В. Отвиновского *Ksiegi Przemian, to jest, Metamorphoseon* (1638) дважды были переведены *Метаморфозы* Овидия. Первый перевод сохранился в четырех рукописях разного состава и разделяется на две редакции. Из рукописей с текстом поздней редакции перевода лидером по объему выпавшего на его долю внимания оказался список РНБ Q.XVIII.4. В научный оборот эта рукопись была введена, по-видимому, П.П. Пекарским — он процитировал из синодального дела 1727 г.

Матвеевко Екатерина Алексеевна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail ea.matveenko@gmail.com).

¹ С благодарностью к.ф.н. доц. О.А. Остапчук.

доклад директора петербургской типографии М.П. Абрамова: «...действительный тайный советник граф П.А. Толстой приказал ему требовать, дабы взятые в святейший Синод для исправления три книги дестевые, называемые *Метаморфосеос, то есть Премещение*, Овидием описанные и рукою его графскою писанные, прислать к его сиятельству» [Пекарский, 1862: 221; Николаев, 1988: 162]. Из этого П.П. Пекарский пришел к выводу, что существует перевод *Метаморфоз*, выполненный П.А. Толстым, и указал на существование двух рукописей: список ГИМ Син. № 809 с переводом *Метаморфоз* с польского языка и анонимный список РНБ Q.XVIII.4, содержащий первые четыре книги поэмы и «по почерку и слогу» датируемый началом XVIII в. [Пекарский, 1862: 221; Николаев, 1988: 162].

А.И. Соболевский описал рукопись ГИМ Син. № 809, указав, что ему известен только один список этого перевода *Метаморфоз*, а в сноске, ссылаясь на данные П.П. Пекарского, отметил: «...другой перевод *Превращений*, графа П.А. Толстого, находится в рукописи Публичной Библиотеки Q.XVIII.4» [Соболевский, 1903: 183; Николаев, 1988: 162]. Как видно, сам П.П. Пекарский не называл П.А. Толстого автором текста, дошедшего до нас в рукописи РНБ Q.XVIII.4, и не соотносил между собой известные ему списки ГИМ Син. № 809 и РНБ Q.XVIII.4, а А.И. Соболевский, возможно, был знаком с текстом рукописи РНБ Q.XVIII.4 только по фрагменту, опубликованному П.П. Пекарским. То есть выводы, что в рукописи РНБ Q.XVIII.4 представлен новый перевод *Метаморфоз* и именно этот перевод был выполнен П.А. Толстым, не были результатом специальных исследований, однако обе идеи продолжили жить в библиографии. Так, П.Н. Берков, ссылаясь на П.П. Пекарского, написал: «...неудивительно поэтому, что при Петре появляется ряд новых переводов *Метаморфоз*, один из которых принадлежал графу П.А. Толстому», а текст, представленный в списке ГИМ Син. № 809, отнес к более ранним «первым переводам» [Берков, 1973: 90].

Вероятно, тезисом, что в списке РНБ Q.XVIII.4 содержится текст самостоятельного перевода *Метаморфоз*, были инспирированы и поиски оригинала для этого текста среди латинских изданий, в то время как на польский оригинал для текста из списка ГИМ Син. № 809 указали еще П.П. Пекарский и А.И. Соболевский. «Латинская» линия представлена в исследованиях ученика В.Н. Перетца А.С. Грузинского² и немецкого слависта Х. Роте [Николаев,

² Приходится ограничиться ссылкой на статью С.И. Николаева, в которой он цитирует только вывод А.С. Грузинского: рукопись РНБ Q.XVIII.4 представляет «перевод П.А. Толстого непосредственно с латинского комментированного оригинала».

1988: 162]. X. Роте полагал, что самый первый русский перевод *Метаморфоз*, сохранившийся только в рукописи ГИМ Син. № 809, был сделан с польского языка не позже 1691 г., а первым переводом непосредственно с латинского языка был перевод П.А. Толстого, созданный после 1710 г. и дошедший до нас в рукописи РНБ Q.XVIII.4 [Rothe, 1984: 57].

Окончательно вопрос о «другом переводе» из списка РНБ Q.XVIII.4 решил С.И. Николаев, сопоставив эту рукопись со списком ГИМ Син. 809 и установив, что в них представлен один и тот же перевод *Метаморфоз*, выполненный с польской версии В. Отвиновского [Николаев, 1988: 163]. Кроме того, С.И. Николаев указал на еще два списка этого перевода (БАН П I Б. № 101 и РГАДА Ф.181. № 671/1183), уточнил датировку его создания и поставил под сомнение атрибуцию одного из списков П.А. Толстому [Николаев, 1988: 163].

Следующий важный шаг в исследовании текстологической истории первого перевода *Метаморфоз* был сделан в статье Г.А. Молькова: он установил, что существуют две редакции этого перевода — ранняя (списки БАН П I Б. № 101 и ГИМ Син. № 809), более близкая к польскому оригиналу, и поздняя (список РНБ Q.XVIII.4), в ходе создания которой предшествующий текст перевода был сильно изменен [Мольков, 2016: 463].

Всё это время, как видно, почти не привлекал внимания исследователей список РГАДА Ф.181. № 671/1183 — из библиографии известно лишь о примерной датировке и объеме этой рукописи [Николаев, 2008: 189].

Просмотр рукописи РГАДА Ф.181. № 671/1183 показал, что она представляет текст поздней редакции перевода, практически идентичный с текстом списка РНБ Q.XVIII.4, в объеме первых четырех книг *Метаморфоз*.

Список РНБ Q.XVIII.4 написан двумя почерками: первая и четвертая книги одним, а вторая и третья иным. Похожим на первый почерком на полях по всей книге сделана буквенная разметка для соотнесения толкований с толкуемыми фрагментами, а также вписаны некоторые глоссы. Список РГАДА Ф.181. № 671/1183 написан одним почерком.

Список РНБ Q.XVIII.4 содержит следы правки: выделены случайные повторы, над текстом вписаны пропущенные слова, ошибочные написания исправлены при помощи глосс на полях или поверх стертых неправильных вариантов, на полях записаны синонимы для некоторых лексем из основного текста, вероятно, предлагаемые в

качестве замены. В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 исправлений, помет или глосс нет, хотя от ошибок он не свободен.

Понимание правки для списка РНБ Q.XVIII.4 вынужденно условное: хотя некоторые ее следы видны в рукописи, неизвестно, сколько этапов редактирования текста отражает этот список и как в некоторых случаях отделить редактирование, выполненное еще в архетипе поздней редакции, от правки непосредственно в списке РНБ Q.XVIII.4. Но всё же наиболее логичным кажется начать сопоставление списков поздней редакции именно с анализа их отношения к правке, эксплицитно представленной в списке РНБ Q.XVIII.4. Она шла по следующим направлениям: исправление ошибок списывания, замена некоторых вариантов перевода польских лексем, вторичная редакторская правка без обращения к польскому оригиналу. В рамках исследования в списке РНБ Q.XVIII.4 были отобраны все контексты с описанными выше исправлениями кроме вписываний поверх стертого текста, а затем они были сопоставлены с аналогичными контекстами в РГАДА Ф.181. № 671/1183. Всего было собрано 47 примеров, в связи с ограниченным объемом статьи ниже будут приведены только некоторые из них.

Исправление ошибок списывания

В списке РНБ Q.XVIII.4 было обнаружено 20 примеров исправления ошибок списывания. В РГАДА Ф.181. № 671/1183 в 19 из этих случаев нет следов аналогичных ошибок. Например:

(1) РНБ Q.XVIII.4 (2, IV, arg): **пришла перво Оизва, гдѣ противъ лучей [сверху вписано лүнныхъ] үзрѣ^в лвицѹ мимоходящю, үшла в каменныє горы** (л. 189). Вставленная лексема есть в тексте ранней редакции перевода (БАН П I Б. № 101, л. 274 (276))³.

В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 текст идентичен со списком РНБ Q.XVIII.4, лексема **лүнныхъ** находится в строке (л. 332).

В одном случае (13, IV) списки не удалось сопоставить, поскольку в РГАДА Ф.181. № 671/1183 отсутствует фрагмент с нужным контекстом (л. 415).

Замена некоторых лексем в соответствии с польским оригиналом

К этой группе относятся исправления в виде глосс на полях с конкурирующими вариантами перевода некоторых лексем. В глоссах

³ В первом томе списка БАН П I Б. № 101 двойная пагинация.

представлены более точные соответствия польскому оригиналу, что позволяет предполагать, что к нему обращались при выполнении редактуры этого типа:

(2) РНБ Q.XVIII.4 (8, I, B): **тотъ прѣмѣръ прѣвавилъ стихотворецъ для ѹтѣшенія** [гlossa похвалы] **Августа кесаря** (л. 18 об.).

Ks. Met.: *To przysławie przydał Poeta dla uciechy Augusta Cesarza* (s. 16).

В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 представлено слитное чтение: (...) **для похвалы ѹтѣшения Августа кесаря** (л. 19).

(3) РНБ Q.XVIII.4 (20, II, arg.): **Тогда Аглавра люто опечалилась, что сестрѣ ласковое** [гlossa счастливое] **супрѣжество случилось** (л. 131).

Ks. Met.: (...) *ona srodze się frasowała o to, że siostrze jej tak sławne małżeństwo potykało* (s. 96).

В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 фигурирует вариант, являющийся глоссой в РНБ Q.XVIII.4: (...) **что сестре счастливое супрѣжество случилось** (л. 230–231).

(4) РНБ Q.XVIII.4 (9, IV): (...) **тамъ Иژیонъ скорый, кругъ вертитъ** [гlossa колесо] (л. 210).

Ks. Met.: *Tu Iryonie rączy koło kręczy tobą i sam się gonisz* (s. 160).

Список РГАДА Ф.181. № 671/1183 представляет чтение **скорое колесо** (л. 382).

Вторичная редакторская правка без обращения к польскому оригиналу

В этом блоке собраны контексты, исправления в которых были направлены на дальнейшее усовершенствование текста уже не с точки зрения наилучшего соответствия оригиналу.

Первая группа примеров, как и в прошлом разделе, представляет глоссы на полях с вариантами замены некоторых лексем, однако они мотивированы не польским оригиналом, а скорее, требованиями контекста:

(5) РНБ Q.XVIII.4 (15, II, Ж): (...) **какъ в нѣкое время стоялъ у него на станцыи Геркулесъ, Хиронъ изъ того сайдака** [гlossa егв качана] **вынялъ стрѣлъ** (л. 121 об.).

Ks. Met.: *Bo gdy czasu jednego stał u niego gospodą Herkules, Chiron z sajdaka jego dobywszy strzał, (...)* (s. 89).

В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 представлено слитное чтение: (...) **Хиронъ исъ того ево качана вынялъ стрѣлъ** (л. 212).

(6) РНБ Q.XVIII.4 (9, III, arg): (...) **Протейъ обѣща^Атъ емѹ** [Бахусу — Е.М.] **прошеніе исполнить, но не тако исполнили, понеже инѹды каторгѹ** [гlossa корабель] **гнали** (л. 174 об.).

Ks. Met.: (...) *Ale gdy gdzie indziej Galerę popadzali* (s. 130).

В польском оригинале в основном тексте этого сказания применительно к кораблю употребляется лексема *okręt*, а в аргументе к сказанию и одном из толкований — лексема *galera*. Пираты, на корабль которых попал Бахус, один раз в аргументе фигурируют как *galerniki*, а в остальных случаях в аргументе и основном тексте как *zeglarze*. В списке РНБ Q.XVIII.4 *okręt* и *zeglarze* переведены как **корабль** и **корабельники**, а *galera* и *galerniki* как **каторга** и **каторжники**. В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 **каторга** заменена на **корабль** только в контексте, напротив которого в списке РНБ Q.XVIII.4 находится глосса (л. 312), а в остальных случаях текст совпадает с РНБ Q.XVIII.4.

(7) РНБ Q.XVIII.4 (4, IV, арг.): і тѣмъ образѣ^М отомстилъ ізмѣну ихъ [глосса *зломыслию*] (л. 193 об.).

Ks. Met.: *i tym sposobem zemścił się zdradziectwa ich* (s. 145).

Список РГАДА Ф.181. № 671/1183 представляет оба варианта подряд в одной строке: и тѣмъ образѣ^М отѣсти^А зломыслию измѣну ихъ (л. 344).

(8) РНБ Q.XVIII.4 (13, IV): їди прочь тотъ часть ѿ сея страны, дабы мнѣ ты не сотворилъ к тому причіны, что [глосса *понеже*] тѣ о них же лжеши, дѣла есть ложные (л. 224).

Ks. Met.: *Podz że mi przecz zaraz z tej krainy\ abyś i mnie zaś nie dał do tego przyczyny: że te\ o których kłamasz\ sprawy są fałszywe* (s. 171).

В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 контекст отсутствует (л. 411).

Следующая группа насчитывает 19 контекстов с исправлениями, связанными с редактированием синтаксических конструкций и устранением нелогичных чтений. Некоторые примеры:

(9) РНБ Q.XVIII.4 (9, III): Держатъ весла травы вязкие, ѿмотаные, а парусы разрывалися. Самъ [той богъ вписано на полях] свое чело окрѣживъ ягодами (...) потрясывалъ протазаномъ (л. 176 об.).

Вставка чтения **той богъ**, относящегося к Бахусу, не поддерживается польским оригиналом и ранней редакцией перевода:

Ks. Met.: *Namują wiosła bluszcze\ i mocno ujęte zatrzymują przez swe pototania kręte\ i rozrywają żagle ziężkami gronami. Sam swoje obtoczywszy czoło jagodami (...) trzęsie oszczepem* (s. 132).

БАН П I Б. № 101: Держатъ весла травы вякие, ѿмотаные, и рорываю^з парусы тѣжкими кистьми: самъ свое чело окрѣживъ (...) (л. 225 об. (227 об.)).

Список РГАДА Ф.181. № 671/1183 представляет слитное чтение: той богъ сам свое чело окрѣжи^А (...) (л. 315).

(10) РНБ Q.XVIII.4 (10, II): Разгневалася Юнона, увидѣвъ свою досадницу среди звѣздъ сияющу. Ступилась [Юнона] тотъ

часть в море (...) (л. 107 об). Имя богини в квадратных скобках во втором предложении — перенесённое из специального раздела толкование:

Ks. Met.: *Rozgniewała się Juno \ skoro obaczęła \ że się już jej zdrajczyzna wsrzod gwiazd rozświecieła i zstąpiła do morza wnet. G: i zstąpiła: Juno* (s. 80).

Такие переносы небольших толкований характерны для обеих редакций перевода, однако в поздней редакции их больше, чем в ранней. В рассматриваемом примере перенос толкования был унаследован из текста ранней редакции:

БАН П I Б. № 101: **Разгнѣвалася Юнона, кой часть увидѣла что еѣ досадница среди звѣздъ возсияла. Ступила Юнона тотчасъ в море** (...) (л. 165 об. (167 об.)).

Правка в поздней редакции перевода в этом контексте — выделение в списке РНБ Q.XVIII.4 перенесённого ранее толкования скобками. Возможно, таким образом маркировалось, что имя богини во втором предложении избыточно. В списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 контекст идентичен со списком РНБ Q.XVIII.4, но имя богини во втором предложении отсутствует (л. 190).

В 16 из 19 примеров правки этого типа список РГАДА Ф.181. № 671/1183 представляет чтения, идентичные тем, что получились в списке РНБ Q.XVIII.4 с учётом исправлений. В трёх случаях чтения в списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 не совпадают с исправленными чтениями из списка РНБ Q.XVIII.4: в контексте (6, III, А) чтение **убѣиень былъ**, взятое в РНБ Q.XVIII.4 в скобки (л. 156 об.), видимо, как излишнее, не устранено и в РГАДА Ф.181. № 671/1183 (л. 279), хотя тоже взято в скобки; в контексте (7, III) в списке РНБ Q.XVIII.4 есть глосса **Наркисса** (л. 160), а в РГАДА Ф.181. № 671/1183 нет ни глоссы, ни соответствующей вставки (л. 286); в контексте (9, IV) в списке РНБ Q.XVIII.4 чтению **повили братію свою двоюродныхъ** соответствует глосса, исправляющая согласование собирательного существительного с относящимся к нему прилагательным (л. 210), а в РГАДА Ф.181. № 671/1183 текст идентичен с вариантом из РНБ Q.XVIII.4 до исправления (л. 382).

Выводы

Анализ наблюдаемых в списке РНБ Q.XVIII.4 исправлений показал, что, скорее всего, в этой рукописи зафиксировано как минимум два слоя правки, осуществлявшейся, возможно, разными коллективами, состав которых ещё предстоит установить.

Сопоставление двух списков с текстом поздней редакции первого перевода *Метаморфоз* в аспекте их отношения к правке из списка РНБ Q.XVIII.4 продемонстрировало, что отношения между этими списками невозможно уложить в схему прямого наследования. С одной стороны, в списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 в большинстве случаев как будто бы учтена правка из РНБ Q.XVIII.4: не повторены ошибочные написания, большинство глосс попало в слитные чтения. В то же время в списке РГАДА Ф.181. № 671/1183 есть собственные ошибки, которые невозможно возвести непосредственно к рукописи РНБ Q.XVIII.4. Например, ошибка или гиперкоррекция в контексте, где в списке РНБ Q.XVIII.4 имя латинского автора написано четко:

(11) РГАДА Ф.181. № 671/1183 (9, III): **Тотъ** [остров Наксос — *Е.М.*] **былъ называнъ и Дионіи^а, яко пишетъ Г^анце (!) (...)** (л. 318).

Ks. Met.: *ten był rzeczony i Dionisias, jako Solinus pisze* (s. 131).

РНБ Q.XVIII.4: (...) **яко пишетъ Г^алинъ** (л. 177 об.).

Другой пример — отсутствие в РГАДА Ф.181. № 671/1183 окончания сказания и начала раздела толкований в главе 13 четвертой книги, унаследованное из протографа: уцелевшее окончание раздела толкований так и озаглавлено: **конецъ т^окования сей повести** (л. 415), что свидетельствует о том, что начало отсутствовало и в рукописи, с которой списывался текст.

Вероятно, списки поздней редакции перевода восходят к разным протографам, хотя и, безусловно, к одному архетипу.

Список литературы

1. Берков П.Н. Овидий в русской литературе XVII–XVIII вв. // Вестник Ленинградского университета. 1973. № 14, вып. 3. История, язык, литература. С. 88–92.
2. Мольков Г.А. Употребление частицы «было» в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10: Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (30 мая — 1 июня 2016 г.)». М., 2016. С. 454–464.
3. Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
4. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008.
5. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
6. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.

7. *Rothe H.* Religion und Kultur in den Regionen des russischen Reiches im 18. Jahrhundert — Erster Versuch einer Grundlegung. Opladen, 1984.

Ekaterina Matveenko

**THE LATE VERSION OF THE FIRST RUSSIAN
TRANSLATION OF OVID'S *METAMORPHOSES*:
CORRELATION BETWEEN ITS TWO COPIES**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines the so-called late recension of the first Russian translation of Ovid's *Metamorphoses* made in the early 18th century from Polish adaptation *Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian* (1638). An investigation into the correlation between the two existing copies of this recension is based on the analysis of the amendments from NRL manuscript Q.XVIII.4 in comparison with RGADA manuscript f.181. No 671/1183. The analysis of the editorial changes in the NRL manuscript Q.XVIII.4 has shown that it was made in three ways: there are corrections of copyist errors, lexical corrections in accordance with Polish origin and secondary syntactic and stylistic corrections shearing certain forms and syntactic constructions. In most cases RGADA manuscript f.181. No 671/1183 presents similar readings to those after corrections in NRL manuscript Q.XVIII.4, but there is also a number of readings in RGADA manuscript f.181. No 671/1183 not corresponding with NRL manuscript Q.XVIII.4. So these copies probably don't come after each other.

Key words: Ovid's *Metamorphoses*; translations from Polish in the time of Peter the Great.

About the author: *Ekaterina Matveenko* — PhD student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ea.matveenko@gmail.com).

References

1. Berkov P.N. Ovidii v russkoi literature XVII–XVIII vv. [Ovid in Russian Literature of the XVII–XVIII centuries]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 1973, vyp. 3, Istoriya, yazyk, literature, No 14, pp. 88–92. (In Russ.)
2. Mol'kov G.A. Upotreblenie chastitsy “bylo” v perevode “Metamorfoz” Ovidiya nachala XVIII v. [The Use of the Particle *bylo* in the Translation of Ovid's *Metamorphoses* at the Beginning of the 18th Century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. Vyp. 10. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii (30 maya — 1 iyunya 2016 g.)”*. 2016, pp. 454–464. (In Russ.)

3. Nikolaev S.I. Ob atributsii perevodnykh pamyatnikov Petrovskoi epokhi. [About Authorship Attribution of the Translated Written Records in the Time of Peter the Great]. *Russkaya literatura*. 1988, No 1, pp. 162–172. (In Russ.)
4. Nikolaev S.I. *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy*. [Polish-Russian Literary Relations of the 16–17th centuries. Bibliographic Materials]. St.-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ, 2008. 248 p. (In Russ.)
5. Pekarskii P.P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and literature in Russia under Peter the Great]. St. Petersburg: Publication of the Association “Public Benefit”. 1862. 578 p. (In Russ.)
6. Sobolevskii A.I. *Perevodnaya literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov. Bibliograficheskie materialy*. [Translated literature of Moscow Russia of the 14th – 17th centuries. Bibliographic materials]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1903. 460 p.
7. Rothe H. *Religion und Kultur in den Regionen des russischen Reiches im 18. Jahrhundert — Erster Versuch einer Grundlegung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. 137 p.

Е.М. Торбик

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСТРОЯ
АДРЕСАТА В СУБЖАНРЕ АМЕРИКАНСКОГО
ОЛИМПЕЙСКОГО ДИСКУРСА
«ПОРТРЕТНОЕ ИНТЕРВЬЮ-ОЧЕРК»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Астраханский государственный университет» (АГУ)

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Факт изменения принципов истинного олимпизма несомненен. В настоящей статье предпринимается попытка выяснить диапазон этих преобразований, в частности, насколько изменился образ атлета-олимпийца в представлении П. де Кубертена, возродившего Олимпийские игры, на материале аутентичных текстов субжанра олимпийского американского дискурса «портретное интервью-очерк», опубликованных на официальном сайте олимпийской сборной США до проведения зимних Олимпийских игр 2018 г. в Южной Корее. Стратегия формирования эмоционального настроения адресата, имеющая своей целью изменение эмоционального состояния адресата-читателя, способствует оказанию на него определенного психологического воздействия, в результате чего, как выяснилось в ходе исследования, создается образ спортсмена-олимпийца, рискующего, ставящего под угрозу свое здоровье, терпеливо преодолевающего препятствия к долгожданной победе. Этот образ, созданный посредством тактики обращения к чувствам адресата, позволяет настроить адресата на сопереживание олимпийцу, что эксплуатируется СМИ и социумом в различных целях. Анализ практического материала также позволил выявить языковые индикаторы тактики обращения к чувствам адресата, а именно пять семантических групп лексических единиц. Исследование в целом доказало, что современный спорт высших достижений утратил философию истинного олимпизма, что отражается на образе спортсмена-олимпийца. Ведь такие принципы, как радость от усилий, превосходство благородства соревнования над величию победы, совершенствование мастерства спортсмена в условиях благоприятствующих его физическому и психологическому здоровью и не позволяющих эксплуатации спортсмена обществом, нарушаются.

Ключевые слова: олимпийский дискурс; портретное интервью-очерк; стратегия формирования эмоционального настроения адресата.

Торбик Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Астраханского государственного университета (e-mail: elena_torbik@mail.ru).

История олимпийского движения насчитывает немало попыток возрождения Олимпийских игр: М. Пальмиери и И. Меркулиалис (XV в.), И. Аквилла (XVI в.), Р. Довер (XVII в.), Д. Уэст (XVIII в.), Э. Курциус (XIX в.) — сторонники физического воспитания, государственные деятели и ученые, теоретики и практики, каждый в свою эпоху внес свой вклад в основу того, что ныне именуется «спортом высших достижений». Однако именно Пьера де Кубертена считают «крестным отцом Олимпизма», благодаря которому был создан Международный олимпийский комитет, действующий и поныне. Всех их объединяет одно — упоение идеалами древних греков и принципами олимпизма [Комаров, 2008], пусть и утопическими в современном преломлении, претерпевшие значительные изменения за последнее столетие. Однако мы не спешим назвать эти трансформации эволюцией, семантически предполагающей устойчивое развитие механизмов гармоничного физического и этического становления личности, позволяющих ей отстраниться от конкуренции стран и народов, враждебности и стать воплощением фундаментальных общечеловеческих ценностей даже за пределами спорта.

Дух состязательности в истинном смысле этого слова, т.е. воспитывающий человека преодолевать самого себя, в первую очередь, а не противника, присущий истинному олимпизму, породил олимпийский идеал, позволял достичь калокагатии [Богданова, 2010]. Интересным представляется проследить в данном исследовании, насколько сохранились принципы истинного олимпизма и насколько изменился образ атлета-олимпийца в представлении П. де Кубертена, «не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще — того, кто оваян божественной милостью» [Гаспаров, 1980]. Для этого в настоящем исследовании рассмотрен субжанр олимпийского дискурса «портретное интервью-очерк», аутентичные тексты которого были опубликованы на официальном сайте олимпийской сборной США с 3 января 2018 г. вплоть до открытия зимних Олимпийских игр 9 февраля 2018 г. в Южной Корее [Team USA, www]. Материалом исследования послужило 28 портретных интервью-очерков спортсменов (различных видов спорта из состава Олимпийской сборной), в которых насчитывается 309 выявленных случаев употребления маркеров стратегии формирования эмоционального настроения адресата в контексте. Для данной работы было принципиальным изучение фактического материала официального характера, опубликованного на одной из медиаплощадок, которая максимизирует свою функцию представления интересов государства.

Современный олимпийский дискурс, являющийся подвигом спортивного дискурса и способствующий формированию и укреплению желаемого образа страны (в случае, если адресантом дискурса является резидент страны, о которой повествует) [Торбик, 2021], представляет собой репрезентацию сознания той или иной нации. В данном случае целесообразно уточнить, что олимпийский дискурс относится к гибриднему типу, поскольку характеризуется интеграцией с медиадискурсом, в связи с чем жанры, функционирующие в рамках обоих видов дискурса, также подвержены слиянию. Так, жанры «спортивная аналитическая статья», «спортивный репортаж», «репортаж-комментирование», «интервью», «чат-интервью» получили подробное освещение в работах лингвистов [Виноградский, Куницына, 2016; Гуськова, 2007; Шарафутдинова, 2010]. Конститутивные признаки субжанра «портретное интервью-очерк» рассматривались (но не в рамках олимпийского дискурса) в работе Ю.А. Гордеева (среди которых были выделены: диалогизация письменного фрагмента, вкрапленные объемных авторских ремарок) параллельно с особенностями других субжанров («очерк-рассказ», «очерк-репортаж»), присущих медиадискурсу [Гордеев, 2015].

Современный американский олимпийский дискурс, отражающий ценности нации, предлагается проанализировать в данной статье с точки зрения выявления средств вербализации (на уровне лексической семантики) стратегии формирования эмоционального настроения адресата, поскольку она способствует порождению представления о спортсмене-олимпийце, репрезентирующего США.

В настоящей работе под коммуникативной стратегией, вслед за О.Н. Паршиной, понимается «определенная направленность речевого поведения адресанта в интересах достижения цели коммуникации» [Паршина, 2005]. Целью стратегии формирования эмоционального настроения адресата является изменение эмоционального состояния адресата-читателя на уровне подсознания, что способствует оказанию на него воздействия [Торбик, 2016], необходимого (в случае субжанра «портретное интервью-очерк») средствам массовой информации. Действительно, в работах по психологии и психолингвистике утверждается принципиальная роль эмоции адресата в регуляции его поведения, в возможности оказания на него речевого воздействия, ведь именно эмоция (а также информация) руководит его мыслительной и физической активностью [Изард, 1999; Панасюк, 2007].

Для реализации коммуникативной стратегии адресант прибегает к коммуникативным тактикам, ведь суть коммуникативной тактики

заключается в вербализации намерений адресанта, способствующих достижению поставленной им коммуникативной цели и манифестирующихся тщательно спланированной последовательностью речевых действий адресанта, т.е. та или иная коммуникативная тактика эксплицируется в структуре некоего текста посредством типичных для этой тактики средств языка, именуемых маркерами. Именно несколько коммуникативных тактик, в основе которых лежат отдельные намерения адресанта, в совокупности ориентированных на достижение цели адресанта в рамках коммуникативной стратегии, обуславливают выбор: а) концептуально-тематического плана письменноречевого (в нашем случае) высказывания адресанта в целом и, как следствие, б) средств языка.

Исходя из представления К. Изарда о чувстве как определяющем факторе возникновения эмоции и последствий её проявления [Изард, 1999], мы считаем, что реализация стратегии формирования эмоционального настроения адресата осуществляется с помощью тактики обращения к чувствам адресата, основной интенцией которой является попытка настроить адресата на сопереживание. О.Н. Паршина помимо этой тактики (у этого автора «тактика обращения к эмоциям адресата») выделяет тактику единения и тактику учета ценностных ориентиров адресата в рамках исследуемой стратегии. На наш взгляд, вполне оправдано оперировать предложенной ею классификацией стратегий и тактик в рамках политического дискурса [Паршина, 2005], который, как никакой другой, перекликается с олимпийским.

Согласно Энциклопедическому словарю педагога «сопереживание — это удовлетворение за успехи других людей, без зависти и ревности. Сопереживание — восприятие боли, трудностей, потерь другого человека с соболезнованием, сочувствием, состраданием, желанием помочь, поддержать, и все из любви к нему» [Безрукова, 2000]. Если в первой части дефиниции просматривается истинный олимпийский дух, возвышающий человека над эмоциями, сдержанность, не позволяющая терять голову в случае победы и дающая надежду в случае поражения, то во второй части отражается реакция социума на тенденцию к «девальвации нравственных и других духовных ценностей в спорте» [Столяров, 1997]. Современный спорт высших достижений стал средством достижения финансового благополучия, политического превосходства одних наций над другими, в результате чего для спортивных соревнований характерно проявление жестокости, агрессии, неординарное поведение как спортсменов, так и тренеров, судей. Вполне логично, что общество воспринимает современного спортсмена как объект сопереживания. В связи с этим

языковыми индикаторами тактики обращения к чувствам адресата в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата, выявленными в ходе анализа фактического материала, являются прежде всего лексические единицы различных семантических групп.

1-я группа: с семантикой «трудность» — *difficulty, challenge, crisis, obstacle, hard, problem, teaser, trouble, hitch, hurdle, hardness.*

- (1) Getting to the top, and then staying there, takes *more than hard work* (Выделение здесь и далее наше. — *E. T.*)
- (2) Since Bennett was a seventh-grader, he has realized the process of becoming an Olympian is much more *difficult* than he thought, causing him at one point to consider quitting the sport. Yet, he stuck with it...

Данные примеры, как и следующие, манифестируют целенаправленное, настойчивое, терпеливое сверхусилие спортсмена в целях достижения высоких результатов.

- (3) Despite its *difficulty*, Nagasu said the triple axel is a jump she really enjoys practicing, and she's been doing so for about 10 years.
- (4) The notes and discussions can better help her prepare for the next run... because ... it can be *challenging* to remember exactly how something happened...

Действительно, в олимпийском движении именно через преодоление возможно спортивное достижение. Эта семантическая группа коррелирует с представлением о боевом духе спортсмена-олимпийца. В примерах (1)–(4) способность адресата к эмпатии используется, чтобы спроецировать на него чувства гордости, радости, переполняющие спортсмена в связи с тем, что олимпийский спорт — тяжелый труд и самоотдача, которые «окупаются».

2-я группа: с семантикой «неудача» — *failure, breakdown, flameout, to lose, misfortune, collapse, bad luck, defeat, to mess up, risk, defeated, to miss.*

Олимпийский спорт — систематическая, непрерывная тренировка, совершенствование своих навыков, поэтому нравственное и физическое превосходство спортсмена закономерно и не сопряжено с риском, ведь согласно словарной дефиниции «риск — это 1. возможность опасности, неудачи. 2. действие наудачу в надежде на счастливый исход» [Ефремова, 2000]. Однако следующие примеры преподносят современного спортсмена как сознательно идущего на риск, спортсмена, самоцелью которого является победа, что свидетельствует о снижении планки олимпийского идеала. Адресат вряд ли осознает это, читая интервью-очерк. Скорее, контекст, в котором встречается лексика подобной семантики, вызывает реакцию сопереживания и сочувствия со стороны адресата.

(5) It's worth *taking the risk* because the double axel is four points and the triple is eight, so even if it's under-rotated or cheated it becomes the same point value as the double.

(6) She had nothing to *lose*...

В проанализированном фактическом материале встречается и иной способ реализации тактики.

(7) “I *messed up* my first run, but I made it up as I went along and pulled it off, so I was like, ‘Alright, if I can do a run where I totally *screw up* and did a great run, *I can definitely do the run* I’ve been practicing for month and months,” she said.

Пример (7) показывает, что неудача в одном соревновании не остановила спортсменку, не сломила её дух, скорее, наоборот. Неудача позволила ей сделать вывод о необходимости практики и совершенствования своих навыков, что репрезентируется фразой “I’ve been practicing for month and months”. Это подкрепило настрой спортсменки на победу, придало ей уверенности, выраженной интенсификатором “definitely”.

3-я группа: с семантикой «заболевание» (более или менее конкретного — auto-immune disease, illness, setback (рецидив) или наименования различной степени абстракции — issue), «признак/проявление/симптом заболевания» — attack, pain, ache, weakness, swelling, instability, loss of consciousness, sleepiness, discomfort, «травма» — injury, concussion, fracture, «оперативное вмешательство» — surgery, operation, «причина травмы» — fall, accident, overtraining, hit.

Для исследуемого субжанра «портретное интервью-очерк» в рамках тактики обращения к чувствам адресата характерна ссылка на травматизм, сопутствующее заболевание, причем это не всегда обусловлено занятиями спортом, как в следующем примере:

(8) The same year Scimeca Knierim *was diagnosed with a rare internal issue* that required three abdominal surgeries, the last coming in November 2016.

Чем это можно объяснить? Адресатом интервью-очерка может являться спортивный болельщик и обыкновенный зритель / читатель, которых объединяет интерес к той или иной персоне спортсмена. Известно, что интерес к спорту сопряжен с эмоциональными переживаниями за судьбу спортсмена/команды, которые, в свою очередь, преобразуют жизнь поклонника, приближая его к миру спортсмена. Для эмоционального удовлетворения адресата автор интервью-очерка преподносит информацию, способствующую сопереживанию, а, значит, поддержке спортсмена, ведь в научных исследованиях доказано влияние реакций зрителей и/или болель-

щиков (как устноречевых, так и письменноречевых) на успешность выступления спортсмена [Панкратова, 2005; Белютин, 2020]. Получается, цикличность воздействия СМИ на результаты соревнования заключается в непосредственном влиянии СМИ на настроение аудитории, которое, в свою очередь, «подпитывает» спортсмена определенным образом.

Описание травматизма как результата тренировок / соревнований, изнашивающих организм спортсмена, обладает повышенной частотностью в исследуемом субжанре. Например,

- (9) Getting through an Olympic quad always has its share of challenges, whether it's *injuries or surgeries*, both of which Bowman has experienced, to keeping the passion going and remembering the love of the sport.
- (10) That's the dozen significant *surgeries* she's had during her long skeleton career.
- (11) Even through *setbacks, injuries and pain*, she's determined to get there.

Из примеров мы видим, что лексические единицы соответствующей семантической группы сопровождаются интенсификаторами “significant”, “even” с целью продемонстрировать «тернистый путь к звездам». Ведь легкая победа лишает смысла необходимость систематической тренировки и противоречит принципам и целям истинного олимпизма в целом.

4-я группа: преимущественно глаголы и производные от них с семантикой «преодоление / преодоление» (как процесс, так и результат) — to recover, to heal, to overcome, to fight, to struggle, to relieve, to get through, to cope, to solve, to manage.

3-я и 4-я группы тесно связаны в контексте субжанра «портретное интервью-очерк», поскольку автор пишет о том, что спортсмен преодолевает свои болезни и травмы ради участия в соревнованиях, но тогда подобная спортивная деятельность, подрывающая физическое здоровье спортсмена, не соответствует принципам олимпийского движения. Например,

- (12) Now, *despite a knee injury* that slowed Knierim's training and preparation during the grand prix season this fall, the duo are ensconced in *rigorous* 40-plus-hour weeks on and off the ice. Their on-ice workouts last about 45 minutes two to three times per day, with breaks in between followed by more warm-ups, and they have regular physical and massage *therapy* to help their *recovery*.

Хотя борьба с заболеванием, не являющимся или являющимся последствием занятий спортом, может ассоциироваться у аудитории с волевыми качествами личности спортсмена и интерпретироваться

как мужественное восстановление целостности и гармонии между телом и духом. Например,

- (13) I've given myself space to heal from grief and also *the auto-immune attack that I had* last year.
- (14) ... *the life-threatening illness she overcame* since the 2014 Sochi Games.
- (15) It was Holcomb who was by her side at a hospital in 2016, supporting and encouraging her when she was *fighting through an auto-immune disease* that could have been *fatal*...

Именно на такой эффект и рассчитана тактика обращения к чувствам адресата.

Необходимо отметить, что 4-я семантическая группа «преодоление / преодоление» в рамках изученных текстов крайне редко направлена на создание атмосферы состязательности.

5-я группа: лексические единицы с негативной коннотацией, номинирующие психоэмоциональное состояние спортсмена, а также факторы, порождающие это состояние — stress, pressure, nervous, fear, shame, embarrassment, anxiety, to push, tension, depression, influence, to force, disappointment, tumult.

Поскольку в рамках данного исследования рассматривались только тексты интервью-очерков, опубликованных приблизительно за неделю-две до проведения Олимпийских игр, авторы фокусировали внимание адресата на так называемой «предстартовой лихорадке» спортсмена, сопровождающейся чувством тревожности, волнения и страха, приобретающим непосредственно перед соревнованиями крайне острый характер. Кроме того, для данного субжанра характерно описание всего процесса тренировок к различным спортивным состязаниям как напряженного периода с сопутствующими глубокими эмоциональными переживаниями спортсмена, например,

- (16) The past few weeks have been full of *pressure on all the athletes trying to make the Olympic team*, Bowman said, but she knew that if she just had fun and did what she knows she can do.
- (17) It' a *high-intensity, stressful environment* and sometimes you may not be feeling that great and would love to take the day off, but you *have to push forward* and put your best attitude forward.
- (18) That means giving herself the time and space away from the *tumult and pressures that come with the Olympics*.

Как видно из примеров (а также в следующем), участие в Олимпийских играх накладывает на спортсмена бремя большой ответственности, именно «груз» негласных обязательств, ожиданий достойного представления своей страны, что вновь в корне противоречит целям и принципам истинного олимпизма.

- (19) Heading into nationals this week, Nagasu said she feels good and knows that despite the *nerves that come with any big competition*, much less one with Olympic implications, she's been working hard and is ready to go.

Радость от усилия, величие победы не важнее благородства соревнования — постулаты, лежащие в основе олимпийского движения, утратили свою силу в современном спорте и уступили место давлению, разочарованию и другим негативным психологическим моментам:

- (20) ... *disappointments* she's experienced in the Olympics...

Таким образом, анализ фактического материала показал, что современный спорт высоких достижений утратил философию истинного олимпизма, позволяющую сбалансировать необходимость постоянного совершенствования мастерства спортсмена и условий, способствующих его физическому и психологическому здоровью и не позволяющих эксплуатации спортсмена обществом. В соответствии с этим, рассмотрев средства вербализации тактики обращения к чувствам адресата, свойственной стратегии формирования эмоционального настроения адресата, в рамках субжанра олимпийского дискурса «портретное интервью-очерк», получившие выражение на лексико-семантическом уровне, мы приходим к выводу, что средства массовой информации в лице автора интервью-очерка зачастую «спекулируют» эмоциями и настроениями адресата-читателя, создавая образ спортсмена, рискующего, ставящего под угрозу свое здоровье, терпеливо преодолевающего препятствия, стоящие у него на пути к долгожданной победе, тем самым, воплощая объект сопереживания, активно используемый СМИ в различных целях.

Список литературы

1. *Безрукова В.С.* Основы духовной культуры: энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург, 2000. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/2095/Сопереживание (дата обращения: 12.01.2021).
2. *Белютин Р.В.* Немецкий спортивный дискурс: опыт прагмасемантического и лингвокогнитивного исследования: Дисс. ... докт. филол. наук. Смоленск, 2020.
3. *Богданова М.А.* Культурное содержание олимпизма: от античности к современности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 55–59.
4. *Виноградский В.С., Куницына Н.В.* Конвергентные жанры в современной периодике // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 3. С. 370–381.
5. *Гаспаров М.Л.* Поэзия Пиндара // Вакхилид: Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 361–384.

6. *Гордеев Ю.А.* Жанровые разновидности современного очерка в печатных и Интернет-изданиях // Вестник ВГУ: Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 117–120.
7. *Гуськова Ю.В.* Оценочные чат-интервью как особый речевой жанр // Коммуникативные и социокультурные проблемы романо-германского языкознания. Материалы межвуз. науч. конференции. Саратов, 2007. С. 208–211.
8. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/risk.html#.YAsBWKAmzIU> (дата обращения: 21.12.2020).
9. *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб., 1999.
10. *Комаров С.Н.* Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 4–6.
11. *Панасюк А.Ю.* Психология риторики: теория и практика убеждающего воздействия. Ростов-н/Д, 2007.
12. *Панкратова О.А.* Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
13. *Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.
14. *Столяров В.И.* Проблема гуманизации современного спорта и комплексная спартианская программа ее решения: российский опыт // Спорт, дух, ценности, культура. 1998. Вып. 3. С. 54–263.
15. *Торбик Е.М.* Персуазивные коммуникативные стратегии в деловом дискурсе (на материале англоязычных проектных заявок): Дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2016.
16. *Торбик Е.М.* Стратегия самопрезентации в рамках субжанра англоязычного олимпийского дискурса «портретное интервью-очерк» // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 85–88.
17. *Шарафутдинова С.В.* Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ (на материале спортивного дискурса): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Ижевск, 2010.
18. Team USA. URL: <https://www.teamusa.org/My-Focus-presented-by-milk-life/Athletes/Jamie-Greubel-Poser> (дата обращения: 30.07.2021).

Elena Torbik

SHAPING THE RECIPIENT'S EMOTIONAL STATE IN THE SUBGENRE OF THE AMERICAN OLYMPIC DISCOURSE "PORTRAIT INTERVIEW-SKETCH"

*Astrakhan State University
20a Tatischev Str., Astrakhan, Russia, 414056*

The fact of reconsidering the principles of true Olympism is undeniable. This article seeks to find the range of these transformations, specifically, how much

the image of the Olympian athlete in the perception of Pierre de Coubertin has changed. The investigation is based on authentic texts of the subgenre “portrait interview-sketch” within the American Olympic discourse, published on the official website of the US Olympic team before the start of the 2018 Winter Olympics in South Korea. Creation of the Olympian athlete’s image is conditioned by the use of the strategy of shaping emotional state of the recipient the major goal of which is to change the emotional state of the recipient reader. Research shows that this strategy produces a certain psychological effect on the recipient reader. The image of the risk-taking, endangering their health, patiently overcoming obstacles to the long-awaited victory Olympian athlete is created through the tactics of an appeal to the feelings of the recipient reader. The tactics are aimed at making the recipient empathize with the Olympian. The effect produced is exploited by the mass media and society for various purposes. The analysis of the texts of the portrait interview-sketches revealed the linguistic indicators of the tactics of an appeal to the feelings of the recipient reader, namely, five semantic groups of lexical units. The study has proved that modern Olympics have lost the philosophy of true Olympism which is reflected in the image of the Olympian athlete. Indeed, such principles as the joy of effort, the superiority of the nobility of competition over the greatness of victory, the improvement of the athlete’s skills in conditions that favor his physical and psychological health and do not allow the exploitation of the athlete by society, are violated.

Key words: Olympic discourse; portrait interview-sketch; strategy of shaping emotional state of the recipient reader.

About the author: *Elena Torbik* — PhD, Associate Professor, Department of English Philology, Faculty of Foreign Languages, Astrakhan State University (e-mail: elena_torbik@mail.ru).

References

1. Bezrukova V.S. 2000. *Osnovy dukhovnoi kul'tury: entsiklopedicheskii slovar' pedagoga* [Fundamentals of spiritual culture: an encyclopedic dictionary of a teacher]. Ekaterinburg. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/2095/Soperezhivanie (accessed: 12.01.2021).
2. Belyutin R.V. 2020. *Nemetskii sportivnyi diskurs: opyt pragmasemanticheskogo i lingvokognitivnogo issledovaniya* [German sports discourse: the experience of pragmatic and linguocognitive research]: diss. ... doktora filol. nauk. Smolensk. (In Russ.)
3. Bogdanova M.A. 2010. *Kul'turnoe sodержanie olimpizma: ot antichnosti k sovremennosti* [Cultural content of olympism: from antiquity to the present]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 336, pp. 55–59. (In Russ.)
4. Vinogradskii V.S., Kunitsyna N.V. 2016. *Konvergentnye zhanry v sovremennoi periodike* [Convergent genres in modern periodicals]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, vol. 5, no 3, pp. 370–381. (In Russ.)
5. Gasparov M. 1980. *Poeziya Pindara* [Pindar's Poetry]. *Vakkholid: Ody. Fragmenty*, pp. 361–384. (In Russ.)

6. Gordeev Yu.A. 2015. Zhanrovye raznovidnosti sovremennogo ocherka v pechatnykh i Internet-izdaniyakh [Genre variety of contemporary essays in print and online publications]. *Vestnik VGU: Filologiya. Zhurnalistika*, no 4, pp. 117–120. (In Russ.)
7. Gus'kova Yu.V. 2007. Otsenochnye chat-interv'yu kak osobyi rechevoi zhanr [Evaluative chat interview as a special speech genre]. *Kommunikativnye i sotsiokul'turnye problemy romano-germanskogo yazykoznaniya*. Materialy mezhevuz. nauch. konferentsii, Saratov, pp. 208–211. (In Russ.)
8. Efremova T.F. 2000. Novyi slovar' russkogo yazyka [New dictionary of the Russian language.]. Moscow. URL: <https://www.efremova.info/word/risk.html#.YAsBWKAmzIU> (accessed: 21.12.2020).
9. Izard K.E. 1999. *Psikhologiya ehmtsii* [The psychology of emotions]. Saint-Petersburg. (In Russ.)
10. Komarov S.N. 2008. P'er de Kuberten i vozrozhdenie Olimpiiskikh igr [Pierre de Coubertin and the revival of the Olympic Games]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, no 3, pp. 4–6. (In Russ.)
11. Panasyuk A.YU. 2007. *Psikhologiya ritoriki: teoriya i praktika ubezhdayushchego vozdeistviya* [Psychology of rhetoric: theory and practice of persuasive influence]. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
12. Pankratova O.A. 2005. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa* [Linguistic and semiotic features of the sports discourse]: Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Volgograd. (In Russ.)
13. Parshina O.N. 2005. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoi politicheskoi ehliny Rossii* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]: diss. ... d-ra filol. nauk. Saratov. (In Russ.)
14. Stolyarov V.I. 1998. Problema gumanizatsii sovremennogo sporta i kompleksnaya spartianskaya programma ee resheniya: rossiiskii opyt [The problem of humanization of modern sports and the complex Spartan solution program: the Russian experience]. *Sport, dukh. tsennosti, kul'tura*, no. 3, pp. 54–263. (In Russ.)
15. Torbik E.M. 2016. *Persuazivnye kommunikativnye strategii v delovom diskurse (na materiale angloyazychnykh proektnykh zayavok)* [Persuasive Communication Strategies in Business Discourse (exemplified in English-language project proposals)]: Diss. ... kand. filol. nauk. Astrakhan. (In Russ.)
16. Torbik E.M. 2021. Strategiya samoprezentatsii v ramkakh subzhanra angloyazychnogo olimpiiskogo diskursa «portretnoe interv'yu-ocherk» [The strategy of self-presentation within the subgenre of the English-language Olympic discourse “portrait interview-sketch”]. *Gumanitarnye issledovaniya*, no. 1 (77), pp. 85–88. (In Russ.)
17. Sharafutdinova S.V. 2010. *Formirovanie sotsial'noi otsenki v diskurse SMI (na materiale sportivnogo diskursa)* [Formation of social assessment in the media discourse (based on the material of sports discourse)]: Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Izhevsk. (In Russ.)
18. Team USA. URL: <https://www.teamusa.org/My-Focus-presented-by-milk-life/Athletes/Jamie-Greubel-Poser> (accessed: 30.07.2021).

Е.А. Ковригина

ОБЩЕРУССКИЙ ГЛАГОЛ *БОЛѢТЬ* В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ: СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье представлен анализ семантических и грамматических особенностей глагола *болѣть* в современных архангельских говорах. Для каждого его значения описаны модели управления, семантическая валентность, обязательная и факультативная, приведены минимальные структурные синтаксические схемы предложений. Функционирование общерусского глагола *болѣть* в системе диалекта имеет ряд отличий от литературного языка. Изученный материал показал, что в говорах этот глагол не имеет омонима и обладает вариантной словоизменительной парадигмой, набор грамматических форм которой не связан с характером субъекта и типом обозначаемого глаголом состояния. Субъектом, находящимся в состоянии физического нездоровья, может являться живое существо, больной орган или сама болезнь. «Носителем» душевного состояния — как живое существо, так и орган или часть тела: реальные — *сердце, сердечко, живот* или *брюхо*; воображаемые — *душа, душонка*. Значения глагола *болѣть* распределяются по трем семантическим областям, связанным с болезнью, чувством боли и моральным состоянием. Эти значения реализуются в особых условиях грамматической и семантической сочетаемости. Ситуация пребывания живого существа в состоянии болезни представлена сочетаниями типа *болѣть желтухой* и *болѣть в желтухе*. В первом сочетании болезнь воспринимается как причина (Caus) плохого самочувствия, во втором — как бы становится местом нахождения (Loc) человека или животного. Ситуация, когда живое существо чувствует боль в каком-либо органе или части тела, может быть представлена следующими сочетаниями: *человек болеет (с) сердцем* и *сердце болит*. В первом случае больной орган — источник (Is) физической боли и страданий человека. Во втором сочетании больной орган — «носитель» (Sub) чувства боли. В сочетании типа *ревматизм болѣет, болезнь ходит, проходит мимо* болезнь персонифицирована.

Ключевые слова: архангельские говоры; северные говоры; общерусский глагол; глагол *болѣть*.

Ковригина Елена Андреевна — младший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: el.kovrigina7@yandex.ru).

Взгляд на «общераспространенные» слова как на «ненужный балласт» при отборе материала для диалектных словарей, высказанный Ф.П. Филиным в середине XX столетия, остался в прошлом [Филин, 1966: 9]. И.А. Оссовецкий отмечает, что «все слова говора хорошей сохранности будут обладать какими-либо отличиями от соответствующих слов литературного языка» [Оссовецкий, 1969: 9]. Л.Э. Калнынь в своих работах подчеркивает, что «диалект следует изучать как полноценный языковой идиом, исключив дифференциальный подход в анализе его структуры. Только при этом подходе можно получить представление об устройстве и функционировании диалекта, его реакции на контакты с другими диалектами, содержательно прогнозировать и понимать динамику диалекта» [Калнынь, 1997: 124]. Особенности семантики и функционирования общерусских слов в системе диалекта являются центральным объектом исследований в ряде работ, выполненных на материале архангельских говоров [Нефедова, 2010: 91–102].

В статье рассматриваются особенности функционирования глагола *болéть* в современных архангельских говорах. Объектом исследования являются семантика и сочетаемость этого глагола¹.

Глагол *болéть* является общерусским, обнаруживает индоевропейское происхождение и имеет параллели в других славянских языках: ст. — слав. *болѣти*, болг. *боля*, диал. *боли*, *болея*, сербохорв. *бóљети*, словен. *boleti*, словц. *boliet'*, в. — луж. *boleć*, н. — луж. *bóles'*, полаб. *büľě* [Фасмер, 1986: 191].

В СРЛЯ представлены два омонимичных глагола — *болеть*¹ и *болеть*² [МАС, 1981: 105], различающиеся характером обозначаемого ими состояния, а также типом субъекта, это состояние испытывающего. В Активном словаре русского языка эти различия двух омонимов раскрываются следующим образом:

*болеть*¹ имеет значение 'существо или растение А1 находится в состоянии болезни А2', т.е. субъектом является живой организм — носитель состояния болезни;

*болеть*² — 'существо А2 испытывает боль в части тела А1', субъектом выступает орган или часть тела — источник чувства боли [АСРЯ, 2014: 312–313].

Омонимичные глаголы отличаются также составом словоизменительной парадигмы:

(а) полная парадигма *болеть*¹ / ущербная парадигма *болеть*² (отсутствие форм 1 и 2 л.);

(б) формы 3 л.: *болеет* и *болеют* (*болеть*¹) / *болит* и *болят* (*болеть*²).

¹ Материал для исследования извлечен из картотеки «Архангельского областного словаря» и его 1–21 вып. [АОС]. В примерах используется упрощенная транскрипция, принятая для АОС; ударение отмечено у анализируемого глагола и собственно диалектных слов [АОС, 1980: 50–52], [АОС, 2016: 5–6].

Соотнесенность формальных и семантических отличий, характерная для омонимичных глаголов в системе СРЛЯ, в архангельских говорах не представлена. Вне зависимости от характера субъекта и типа обозначаемого состояния глагол *болеть* имеет формы *болю*²; *болею*; *болеет*; *болит*; *болеют*; *болят*.

Субъект состояния — живой организм:

Я-то болею, не могу дрыгнуть никуда. Когда болю, когда ничево. Она всё по больницам болéйт. Людья ведь болит. Жолтухой люди болéют. То болят лежат.

Субъект состояния — часть тела:

Голова болит — в голове тифкат, мигрень. Голова у меня така плоха, болéйт фсё. Годы не малы, дак ноги и болят. Уйей тожэ ноги болéют.

В картотеке «Архангельского областного словаря» (АОС) зафиксировано более тридцати контекстов, подтверждающих функционирование глагола *болеть*, не зависящее от связи набора грамматических форм с характером субъекта и типом обозначаемого глаголом состояния, что свидетельствует о возможности его рассмотрения в диалектной макросистеме вне отношений омонимии, а именно как глагола с вариантной словоизменительной парадигмой.

Глагол *болеть* многозначный. Все его значения можно разделить на три блока: I — связанные с состоянием болезни; II — связанные с ощущением боли; III — связанные с моральным состоянием. Предлагается следующая схема описания глагольных значений каждого семантического блока. Толкование значения дается в традиционной словарной форме. Семантическая валентность анализируемого глагола, обязательная и факультативная (она подается *курсивом*), а также минимальные структурные синтаксические схемы предложений определяются в виде формальной записи символов (за основу взята работа [Апресян, 1974]). При семантической валентности приводятся модели управления с указанием лексических ограничений на заполнение соответствующей валентности. Описание сопровождается комментариями к каждому значению.

I. Значения, связанные с состоянием болезни

(I.1.) 'Пребывать, находиться в состоянии болезни'

(а) [Sub (N1 / Pron1)] — P (Vf) — *Period*

Вéрушка, ты севодня посиди, я севодня болю. Болеть не болю, а уш помирать хоцю. Корова тожэ болéйт, или жвэчка потеряйеца, и йиш не будет. Офцы у нас болят, пропадают. А эдак запобáливал, только одну неделю болёл. У ней застáрено — три года болёт.

² Форма *болю* — потенциальная форма I л. ед. ч. *болеть*², отсутствие которой в литературном языке обусловлено предметно-логическими отношениями — невозможностью сочетания с именем, обозначающим живое существо.

Это прямое производное значение глагола *болѣть*. Субъектом состояния, то есть носителем болезни, является живое существо, которое находится в состоянии болезни какой-то период времени.

(b) [Sub (N1 / Pron1)] — P (Vf) — Caus (N5 — название болезни)

Петя двѣгом ('болезнь брюшных органов, связанная с каким-н. дефектом') *болѣл*. *В комнатной температуры выкупала йево — он стал болѣть бронхитом. Он тожѣ давленѣйом болѣюот. Жѣлтуниціз болѣл там в армии. Как после встанет, дак опять вѣлиця, она грипом болѣла.*

Субъект находится в состоянии определенной болезни.

Семантическая роль творительного падежа в подобных предложениях с конструкцией *болѣть* + название болезни — причина (Caus). Как отмечает К.И. Ходова, «одним из средств выражения причинных отношений в славянских языках издавна является существительное в творительном падеже, обозначающее предмет, который обусловил состояние или действие, названное глаголом» [Ходова, 1958: 159]. «Творительный причины указывает на посторонний по отношению к субъекту предмет, который вызывает у субъекта состояние, выражаемое сказуемым» [там же: 160].

(c) [Sub (Pron1)] — P (Vf) — Caus (от N2)

А я от ней болѣла (заколдовали). *А если по сторонѣ пойдѣт* (будет изменять) *муж, то от нервоф болѣть будет, нервы береги.*

Субъект находится в состоянии болезни по какой-л. причине, вследствие чего-то.

(d) [Sub (N1 / Pron1)] — P (Vf) — Loc (в N6 — название болезни)

А я в этом грипу болѣла до Паски йешичо. Уней робята всё в жолтѣхе болѣют. Болѣла в коре. Я в дизентѣрии болѣла, и в коре болѣла, корь зайела, и в свинке болѣла, какая-то свинка болезнь была.

В таких высказываниях болезнь предстает как место пребывания больного. Устойчивость подобных конструкций подтверждается сочетаемостью синонимичных глаголов с именем, обозначающим болезнь, в форме предложного падежа с предлогом *в*, например:

лежѣть: *Умерли два парня, в оспе лежѣли. Я дажѣ лежѣла в этой лихоратке. Я лежѣла в коклѣшѣ;*

залежѣть: *В корѣхе ли в оспе залежѣл. В жолтѣхе залежѣла.*

(I.2.) 'Страдать болезнью какого-н. органа или части тела'

(a) [Sub (N1 / Pron1)] — P (Vf) — Is (N5 — название органа / части тела) — *Period*

А я вот, девушки, болѣю жолчным пузырьѣм, камушки, наверно. Я почками болѣла. Я ведь тожѣ болѣю мочевым-то пузырьѣм, меня крепко прихвѣтыват. Фсѣ худо-то, ногами-то болѣт. Он и сказал: она болѣт серцем. Опять пожывѣ, серцѣм болѣл два года.

Человек находится в состоянии болезни какой-то период времени вследствие ощущения боли в организме. Это значение реализуется в сочетании глагола с именем, обозначающим орган или часть

тела, в форме беспредложного Тв. п. или с предлогом *с* (об этом см. ниже). Семантической ролью творительного падежа можно считать источник (Is), так как в таких примерах больной орган предстает источником страданий человека.

Данное значение основано на переосмыслении ситуации чувства боли в органе или части тела человека, смежной с ситуацией болезненного состояния человека: *я чувствую боль в сердце = сердце болит*, следовательно, *я нахожусь в состоянии болезни сердца*, значит, *я болею сердцем*. При таком переносе в центре ситуации, обозначаемой глаголом, оказывается субъект состояния, имеющий больной орган, а не источник этого состояния. Это пример речевой метонимии.

Для литературного языка сочетание *болеть* с названием органа или части тела в Тв. п. не является нормативным. В [АСРЯ, 2014: 312] есть указание на подобное управление глагола *болеть*¹, оно сопровождается пометой *уходящ., обиходн.* Для говорков же это стандартная модель управления, которую имеют и другие лексические единицы, синонимичные рассматриваемому глаголу:

немогчй: Немогу́-то я головой, беда, потеряйеца толк (разум). *Так тожо глазами немóжот, стало сетку натягáть;*

скомнúть: Он ногами-то скомнё. Скомнúла только головой;

позорúться: А дядя Пётр всё ногами позорúца, он не ходит;

страдáть: Всё он ногой страдáл.

(b) [Sub (N1 / Pron1)] — P (Vf) — Is (с N5 — часть тела) — *Period*

Жэньщица болéла с ногой. Жэна хорошая была, с ногами болéла. Он крепко болéл, с головой болéл. Я всю зиму болéла с рукой — пáла да руку сломала. С ноября месяца с рукой болó.

II. Значения, связанные с ощущением боли

(II.1.) 'Испытывать ощущение боли в каком-н. органе или части тела'

(a) Sub (N1) — P (Vf) — *Period*:

Тыфкать — болúт зуб, тыфкат. У меня с такой погоды, нога верéжэная так болéла, дак ой. Горячево-то не надо йесь, у ково жэзлудок болéют. У меня вот ноги болéют в коленках. У тебя зубы-те худы, фсё болéют. Неделю голова болéла, дак из квартиры не выхожу. Но спина-то у меня зáвсе болéла.

Это значение — результат метонимического переосмысления прямого глагольного значения 'пребывать, находится в состоянии болезни'. Болезненное состояние живого существа неразрывно связано с чувством боли, которое является симптомом его болезни. В таких примерах отмечается несовпадение логического и грамматического субъектов (в отличие от (I.2.)). Логический субъект — существо, испытывающее боль, грамматический — больной орган или часть тела — «источник» чувства боли живого организма.

(b) Sub (N1 — название болезни какого-н. органа) — P (Vf):

А потом этот ревматизм ('болезнь опорно-двигательного аппарата') болéет да болéет, переходит в остеохондроз. Редиккулит ('болезнь спины') болíт, так это поясница. И понос ('болезнь живота') когда болíт, от жэлутка (помогает трава). У меня голос ('болезнь голосовых связок') болíт, не тянеца.

В данных примерах субъектом состояния является болезнь какого-н. органа. Это значение слов-номинаций болезней — результат речевой метонимии: *болит орган, который страдает болезнью → болит болезнь этого органа.*

III. Значения, связанные с моральным состоянием

Представление душевного состояния тревоги, беспокойства и переживания через физическое оказывается возможным вследствие метафорического переосмысления значений 'пребывать, находится в состоянии болезни' и 'испытывать ощущение боли в каком-н. органе или части тела', а именно переноса из сферы физических ощущений в область душевных переживаний: *болезнь и чувство боли → чувство тревоги и переживания.* Субъектом, испытывающим тревожные чувства, может выступать как живое существо, так и орган или часть тела человека.

(III.1.) Чувство беспокойства и переживания может быть сосредоточено непосредственно в живом существе:

(a) [Sub (N1 / Pron1)] — P (Vf) — Obj (за N4 / Pron4):

Я за Россию болéю, жалко Россию. Я за вас-то болéю, как они там. Она ведь тоже болéт за вас. А мы до чего ухажывали, болéли за корову-то. Сёманный учяток был для семян посеян, жали серпом, косилкой-то урону много, болéли за хлеб как.

«Инструментом» чувства может быть реальный орган — *сердце* — или воображаемый — *душа*:

(b) [Sub (Pron1)] — P (Vf) — Instr (N5 — *сердце*):

Он уш серцэм болéет, всё на себе. Скомнúть — скорбить, грустить, болéть серцэм.

(c) Sub (Pron1) — P (Vf) — Instr (N5 — *душа*) — Obj (за N4 / Pron4):

Он болéет душой за все эти дела политическийе. Так она душой болéла за свою дочь.

(III.2.) «Носителем» душевного состояния может выступать также реальный или воображаемый орган тела человека, испытывающего чувство тревоги и беспокойства. В таких примерах субъект выражен именами *душа, душонка, сердце, сердечко, живот, брюхо*:

(a) Sub (N1 — *душа, душонка*) — P (Vf) — Obj (о (об) N6 / Pron6):

Душа болíт, просто болíт душа, дочего мы дожыли, ой! Ну, Граф, тебе сичяс, берегись-ка, только у меня душа и болíт о тебе, не

вынуждай-ко! Как ведь они уехали, так у меня об Юле душа болела, так и вышло. Как вылежусь, душа об огороде-то болит.

(b) Sub (N1 — *сердце, сердечко*) — P (Vf) — Obj (o (об) N6 / Pron6):
Серьжэ болэет — чюет перемену. А у меня, у беспутной, у старухи, об каждом болит серьжэ, никто с ума не сходит. Вот об этих сердце болит, а ихх петеро. Спомни милый, как гуляли, спомни, как ты уверял, мойо сердечко не болело, когда ты со мной гулял (фольк).

(c) Sub (N1 — *живот, брюхо*) — P (Vf) — Obj (o (об) Pron6):
А у меня што — живот болит об них! Твой ребёнок, у меня брюхо не болит. Я не хожу, а тебе-то што? У тебя-то што, брюхо болит? А нынь уш — нынь ни у ково брюхо не болит! Дак тебе всё забота — брюхо об них болит.

В архангельских говорах функционируют многозначные дериваты глагола *болеть* — существительные *болесть (болэсть)* и *болэзнь* — в значении 'непреодолимое желание, стремление к чему-л': *Это болэсь по ягоды ходить. Так это ужэ болэсь, заболела этим (увлеклась). Цветочки — это уш болэзньи мои, страсть моя.* Однако примеры на *болеть* в значении 'увлекаться' в картотеке АОС не представлены, что свидетельствует, возможно, о меньшей его употребительности в данном значении.

Выводы

1. В архангельских говорах глагол *болеть* обладает вариантной словоизменительной парадигмой, набор грамматических форм которой не связан с семантикой субъекта состояния. Субъектом, находящимся в состоянии физического нездоровья, может являться живое существо, больной орган или сама болезнь. «Носителем» душевного состояния является как живое существо, так и орган или часть тела: реальные — *сердце, сердечко, живот* или *брюхо*; воображаемые — *душа, душонка*.

2. Исследование показало, что каждое значение глагола *болеть* реализуется в особых условиях грамматической и семантической сочетаемости. Сочетаниями типа *болеть желтухой* обозначается ситуация состояния болезни живого существа, где болезнь — причина плохого самочувствия человека или животного. Ситуация, когда живое существо ощущает боль в каком-либо органе или части тела, может быть представлена разными типами сочетаний: *человек болеет (с) сердцем* и *сердце болит*. В первом случае больной орган представляется источником чувства боли и страданий человека. Во втором сочетании больной орган — «носитель» чувства боли.

3. Особенности народных представлений о болезни отражены в сочетаниях типа *болеть в желтухе*. В наивной языковой картине мира болезнь — это некоторое «вместилище», в котором оказывается

человек. В сочетании типа *ревматизм бо́лет* болезнь персонифицирована. В традиционной языковой картине мира болезнь подобна живому существу, что отражено и в сочетаемости отглагольного существительного *болезнь* с вторичными предикатами, например, в сочетании с глаголами движения: *Вот бо́лесь — не ка́ждой бо́лет, так шо вот бо́лет, а по́ людям ходит. Веть уш — бо́лесь подо́спела, што сделали, бо́лесь нико́во не про́ходит мимо.*

Список литературы

1. АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–21. М., 1980–2020.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
3. Архангельский областной словарь. Вып. 1. М., 1980.
4. Архангельский областной словарь. Вып. 17. М., 2016.
5. АСРЯ — Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. 1: А–В. М., 2014.
6. *Калынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. Вып. 3. М., 1997. С. 115–124.
7. МАС—Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. М., 1981.
8. *Нефедова Е.А.* Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина, Л. СПб., 2010. С. 91–101.
9. *Оссовецкий И.А.* Словарь современного русского народного говора / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986.
11. *Филин Ф.П.* Некоторые проблемы диалектной лексикографии // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т. XXV. Вып. 1. М., 1966.
12. *Ходова К.И.* Творительный причины // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958. С. 159–180.

Elena Kovrigina

THE VERB *BOLET'* IN ARKHANGELSK DIALECTS: SEMANTICS AND COMBINABILITY

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the peculiarities of the verb *bolet'* in modern Arkhangelsk dialects and analyzes its semantic and grammatical features. It describes every meaning of the verb and shows its collocability patterns, semantic valency, and

minimum structural syntactic schemes of sentences. The analysis has revealed several characteristics of the verb, specifically, in dialects it has no homonym; its inflectional paradigm variable; its grammatical forms are not associated with the type of the subject and the kind of state to be denoted. The subject, referred to as the one in a state of a physical illness, can be a living being, a diseased organ, or the disease itself. The ‘referent’ of the state of mind can be a living being, an organ or part of the body, which are either real or imaginary. The meanings of the verb can be classified in three semantic fields: being ill, feeling pain, and having a particular state of mind. All the meanings are manifested in certain collocations and colligations. The state of an illness in a living creature is represented by such phrases as *bolet’ zheltuhoj* and *bolet’ v zheltuhe*. The former word combination states the disease as the cause of poor health, while in the latter the disease is perceived as the location of a person or an animal. The idea that a living creature feels pain in some organ or part of the body can be expressed in the following ways: *boleet (s) serdcem* and *serdce bolit*. In the first collocation the diseased organ is viewed as the source of the physical pain and sufferings; in the second one the diseased organ is the ‘mediator’ of the pain. In such combinations the disease is personified.

Key words: Arkhangelsk dialects; northern dialects; the verb *bolet’*.

About the author: *Elena Kovrigina* — Junior Research Fellow, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: el.kovrigina7@yandex.ru).

References

1. AOS — Arkhangel’skiy oblastnoy slovar’. [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Ed. O.G. Getsova, E.A. Nefedova. Vol. 1–21. M., 1980–2020. (In Russ.)
2. *Apresjan Ju.D.* Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka. [Lexical semantics: synonymous means of language]. M., 1974. (In Russ.)
3. Arkhangel’skiy oblastnoy slovar’. [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 1. M., 1980. (In Russ.)
4. Arkhangel’skiy oblastnoy slovar’. [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 17. M., 2016. (In Russ.)
5. ASRJa — Aktivnyj slovar’ russkogo jazyka. [Active dictionary of the Russian language: In 2 v.]. Ed. by Ju.D. Apresjan. T. 1: A–B. M., 2014. (In Russ.)
6. *Kalnyn’ L. Je.* Russkie dialekty v sovremennoj jazykovej situacii. [Russian dialects in modern language situation and their dynamics]. *Voprosy jazykoznanija*. Vol. 3. M., 1997, pp. 115–124. (In Russ.)
7. MAS — Slovar’ russkogo jazyka. [Dictionary of the Russian language]. Ed. A.P. Yevgen’eva. Vol. 1. M., 1981. (In Russ.)
8. *Nefedova E.A.* Obshherusskoe slovo v dialektnom slovare. [The all-Russian word in the dialect dictionary]. *Mezhkafedral’nyj slovarnyj kabinet im. B.A. Larina*. L. SPb., 2010, pp. 91–101. (In Russ.)
9. *Ossoveckij I.A.* Slovar’ sovremennogo russkogo narodnogo govora [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. I.A. Ossoveckij. M., 1969. (In Russ.)

10. *Vasmer M.* Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. [Russian Etymological Dictionary]. Vol. 1. M., 1986. (In Russ.)
11. *Filin F.P.* Nekotorye problemy dialektnoj leksikografii. [Some problems of dialect lexicography]. *Izvestija AN SSSR, serija literatury i jazyka*. T. XXV. Vol. 1. M., 1966. (In Russ.)
12. *Hodova K.I.* Tvoritel'nyj prichiny. [The instrumental reasons]. *Tvoritel'nyj padezh v slavjanskijh jazykah*. M., 1958, pp. 159–180. (In Russ.)

Я.Л. Забудская

**ЭРИНИЯ КАК ОБРАЗ ТРАГЕДИИ
(семантика и визуализация)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Совместный университет МГУ-ППИ

*517182, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн,
ул. Гоцидасюэюань, 1*

В статье рассматривается развитие образа Эриний, традиционно воспринимаемых как богини кровной мести, в греческой культуре: от гомеровских поэм через трагедию и вазопись к позднеантичным интерпретациям. Мифологические функции Эриний формируются постепенно, и самые ранние их упоминания никак не связаны с возмездием: они, скорее, ответственны за исполнение судьбы-мойры, а также за исполнение клятвы. Несмотря на то что текстом, определяющим восприятие Эриний в трагическом жанре, выступает «Орестея», в сохранившихся трагедиях мы чаще встречаем упоминание Эриний в контексте судьбы Эдипа и его детей, чем в сюжетах о судьбе рода Атридов. В текстах трагедий набор семантических оттенков *ἔρινυς* оказывается довольно широким: в нем воспроизводится и древняя функция судьбы и родительского проклятия, и идея возмездия, и новые оттенки значения — безумие и более общее значение несчастья.

Эриния в вазописи представляет собой практически универсальную трагическую фигуру, элемент визуальной «трагической формулы», с одной стороны, обеспечивающий обрамление и симметрию, с другой — указывающий на театральное происхождение вазописного сюжета. Отличие Эриний в трагедии и на вазах — в функциях, которые их образ выполняет, содержательной и декоративной: в трагедии Эриния означает возмездие или несчастье, на вазе Эриния означает трагическую перипетию. Именно такую Эринию видит Дион в «Сравнительных» жизнеописаниях Плутарха. Эриния — это знак не мести за преступления, а трагического перелома судьбы героя, перехода от счастья к несчастью, еще один способ «драма-

Забудская Яна Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: yanazabud@mail.ru).

тического» метода подачи исторического материала в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, пример внутрикультурной и межжанровой рецепции трагедии как части пайдеи поздней античности.

Ключевые слова: эриния; трагедия; вазопись; лейтмотив; функция; рецепция.

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» приводит яркий эпизод из биографии Диона: перед тем, как стать жертвой заговора, Дион увидел ужасное предзнаменование (φάσμα μέγα καὶ τερατῶδες): высокую женщину, одеждой и лицом похожую на трагическую Эринию (γυναῖκα μεγάλην, στολή μὲν καὶ προσώπῳ μηδὲν Ἐρινύος¹ τραγικῆς παραλλάττουσαν 55.1). Вскоре после этого погиб сын Диона, а затем пал от рук заговорщиков и сам Дион. Эпизод этот можно было бы счесть малозначительным, одним из «украшающих» повествование, как это свойственно манере Плутарха в целом, но вот только важность его подчеркнул сам Плутарх, упомянув в самом начале биографии как один из критериев сопоставления Диона с его «визави» Брутом: обоим божество предсказало смерть появлением зловещего призрака (τὸ δαιμόνιον ἀμφοτέροις ὑπεδήλωσε τὴν τελευταίην, ὁμοίως ἑκατέρῳ φάσματος εἰς ὄψιν οὐκ εὐμενοῦς παραγενομένου 2.1). Призрак, явившийся Бруту, у Плутарха не назван — это, дословно, «ужасное и необычайное зрелище страшного и неестественного тела», (δεινὴν καὶ ἀλλόκοτον ὄψιν ἐκφύλου σώματος καὶ φοβεροῦ 36.3), со словами «я твой, Брут, злой демон» (ὁ σὸς, ὦ Βροῦτε, δαίμων κακός, что по-русски в переводах и С. Маркиша, и В. Алексеева передано как «злой гений»); у Шекспира в схожем эпизоде он обретает облик Цезаря, что легко объяснимо. Но почему Диону явилась так напугавшая его Эриния? Самое известное трагическое воплощение Эринии — это «Орестея» Эсхила, где, как мы помним, Эринии карают за кровопролитие («Хозэфоры» 283, 402), точнее, за убийство кровных родственников («Эвмениды» 605). Дион в подобных преступлениях замечен не был, как и вообще в преступлениях — напротив, Плутарх рассказывает, что жители Сиракуз если и обвиняли в чем-то Диона, так это в излишней мягкости даже к свергнутому им тирану Дионисию. Тем не менее из всех возможных предзнаменований Диону является именно Эриния, причем трагическая, на что указывает ее одевание и маска (στολή μὲν καὶ προσώπῳ). Значение этого образа нам и хотелось бы уточнить.

¹ Как правило, Эриния пишется Ἐρινύς, и этот текст Плутарха — один из немногих, где имя богинь имеет двойную v.

Как происхождение Эриний (дочери Геи и Урана², дочери Ночи³, дочери Мрака-Скотоса⁴), так и их количество (у Гомера одна⁵ или несколько⁶) и имена (Εὐμενίδες, Σεμναί, Μανίαι, Ποιναί; Ἀληκτώ, Τισιφόνη, Μέγαιρα) различаются у разных авторов и в разных областях Греции. Их функции формируются постепенно, и самые ранние упоминания никак не связаны с возмездием: они, скорее, ответственны за исполнение судьбы-мойры, а также за исполнение клятвы, так как она предопределяет мойру [Доддс, 2000: 15–16]. На этом основании Эринии упоминаются в «Антигоне» (1075) Софокла — Тиресий обвиняет Креонта именно в нарушении мойры. При этом уже у Гомера они могут представлять собой персонифицированный материнский гнев («Илиада» XXI 412 и «Одиссея» ii 135 [Доддс, 2000: 30], но сюда же можно добавить и «Одиссея» xi 280). У Гесиода Эринии рождаются из крови оскопленного Урана («Теогония» 183–5), т.е. в момент первого предательства родителя его потомством. В некоторых областях Греции Эриния оказывается эпитетом Деметры (Аркадия и Фивы [Müller, 1833: 166, 169; Chantraine, 1970: 371]) в контексте наследственной вины [Gagné, 2008]. Таким образом, морально-религиозная функция Эриний формируется постепенно и является довольно широкой — связанной скорее с судьбой⁷, чем возмездием (хотя именно значение ‘возмездия’ — vengeance — оказывается основным, например, в словаре Шантрена).

Несмотря на то что текстом, определяющим восприятие Эриний в трагическом жанре, выступает безусловно «Орестея», в сохранившихся трагедиях мы чаще (18) встречаем упоминание Эринии в контексте судьбы Эдипа и его детей (Эсхил, «Семеро против Фив» — 8 контекстов: 71, 576, 702, 726, 792, 869, 886, 1056; Софокл «Антигона» 604, 1076, «Эдип в Колоне» 1303, 1436, Еврипид «Просительницы» 839, «Финикиянки» 257, 625, 1032, 1306, 1503), чем в сюжетах о судьбе рода Атридов (15: «Агамемнон» 73, 464, 646, 750, 994, 1119, 1192, 1580; «Хоэфоры» 293, 402, 577, «Эвмениды» 331 (= 344), 952; Софокл «Электра» 114, 277, 493, 1082; Еврипид «Ифигения в Тавриде» 81, 297, 282, 1439, 1458, «Орест» 239, 264, 582, 1392). Вне этих двух сюжетов Эсхил упоминает Эриний в «Прометее»; Софокл — в «Трахинянках»

² Гесиод «Теогония» 173–206.

³ Эсхил «Эвмениды» 321; Ликофрон «Александра» 432; Вергилий «Энеида» VI 250; Овидий «Метаморфозы» IV 453.

⁴ Софокл «Эдип в Колоне» 40, 106.

⁵ «Илиада» XIX 86–88, «Одиссея» xi 280; в текстах микенского времени Эриния тоже упоминается в единственном числе [Chadwick, 1976: 98].

⁶ «Илиада» IX 453–7, IX 565–72, XXI. 412–14.

⁷ А значит, с Мойрами — см., например, [Detienne, 1967: 579].

и «Аяксе», Еврипид — в «Медее», «Геракле» и «Троянках». При всей распространенности мотива (в пяти из 7 трагедиях Эсхила и Софокла, 8 из 17 — Еврипида), его семантическая наполненность оказывается различной.

В «Семерых» Эриния сначала упоминается наряду с Зевсом, Геей и прочими богами в ритуальной инвокации-призыве Этеокла (71), но затем упоминания становятся метафорическими: в 576, 702 Эринию можно понимать как «возмездие», в 868 — как «несчастье», в трех контекстах схожие выражения «Эриния (отцовская) довершит дело» (726 πατρὸς ... Ἐρινὺν / τελέσαι τὰς ... κατάρας, 791 τρέω / μὴ τελέσῃ καμψίπους Ἐρινύς; 887 Ἐρινὺς ἐπέκρανευ) указывают скорее на олицетворение все того же возмездия, а в 1056 (Pl.) снова появляется инвокация как своего рода рамка, замыкающая лейтмотив:

1055 ὃ μέγαλαυχοὶ καὶ φθερσιγενεῖς
Κῆρες Ἐρινύες, αἴτ' Οἰδιπόδα
γένος ὀλέσατε πρυμνόθεν οὔτως,
τί λάθω; τί δὲ δρῶ; τί δὲ μήσωμαι

В «Орестее» до того, как Эринии станут действующими персонажами в «Эвменидах», они упоминаются в «Агамемноне» 464 и «Хоэфорах» 402, 283 (показательно, что в последнем случае речь также идет об отцовском возмездии, которое настигнет Ореста, если он не исполнит свой долг). Диапазон метафорических значений при других упоминаниях Эринии в этой трилогии колеблется от схожего с «Семерыми» значения возмездия («Агамемнон» 73, 1580⁸, «Хоэфоры» 402, 577;) до более общего значения несчастья («Агамемнон» 646, 750, 994, 1119, 1192). Ту же метафорику, но усложненную иносказанием, можно увидеть, как считают некоторые исследователи, и там, где Эринии напрямую не называется: именно они подразумеваются под «собаками», κύνας («Агамемнон» 924 [Brown, 1983: 14]) и горящими факелами, распространяющими весть о гибели Трои («Агамемнон» 308–310, см. [Vacola, 2018: 182; Ferrari, 1997: 20–24]).

В «Трахинянках» Софокла (809–811) Эриния — богиня возмездия, которую Гилл призывает для отмщения Деянире (σε ποίνιμος Δίκη / τείσαιτ' Ἐρινύς τ': да покарает тебя мстительная Дика и Эриния: заметим, что Эринии Эсхила не считали нужным преследовать в сходной ситуации Клитемнестру); два других контекста (897, 1055) показывают общее метафорическое значение «несчастье». В «Антигоне» выражение «Эриния разума» (φρενῶν ἔρινύς 603), θεῶν τῶν νερτέρων ἀμῆ κόνης, λόγου τ' ἄνοια καὶ φρενῶν Ἐρινύς, оказалось

⁸ Выражение «в пеплосе Эриний» ὑφαντοῖς ἐν πέπλοις Ἐρινύων Вяч. Иванов переводит как «сотканный Эриниями», но его можно толковать и проще как «принадлежащий Эриниям» [Vacola, 2018: 168].

несколько загадочным уже для схолиастов (в схолиях объясняется: *она отважилась на это, побуждаемая Эриниями* (ὄτι οἰστροθεῖσα ὑπὸ τῶν ἐρινύων... τοῦτο τετόλμηκεν), а Жебб [Jebb, 2004 ad loc.] толкует его как метафору безумия (при дословном переводе мы получаем «неистовство мозгов»). В «Аяксе» (837, 843, 1034, 1391) упоминание Эринии означает «возмездие» безотносительно кровных взаимоотношений. В «Эдипе в Колоне» (1303, 1436) Эриния (по традиции, см. «Семеро против Фив») — метафора отцовского проклятия.

С инвокации к Эриниям-богиням мести начинается «Электра» (114, то же значение в 276), но в двух других контекстах (493, 1081–2) Эриния становится метафорой возмездия. Любопытно, что в данной трагедии «полномочия» Эринии неожиданно преобразуются: она карает за прелюбодеяние (114, 492–3) — это нововведение Софокла [Finglass, 2005: 133] очевидно продиктовано общей идеей его «Электры», где поступок Ореста и Электры оправдывается, а Эринии, согласно традиционной версии сюжета преследующие Ореста, оказываются на его стороне, и мщение превращается в справедливое возмездие [MacLeod, 2001: 179]. Во втором из фрагментов это подчеркивается тем, что эпитет Эринии ἤλεκτρα совпадает с именем героини⁹.

В трагедиях Еврипида представлены все оттенки значений: богини возмездия, хоть и невидимые, в «Ифигении в Тавриде» (81, 297, 302, 1439, 1458) и «Медее» (1389); метафора возмездия в «Герacle» (1081); метафора несчастья («Медее» (1262), «Просительницы» 839, «Троянки» 458, «Финикиянки» 1029, 1306, 1503, «Орест» 1391), метафора проклятия («Финикиянки» 257, 625), метафора безумия («Орест» 239, 264).

Таким образом, в текстах трагедий набор семантических оттенков ἐρινύς оказывается довольно широким: в нем воспроизводится и древняя функция судьбы и родительского проклятия, и идея возмездия (не зря все-таки по частотности упоминаний ἐρινύς более всего связана с двумя наиболее известными сюжетами о проклятых родах), и новые оттенки значения — безумие и несчастье.

Преобразование Эринии в трагический лейтмотив такого рода вполне объяснимо: Эриния — символ кровопролития, мести и судьбы, а кровопролитие и месть — это проявление дерзости и ошибки, которые, наряду с судьбой, являются важнейшими категориями трагедии [Гаспаров, 1997: 453]. В целом, конечно, образность и метафорика Эриний в трагедии соответствует принципам инвариантности древнегреческой мифологии: мы видим смысловые оттенки

⁹ Об имени Электры см.: [Гринцер, 2008].

значения ἔρινός, заложенные в архаической мифологии (исполнение клятвы (проклятия), возмездие) и добавление новых семантических оттенков, несчастья и безумия. Трактовка определяется спецификой сюжета: где Эдип — там родительское проклятие, где Орест — там безумие. Именно этим обобщающим значением можно объяснить появление Эринии как метафоры безумия в «Антигоне», впрочем, связь со значением «возмездия» придумать, конечно, можно, хоть и несколько осложненную — Эринию можно толковать как олицетворение угрызений совести. Таким образом, в лексике драматургов Эриния оказалась практически универсальным средством описания трагической ситуации.

Что же до визуальной конкретизации образа Эриний, то она, судя по всему, была проведена именно Эсхилом (изображение антропоморфных Эриний на вазах до 458 г. не обнаруживается [Taplin, 2007: 55]). В «Орестее» Эсхил превратил их из метафоры в действующих лиц. Сначала Эриний описывает Орест в конце «Хоэфор» (рабыни, похожие на Горгон, в темных одеждах и оплетенные змеями: 1048 δμῶαί γυναιῖες, αἶδε Γοργόνων δίκην /φαιοχίτωνες καὶ πελλεχτανημένοι/πυκνοῖς δράκουσιν). Затем и Пифия в начале «Эвменид» (48–56) дает похожее, но более подробное описание, сравнив их не только с Горгонами, но и Гарпиями, правда, бескрылыми (ἄλτεροί γε μὴν ἰδεῖν).

Именно такое изображение Эриний можно увидеть на кратере из Лувра, представляющем собой, как считается, иллюстрацию к «Эвменидам» (Кратер из Апулии, 380 г. Париж, Лувр. Ср 710). Кратер этот — южноиталийский по происхождению, однако близость к тексту Эсхила несомненна: мы видим не просто визуализацию мифа о преследовании Ореста Эриниями, а сцену из «Эвменид», точнее, совмещение двух сцен, очищение Аполлоном Ореста и Клитемнестру, пытающуюся разбудить Эриний (подобное совмещение двух эпизодов в одном вазописном изображении — явление довольно частое [Забудская, 2020: 109]. Эринии здесь соответствуют реалистичной части описания своего облика: они коротко стрижены (это можно связать с присутствующим в тексте выражением δμῶαί, рабыни-служанки¹⁰) и бескрылы (что соответствует словам Пифии). А вот фантастическая часть облика Эриний, их сходство с Горгонами и Гарпиями, в данном изображении не отражена.

¹⁰ Многие издатели предпочитают рукописной версии эмендацию Веста Σμοαί, «ужасные», однако «служанки», хоть и странны сами по себе, поддерживаются текстом трилогии, где Эринии и «служанки» соплагаются уже в «Агамемноне» [Bakola 2018: 173]. Косвенным подтверждением рукописного чтения можно считать и данное изображение на вазе.

Нужно отметить, что на большинстве ваз Эринии представлены иначе: со змеями в волосах и крыльями. Это — более традиционный вазописный облик Эриний, который можно увидеть на многочисленных изображениях, представленных, например, в LIMC. Большая часть таких вазовых изображений связана с сюжетом «Орестей» [Taplin, 2007: 55–57]. Однако именно такую Эринию мы можем увидеть и на вазах, сюжет которых не связан с трилогией Эсхила и, более того, не предполагает участия Эриний в действии, во всяком случае в известных нам драматических интерпретациях. Примером могут служить две вазы примерно одного времени и места создания (Лукания, рубеж V–IV в. до н.э.) и воспроизводящие финал «Медеи»: это так называемые кратер «Медея из Кливленда» и гидрия «Медея из Полигоро» [Taplin, 1997: 78]). На обеих вазах изображена Медея на запряженной драконами колеснице, Ясон, раб-педагог, оплакивающий детей, — и не входящая в список персонажей Эриния. Ее присутствие объясняют либо словами Ясона, грозящего Медее (1389 ἀλλά σ' Ἐρινὺς ὀλέσειε), либо италийским происхождением постановки, не соответствующей тексту Еврипида и предполагающей участие Эринии в действии.

Но если в Кливлендской Медее фигуры двух Эриний, обрамляющие изображение, могут быть объяснены двойным упоминанием их в тексте трагедии, в песне хора (1260) и в уже упомянутом призыве Ясона (1389), то для других сюжетов такое объяснение еще менее вероятно. Классическая трагическая Эриния — именно трагическая, не только со змеями и крыльями, но в театральных сапожках-котурнах и пестрой одежде, — появляется на вазе «Прометей Прикованный» («Прометей». Кратер из Апулии, ок. 340 г. Берлин, Античное собрание. 1969.9). Впрочем, в тексте Эсхила есть упоминание Эриний — они названы вместе с Мойрами стражами Судьбы-Ананки, более сильной, чем ум и хитрость Прометея («Прометей Прикованный» 516). Очевидно, однако, что одно упоминание не делает Эринию действующим лицом драмы. К тому же в некоторых случаях присутствие Эринии никак не подкрепляется текстом: на кратере из Апулии («Ипполит». Кратер из Апулии. 340–320-е годы. Лондон, Британский музей. F279), где представлена сцена гибели Ипполита, мы видим и Ипполита, и коней, и напугавшее их морское чудовище, и самого вестника, типичного раба-педагога из трагедии, протягивающего руку в жесте рассказчика, — а симметрично ему фигуру Эринии, не упоминаемой в драме Еврипида.

Можно считать, что все расхождения в сюжете объясняются новой постановкой или даже авторством другого драматурга. Возможно, в постановках эллинистического времени Эриния появлялась как

deus ex machina, обозначая перелом судьбы от несчастья к счастью — перипетию (по расположению на вазовых изображениях в верхней части рисунка можно предположить, что она располагалась на так называемом «теологейоне», верхней части скены).

С другой стороны, столь частое несовпадение известного нам текста и вазового изображения наводит скорее на мысль о том, что Эриния в вазописи представляет собой практически универсальную трагическую фигуру [Taplin, 2007: 40, 167], элемент визуальной «трагической формулы», с одной стороны, обеспечивающий обрамление и симметрию, с другой — указывающий на театральное происхождение сюжета. Ее «невидимость» и принадлежность к потустороннему миру художники подчеркивают по-разному, изображая Эринию то темнокожей (так называемой Black-fury painter), то полупрозрачной [Lissarague, 2006: 57, 70].

Итак, если в начале V в. Эриния — персонификация абстрактного даймона [Vasola, 2018: 163] судьбы и возмездия, то в IV в. она репрезентирует собой трагедию (в вазописи V в. эту функцию выполняли менады [Wellenbach, 2015: 87–88], но менады символизировали трагедию в жанровых сценках вне сценических событий и представляли трагедию как событие *par excellence*, в то время как Эриния предстает как символ трагичности сюжета).

Отличие Эриний в трагедии от Эриний на вазах — в функциях, которые их образ выполняет, содержательной и декоративной: в трагедии Эриния означает возмездие или несчастье, на вазе Эриния означает трагическую перипетию. Хотя такая Эриния одета в театральный костюм (пестрые одежды и котурны), это не обязательно означает, что она — действующее лицо трагедии, она — ее визуальный символ. Эта функция схожа со значением фигуры Эгисфа на кратере из Тарента [Campbell, 2000: 110; Taplin, 1993: fig. 9.1] или фигуры Лиссы-безумия на некоторых других вазах [Lissarague, 2006: 64, 67]. Судя по большому количеству такого рода изображений на южноиталийских эллинистических вазах, образ Эринии оказался для этой функции наиболее подходящим.

Именно такую Эринию и видит Дион, именно поэтому она — трагическая. Разница только в том, что Эринии на эллинистических вазах носят еще сапожки — котурны, а театральный костюм театра времен Империи предполагает уже обувь на высокой платформе — эмбаты (см. Лукиан, «Зевс трагический», 41: τὰ πρῶσλα τῶν θεῶν αὐτὰ καὶ τοὺς ἐμβάτας [Campbell, 2000: 18–19]) возможно, поэтому и подчеркивается рост явившейся Диону Эринии. И вместо традиционных факелов и змей эта Эриния держит метлу и подметает (σαίρουσαν δὲ καλλύντρῳ τινί, 55.1 — редкая лексика для греческих

текстов) — возможно, именно этот контраст образа и атрибутики, соединение возвышенного и бытового и оказывается особенно пугающим. Надо заметить, что, помимо этической функции, образ Эринии уже у Эсхила обретает и функцию эмоциональную — воплощение страха [Easterling, 2008: 221].

Итак, мы возвращаемся к Плутарху. Очевидно, что в эпоху Империи театр как зрелище сохранял свою популярность (на что указывает обилие фресок с театральными сюжетами в Помпеях и Геркулануме, а также терракотовых ламп и мозаик [Campbell, 2000: 268]), хотя мы и не имеем подробностей и деталей постановок. Известно, что в I в. до н.э. утратилась состязательность, а ко времени Плутарха прекратились и постановки новых драм, и сложившаяся еще в IV в. до н.э. практика репостановки старых трагедий стала основной. Предполагается, что ставилась «древняя трагедия» в сокращенном виде [Paradi, 2007: 5]. Обобщение огромного культурного опыта (и литературного, и религиозного, и философского), лежащее в основе Плутарховой манеры изложения, позволяет предположить продуманное и обоснованное использование литературных и театральных образов. Введение драматических элементов в повествование становится специфическим приемом. В некоторых биографиях драматический принцип организации нарратива проявляется эксплицитно — герои уподобляются героям трагедии («Деметрий», «Красс») или же трагический антураж создается благодаря обилию цитат («Лисандр», «Пирр»); в некоторых он скорее имплицитен, т.е. «драматическая» основа проступает благодаря аллюзиям на трагические эпизоды («Пелопид», «Фемистокл», «Демосфен») или воспроизведению структурных элементов («Тимолеонт», «Марций»). В биографии Диона Плутарх использует образ Эринии как универсальный образ трагедии и трагической судьбы. Эриния, внушившая ужас Диону, — это знак не мести за преступления, а трагического перелома судьбы героя, перехода от счастья к несчастью, еще один способ «драматического» метода подачи исторического материала в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, пример внутрикультурной и межжанровой рецепции трагедии как части пайдеи поздней античности.

Список литературы

1. *Гаспаров М.Л.* Сюжетосложение греческой трагедии // Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М., 1997. С. 449–482.
2. *Гринцер Н.П.* Девственность — участь Электры? Имя героини в структуре древнегреческой трагедии // Кентавр / Centaurus: Studia classica et mediaevalia. № 4. М., 2008. С. 9–27.

3. *Доддс Э.Р.* Греки и иррациональное. СПб., 2000.
4. *Забудская Я.Л.* Трагедия как источник сюжетов греческой вазописи // Вестник древней истории. Т. 80. 2020. № 1. С. 101–114.
5. *Bakola E.* Seeing the invisible: Interior spaces and uncanny Erinyes in Aeschylus' *Oresteia*. Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature // De Gruyter, 2018. P. 163–186.
6. *Brown A.L.* The Erinyes in the *Oresteia*: Real Life, the Supernatural and the Stage // The Journal of Hellenic Studies. 1983. 103. P. 13–34.
7. *Campbell C.L.* The Costuming of Tragedy in Classical Antiquity. A Dissertation submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia. Athens, 2000.
8. *Chadwick J.* The Mycenaean world. Cambridge, 1976.
9. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots. Tome ii, E–K. Paris, 1970.
10. *Deienne M.* Reviewed Work (s): Death, Fate and the Gods. The Development of a religious idea in Greek popular belief and in Homer (University of London Classical Studies. III) by B.C. Dietrich // Revue des Études Grecques, Janvier–Décembre 1967, Vol. 80, No. 379/383. P. 578–583.
11. *Easterling P.* Theatrical Furies: Thoughts on Eumenides // Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin. Oxford. 2008. P. 219–236.
12. *Ferrari G.* Metaphors and riddles in the Agamemnon. *Classical Philology*, 1997. 92. P. 1–45.
13. *Finglass P.* 'Erinyes or Hundred-Hander? Pindar, fr. 52i (a). 19–21 Snell-Maehler = B3.25–7 Rutherford (Paean 8a) ' // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2005. 154. P. 40–42.
14. *Gagné R.* The Sins of the Fathers: C.A. Lobeck and K.O. Müller // Kernos, 2008, 21. URL: <https://journals.openedition.org/kernos/1606> (дата обращения: 20.02.2021)
15. *Jebb R.C.* Sophocles: plays. Antigone // Bloomsbury Academic. 2004.
16. *Lissarrague F.* 'Comment peindre les Érinyes?' // Métis 4. 2006. P. 50–70.
17. *Macleod L.* Dolos and Dike in Sophokles' Elektra // Mnemosyne, Bibliotheca Classica Batava Supplementum. Leiden, 2001.
18. *Müller K.O.* *Aischylos Eumeniden*. Göttingen, 1833.
19. *Papadi D.* Tragedy and theatricality in Plutarch. Doctoral thesis, University of London. 2007.
20. *Taplin O.* Comic Angels: and Other Approaches to Greek Drama Through Vase-Painting. Oxford, 1993.
21. *Taplin O.* Pots & Plays. Interactions Between Tragedy and Greek Vase-Painting of the Fourth Century B.C. Los Angeles, 2007.
22. *Taplin O.* The pictorial record // P. Easterling (ed.). The Cambridge Companion to Greek Tragedy. Cambridge, 1997. P. 69–90.
23. *Wellenbach M.C.* The Iconography of Dionysiac Choroi: Dithyramb, Tragedy, and the Basel Krater // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2015. 55. P. 72–103.

Yana Zabudskaya

ERINYS AS AN IMAGE OF TRAGEDY: SEMANTICS AND VISUALIZATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District,
Shenzhen, Guangdong Province, PRC, 517182*

The paper addresses two issues: a kind of extended commentary on an episode of Dion's biography (55.1) from Plutarch's *Lives* and, more extensive one, a study of the representation of Erinys, traditionally perceived as the goddess of blood revenge, from Homeric poems through tragedy and vase painting to late antique interpretations. Despite the fact that the perception of Erinys in the tragic genre is undoubtedly defined by *Oresteia*, the surviving tragedies more often mention Erinys in the context of the fate of Oedipus and his children than in stories about Atreides house. In the texts of tragedies, the semantic difference of ἐρινύς appears quite wide: from the ancient function of fate and parental curse and the idea of retribution to the new shades of meaning — madness and disaster. During the analysis of context and iconography, we can find some additions to traditional commentary: for example, West's emendation of δμωαί as σμοιαί is not confirmed by vase painting. On the other hand, we can see Erinys on evidently "tragic" vases, but the plot of surviving tragedies does not imply the participation of Erinys in the action. Apart from the traditional explanation of an "other performance", we can suggest that in vase painting Erinys is an almost universal tragic figure, a convenient element of the visual «tragic formula», indicating the theatrical origin of the vase plot: in tragedy, Erinys means vengeance or misfortune, on a vase Erinys means tragic peripeteia. This is the kind of Erinys seen by Dion in Plutarch's *Lives*: not a sign of revenge for crimes, but a tragic change in the hero's fate, the transition from happiness to unhappiness, another way of the "dramatic" Plutarch's method of presenting historical material, an example of intracultural reception of tragedy in late antiquity.

Key words: Erinys; tragedy; vase painting; leitmotif; function; reception.

About the author: *Yana Zabudskaya* — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: yanazabud@mail.ru).

References

1. *Gasparov M.L.* Syuzhetoslozhenie grecheskoj tragedii [The dramatic plotting of Greek tragedy]. Izbrannye trudy. T. 1: O poe'takh. [Selected works,

- I: About poets] Moscow. *Yazyki russkoj kul'tury Publ.* 1997, pp. 449–482. (In Russ.)
2. *Griniser N.P.* Devstvennost — uchast Elektry? Imya geroini v strukture drevnegrecheskoj tragedii [Is virginity the fate of Electra? The name of the heroine in the structure of ancient Greek tragedy]. *Centaurus: Studia classica et mediaevalia.* № 4. M.: [RSUH], 2008, pp. 9–27. (In Russ.)
 3. *Dodds E.R.* The Greeks and the Irrational. *University of California Press*, 1951. 336 p.
 4. *Zabudskaya Y.L.* Tragediya kak istochnik syuzhetov grecheskoj vazopisi [Tragedy as a source of plots for Greek vase-painting]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History]. V. 80, № 1, 2020, pp. 101–114. (In Russ.)
 5. *Bakola E.* Seeing the invisible: Interior spaces and uncanny Erinyes in Aeschylus' Oresteia. Gaze, Vision, and Visuality in Ancient Greek Literature. *De Gruyter*, 2018, pp. 163–186.
 6. *Brown A.L.* The Erinyes in the *Oresteia*: Real Life, the Supernatural and the Stage. *The Journal of Hellenic Studies*, 1983, 103, pp. 13–34.
 7. *Campbell C.L.* The Costuming of Tragedy in Classical Antiquity. A Dissertation submitted to the Graduate Faculty of The University of Georgia. Athens, 2000. 414 p.
 8. *Chadwick J.* The Mycenaean world. Cambridge: *University Press*. 1976. xvii, 201 p.
 9. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots. Tome ii, E–K. Paris: *Klincksieck*, 1970. vii, 305 p.
 10. *Detienne M.* Reviewed Work (s): Death, Fate and the Gods. The Development of a religious idea in Greek popular belief and in Homer (University of London Classical Studies. III) by B.C. Dietrich. *Revue des Études Grecques*, Janvier–Décembre 1967, Vol. 80, No. 379/383, pp. 578–583.
 11. *Easterling, P.* Theatrical Furies: Thoughts on Eumenides. *Performance, Iconography, Reception: Studies in Honour of Oliver Taplin*. Oxford. 2008, pp. 219–236.
 12. *Ferrari G.* Metaphors and riddles in the Agamemnon. *Classical Philology*, 1997, 92, pp. 1–45.
 13. *Finglass P.* 'Erinyes or Hundred-Hander? Pindar, fr. 52i (a). 19–21 Snell-Maehler = B3.25–7 Rutherford (Paeon 8a)'. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2005, 154, pp. 40–42.
 14. *Gagné R.* The Sins of the Fathers: C.A. Lobeck and K.O. Müller. *Kernos*, 2008, 21/. URL: <https://journals.openedition.org/kernos/1606> (accessed: 20.02.2021).
 15. *Jebb R.C.* Sophocles: plays. Antigone. Ed. P.E. Easterling, Ruby Blondell. *Bloomsbury Academic*, 2004. 384 p.
 16. *Lissarrague F.* 'Comment peindre les Érinyes?' *Métis* 4. 2006. P. 50–70.
 17. *Macleod L.* Dolos and Dike in Sophokles' Elektra. *Mnemosyne, Bibliotheca Classica Batava Supplementum*. Leiden: *Brill*. 2001. 221 p.
 18. *Müller K.O.* *Aischylos Eumeniden*. Göttingen, 1833. vi, 203 p.
 19. *Papadi D.* Tragedy and theatricality in Plutarch. Doctoral thesis, University of London. 2007. 233 p.

20. *Taplin O.* *Comic Angels: and Other Approaches to Greek Drama Through Vase-Painting.* Oxford: *Clarendon Press.* 1993. xii, 129 p.
21. *Taplin O.* *Pots & Plays. Interactions Between Tragedy and Greek Vase-Painting of the Fourth Century B.C.* Los Angeles: *J. Paul Getty Museum.* 2007. 320 p.
22. *Taplin O.* The pictorial record. P. Easterling (ed.), *The Cambridge Companion to Greek Tragedy.* Cambridge: *Cambridge University Press.* 1997, pp. 69–90.
23. *Wellenbach M.C.* The Iconography of Dionysiac Choroï: Dithyramb, Tragedy, and the Basel Krater. *Greek, Roman, and Byzantine Studies,* 2015, 55, pp. 72–103.

О.Л. Довгий

КАК КАНТЕМИР ОКАЗАЛСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ «РУССКИМ КЛАССИКОМ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья продолжает серию публикаций автора о творчестве А.Д. Кантемира и посвящена эпизоду из истории издания его сочинений. В 1836 г. Д.Н. Толстой открыл произведениями Кантемира серию «Русские классики». Это было время полемики о значении понятия «классический писатель» в критике, русский пантеон классических авторов только создавался, но уже господствовало мнение, что начинать ряд классиков следует с Ломоносова. Проект Толстого оказался под пристальным и недоброжелательным вниманием критики. По общему мнению, идея серии была неудачной: во-первых, из-за названия, показавшегося провокационным; во-вторых, из-за выбора авторов, которых собирались издавать, и главным образом — из-за писателя, с которого началась серия. Кантемир оказался главной мишенью рецензентов. В статье представлены мнения трех виднейших русских литераторов, объединенные общностью пренебрежительного тона в отношении Кантемира. За два года до публикации сочинений Кантемира в «Русских классиках» Белинский в «Литературных мечтаниях» резко отрицательно отозвался о его творчестве. Для «Современника» рецензию написал Гоголь (она не появилась в журнале, тем не менее заслуживает внимания). В «Библиотеке для чтения» вышла разгромная рецензия, написанная Н.А. Полевым. В результате издание было дискредитировано и не имело продолжения, а репутация Кантемира, который совершенно неожиданно оказался втянутым в полемику, пострадала. Так статьи известных русских критиков невольно выступили в роли препон сочинениям Кантемира на пути к читателю. Не прочитав произведений, люди, поверившие журнальному слову, записали Кантемира в разряд авторов, которые не стоят внимания.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир; сатиры; полемика о значении понятия «классический писатель»; В.Г. Белинский; Н.В. Гоголь; Н.А. Полевой.

Фразы вроде «Кантемир — автор со сложной судьбой» или «Кантемир — один из самых трагических русских авторов» вполне могут

Довгий Ольга Львовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olga-dovgyu@yandex.ru).

быть отнесены к разряду банальностей а lá «Отравители действуют тайно». И как всякая банальность — они являются оборотной стороной истинной картины. Кантемир, действительно, писатель трагической судьбы. Не случайно Л.В. Пумпянский делает сослагательное наклонение ключевым в своей статье «Кантемир» [Пумпянский, 1941; Довгий 2019: 21]. Первая сатира «На хулящих учения. К уму своему» появилась в 1729 г. и сразу обрела большую популярность: Феофан Прокопович и архимандрит Феофил Кролик написали хвалебные посвящения молодому автору, текст сатиры ходил в многочисленных списках. Но насколько счастливо складывалась «устная» судьба сатир — настолько драматично обстояло дело с их изданием. Кантемир фактически стал основоположником русского самиздата: «В Российском народе сатиры ... Кантемира с общею апробациею приняты» [Ломоносов, 1955: 621]; «Сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать в стихах по всей России, между грамотным народом...» [Белинский, 1955, VIII: 632]). В России сатиры впервые были изданы только в 1762 г. — через 18 лет после смерти автора.

Прошло 74 года. И вот в 1836 г. выходит в свет новое издание: Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб: Толстой, Есипов, Языков, 1836. 128 с., портр. (Русские классики).

Книга украшена портретом Кантемира, гравированным Т. Рейтом. В предуведомлении сказано: «Печатано с издания 1762 года».

Книге предпослан краткий очерк «О жизни и трудах князя А.Д. Кантемира», написанный Д.Н. Толстым, во многом повторяющий текст И.С. Баркова, в свою очередь, являющийся переложением французской биографии Кантемира аббата О. Гуаско¹. Однако в тексте вступительной статьи видна и рука самого Толстого, которому явно не были безразличны жизнь и судьба Кантемира. Так, эпиграфом к очерку Толстой взял цитату из «Себастиана Баха» В.Ф. Одоевского: «Материалы для жизни художника — одни его произведения: будь он музыкант, стихотворец, живописец; в них найдете его дух, его характер, его физиогномию; в них найдете даже те происшествия, которые ускользнули от метрического пера историков». Вставляет Толстой в свой очерк и цитаты из «Вечера у Кантемира» Батюшкова.

Завершается биографическая часть очень личным пассажем: «В 34 года жизни столько пользы, столько трудов! И теперь, когда столетие протекло со времени смерти Кантемира, когда науки и искусства получили уже право гражданства в России и она по достоинству занимает высокую степень в системе государств Евро-

¹ В предуведомлении жизнеописание Кантемира ошибочно приписано его другу аббату Венутти [Об издании, 1835: 252].

пейских, — и теперь мы не можем не сожалеть о рановременной кончине любимца муз и философии, этого первенца их в России!»

Кажется, лучшего обоснования выбора автора для первого выпуска не найти. Кантемир — «первенец муз в России». Это ли не реплика в споре о том, с кого вести начало русской литературы?

Композиционно издание построено так: «Письмо стихотворца к приятелю из Парижа марта 1743 года», «Посвящение Елисавете Первой», Посвящение Феофана, епископа Новгородского к сочинителю сатир «Не знаю кто ты пророче рогатый...» и Феофила Кролика, архимандрита Новоспасского. Далее идут сатиры с авторским предуведомлением: «Сатирую назвать можно такое сочинение, которое забавным слогом осмеивая злонравие, старается исправлять нравы человеческие. Потому она в намерении своем со всяким другим нравоучительным сочинением сходна: но слог ее будучи прост и веселый, читается охотнее, а обличения ее, тем удачливее, что мы посмеяния больше всякого другого наказания боимся. Я в сочинении своих наипаче Горацию и Буало французу последовал, от которых много занял, к нашим обычаям присвоив. Читателям моим оставляю судить, сколько я в сем опыте нового на нашем языке сочинения преуспел. Новость предприятия может быть извинит погрешения слога; а осторожное обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуления и хвалу, гнев и любовь их равно презирая».

Трудно не услышать в последней фразе переключку с пушкинским: «Хвалу и клевету приемли равнодушно».

Тексты сатир идут с авторскими примечаниями — причем примечания поставлены так, как хотел Кантемир: на странице, где напечатана фраза, к которой они относятся. Сейчас бы сказали: сноски постраничные — максимально удобные.

Завершают издание оды, басни, письма и эпиграммы.

Всего вышло четыре тетради.

Казалось бы — радость: после столь долгого перерыва новое издание Кантемира, выполненное с несомненной любовью. Критика могла приветствовать это событие. Не забудем, что слово «критик» русскому языку присвоил именно Кантемир. В примечании к VII сатире (1739), где в значении «критик» применяется описательное выражение *острый судья*, писатель сетует на отсутствие более определенного термина: «Острый судья. Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; французы имеют на то речь critique, которой жаль, что наш язык лишается». А несколькими годами позже в примечаниях к «Письмам Горация» Кантемир вводит этот недостающий термин: «Судьи, кои о состоянии и доброте книг судят,

критиками называются у латин и других народов». Слово неоднократно употребляется в тексте, например, в следующем описании эпизода литературной борьбы античных авторов: «Его суперник, видя, что Гораций употребляет против него суд критиков, противопоставляет суд же других критиков, которые его мнение защищают» [Веселитский, 1974: 45].

От этих «острых судей» теперь зависело многое в судьбе книги. Наверное, и Толстой — будь он профессиональным журналистом — мог позаботиться о рецензионном сопровождении издания. Но он не был.

Итак, что же сказали критики «о состоянии и доброте» книги?

А судьи были заняты более важными делами, чем празднование возвращения Кантемира. В русских журналах идет полемика о значении понятия «классический писатель». Русские критики, хоть и с значительным опозданием, включаются в европейскую поэтологическую традицию: дискуссии, связанные с осмыслением этого понятия, велись и в западных литературах². Наша статья написана — если можно так выразиться — с позиции «защиты Кантемира», поэтому дискуссия о классическом писателе является для нас побочной темой (хотя в каком-то смысле это тема судьбы). Просто напомним, что к концу 1830-х годов выражение «классический писатель» в России имеет как минимум три значения (вполне коррелирующие с западной традицией). Н.А. Полевой в 1837 г. — как раз в рецензии на издание, о котором идет речь, — фактически подводит итог дискуссии: «Слово классик имеет тройкий смысл. У древних *civites classici*: граждане, принадлежащие к высшим классам общества... Название соответствовало нынешним — избранное общество, высший круг. Отсюда произошло *auctores classici*, то есть лучшие, отборнейшие, первоклассные писатели. Это первое значение. Т. к. первоклассные или “классические” писатели греческие и латинские были в эпоху возрождения наук единственными авторами, которых сочинения изучались в университетах и служили образцами новейшему искусству, то вошло в обыкновение называть греческих и латинских писателей “классическими”. Когда образовались новейшие литературы, когда и они обогатились превосходнейшими творениями в различных родах, этот исключительный смысл выражения “классический писатель” получил обширнейшее приложение: начали называть отличнейшие творения, писанные

² В недавней статье А.Е. Махова подробно описано, как обстояло дело во французской науке о словесности [Махов, 2020]. О формировании российского пантеона, о критериях включения российских авторов в число классических писателей см.: [Вдовин, 2012].

на разных европейских языках, тоже классическими, как бы давая знать, что творения эти не уступают своим совершенством Гомеру, Вергилию, Пиндару, Горацию... И это уже была величайшая похвала, какую только могли сказать книге. И в этом третьем значении слово “классик”, примененное к новейшему писателю, равняется уподоблению такого писателя Гомеру, Вергилию... Данте, Тассо, Кальдерон, Шекспир, Мильтон, Корнель, Расин... Гете... и все те, которые в своих сочинениях соединили высочайшие умственные достоинства с высочайшим искусством слова, — вот новейшие классики» [Полевой, 1837: 5]. Полевой упоминает и о возникшем в процессе полемики четвертом значении, имея в виду оппозицию классиков и романтиков, но оставляет его в стороне, так как оно «нейдет к нашему делу».

Толстой дает задуманной им серии название «Русские классики» и в предуведомлении так определяет задачи своего предприятия: «...мы решились издать Русских классиков, сделавшихся уже собственностью публики, в виде столь ныне употребительных тетрадей (livraisons). Это, облегчая издателей, представляет удобство дешевизны для подписчиков. Тетради выходят по одной, по две и более в месяц. Каждая тетрадь, в красивой цветной обертке, заключает в себе до двух печатных листов...» [Об издании, 1835: 251]. Как видим, дешевизна и одновременно высокое качество издания является предметом особой заботы издателей. Анонсировать издание Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Хемницера, Фонвизина, Кострова, Княжнина, Муравьева как издание авторов, уже ставших «собственностью публики», т.е. уже заслуживших имя классиков, — очень рискованное предприятие³. И уязвимое для критических стрел.

А уж выбор первого автора еще более усиливал необычность и уязвимость проекта. Издание Кантемира как первого классика — это совсем не тривиальное решение: русскую литературу было принято начинать с Ломоносова. Вот два примера с разницей в 16 лет. Карамзин, 5 декабря 1818 г.: «мы... имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносов)» [Карамзин, 1964: 234]; Белинский, 1834: «...с Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим» [Белинский, 1953: 41].

Выбор Кантемира в качестве первого автора серии с таким названием в случае успеха предприятия добавил бы ему популярности и читателей. Но издание было признано неудачным. А Кантемир оказался главной мишенью критиков.

³ Сегодня, наверное, определили бы этот проект как провокационный.

Мы выбрали в качестве примера статьи трех авторов. Критерием для отбора был тон в отношении Кантемира.

Незадолго до выхода «Русских классиков» Белинский опубликовал «Литературные мечтания», где очень резко и откровенно пренебрежительно отозвался о Кантемире: «*Не стану также распространяться* (пренебрежительный оборот выделен нами. — О.Д.) о Кантемире; скажу только, что я очень сомневаюсь в его поэтическом призвании... Он был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений; ему было сподобляться смеяться. Что он был не поэт, этому доказательством служит то, что он забыт» [Белинский, 1953: 41]; «Нужно ли повторять, что не с Кантемира началась наша литература?» [Белинский, 1953:103]⁴.

Издание попало в поле зрения пушкинского «Современника». Сохранился билет на получение изданных Толстым-Знаменским сочинений Кантемира, адресованный Пушкину. В первом томе в библиографическом списке «Новые книги» при трех названиях поставлена звездочка (*). При этом заголовок отдела сопровождается сноской: «Книги, означенные звездочками, будут впоследствии разобраны». Сочинения Кантемира попали в эту тройку. Рецензию написал Гоголь. Она не была опубликована — но не привести ее здесь невозможно именно в силу ее тона.

В начале рецензии Гоголь заметил: «Намерение очень хорошее — издать Кантемира и других старых писателей наших». Кантемир — как видим — ничем не выделен из числа других. А далее Гоголь подверг издание сокрушительной критике за дороговизну и медлительность: «Но издается это очень странно: в месяц выходит один или два печатных листа. За эти два листа и за обертку к ним, в которой читателю решительно нет никакой надоб<ности>, читатель платит рубль. Довольно дорого и неудобно. Дорого потому, что небольшой томик Кантемира будет стоить гораздо дороже десяти рублей. Неудобно потому, что у нас не привыкли к такому мелкому расчету, и всякой будет ожидать лучше всей книги, чтобы куп<ить>. На тетрадки обыкновенно разлагаются в Европе огромные издания, для того чтобы облегчить взнос денег для читателей, которые в все почти люди бедные. Притом ливрезоны, выпускаемые французами, никогда не издаются по одному листу, но за 1 рубль они представят такое количество букв, какого не составит весь Кантемир. Плюшар издает “Путешествие вокруг света” Дюмон Дюрвиля. В месяц вы-

⁴ Пройдет 10 лет, и Белинский станет писать о Кантемире прямо противоположные вещи — например, такие: «...он первый свел поэзию с жизнью... Кантемир начал собою историю светской русской литературы. Вот почему все, справедливо считая Ломоносова отцом русской литературы, в то же время не совсем без основания Кантемиром начинают ее историю. См.: [Белинский, 1955: 614].

ходит тетрадь из 10 печатных листов довольно густой печати; при них множество картинок и вся тетрадь обходится по два рубли. Это можно назвать у нас дешевым. Притом издатели очень делят это издание. Кантемир, которого можно отпечатать всего в две недели, будет печататься полгода; кому охота каждый месяц <ждать> одного печатного листа?» [Гоголь, 1952: 199].

«Небольшой томик Кантемира»... Можно по-разному распорядиться топом сочинения малого размера. Можно ведь сказать: «Вот эта книжка небольшая // Томов премногих тяжелей», а можно — как сделал Гоголь — свести Кантемира к набору букв. Но говоря о рецензии Гоголя, важно не сделать прямолинейного вывода об общем отрицательном отношении Гоголя к Кантемиру. Генетическая связь Гоголя с Кантемиром не вызывает сомнений, и Гоголь не мог ее не чувствовать: «Уже в то время, когда Ломоносов настраивал свою лиру на высокий лирический лад, кн<язь>. Кантемир находил пищу для сатиры и хлестал ею глупости едва начинавшегося общества» [Гоголь, 1952: 395]. Кантемир «был родоначальником гоголевского “смеха сквозь слезы”, он сильной рукой указал русской литературе то направление, которое так пышно расцвело в лице Фонвизина, Гоголя, Салтыкова и которое составляет основную ноту русской поэзии, ее преобладающее настроение...» [Семетковский, 1893]. Критика Гоголя направлена на само издание, его дороговизну и длительность; но критические стрелы попали и в Кантемира⁵. Это ли не очередное проявление иронии судьбы?

Если цитируемая нами статья Белинского, строго говоря, относилась не к самому изданию, а рецензия Гоголя не увидела света, то статья Полевой написана именно о сочинениях Кантемира в серии «Русские классики».

Полевой подходит к обсуждению успеха/неуспеха издания с практической стороны: «Спросите у книгопродавцев, для чего не печатают они Ломоносова, Сумарокова, Княжнина: они будут отвечать: “Не для чего; их не спрашивают”, т.е. их не читают... Самая остановка... предпринятого теперь издания «русских классиков не оттого ли происходит, что издатели убедились в неверности своей мысли, видя совершенное хладнокровие публики к этим мнимым классикам» [Полевой, 1837: 12].

Эта рецензия — полный разгром по всем пунктам: 1) самого названия серии (именно в этой связи Полевой дает вышеприведенное толкование понятия «классик» и доказывает, что никто из старинных писателей не имеет права на это звание: «Но кто потребует...

⁵ Тема «Гоголь и Кантемир» требует очень серьезного, многостороннего подхода и еще ждет своего часа. Мы едва обозначили один из возможных подходов к ней. См.: [Довгий, 2019].

от прежних русских писателей “классических творений”, тот требует от младенца таких подвигов, которые может исполнить только взрослый человек» [Полевой, 1837:7]; 2) всей концепции проекта («издатели темно объяснились об основной идее своего издания»); 3) списка предполагаемых авторов («полные собрания сочинений этих стариков») и 4) всего более — выбора первого автора.

Кантемир в роли первого русского классика вызывает нескончаемый поток горьких слов критика. Чего стоит уже самое начало посвящённого непосредственно Кантемиру фрагмента: «Взглянем на жизнь и сочинения его, тем более, что по какому-то странному недоразумению Кантемира до сих пор многие, по крайней мере, понимают ложно, считая его русским, даже, как видим, классическим писателем и, что еще забавнее, поэтом» [Полевой, 1837: 13]. Далее Полевой для доказательства знакомства с предметом довольно подробно излагает биографию Кантемира. Его знания в конечном итоге, скорее всего, восходят в кому же источнику, что и биографический очерк Толстого: к биографии О. Гуаско в изложении И. Баркова. Но выводы из рассказа о жизни Кантемира он делает совершенно иные: «Кантемир писал русские стихи... Признаемся, что мы тут вовсе не видим поэтического пламени. Кантемир так писал стихи русские, как переводил книгу отца своего на италийский язык. Не заботясь о труде над языком русским (это Кантемир-то не заботился о труде над языком! — *О.Д.*), он принял формы, выражения, стопосложение, какие употребляли Феофан, Буслаев, Максимович, Ильинский» [Полевой, 1837:13].

От биографии Полевой переходит к разбору творчества Кантемира — и тут уж дает волю своему негодованию: «Что такое были сатиры Кантемира? Не громкий и звучный голос сильной души, негодующей на пороки своего века, но мелкая насмешка над смешным... И все это было составлено из мыслей Горация, Боало, Лукиана, Ювенала... и не только из мыслей, а часто из головного перевода латинских и французских стихов... Вы видите мозаику, составленную на досуге умным человеком; находите остроумие, едкость, насмешку, но чужие. Если отметить у Кантемира все, что не принадлежит ему, у него почти ничего не останется» [Полевой, 1837: 21].

Главные претензии Полевого к Кантемиру: он не оригинален, и он не поэт.

Аргументы Полевого в отношении Кантемира те же, что и в отношении других старинных авторов, — от авторитета читателя и от традиции: «Отцы наши знали наизусть Сумарокова и Ломоносова, но уже не знали Кантемира» [Полевой, 1837: 22]. Действительно: зачем же сыновьям быть умнее, образованнее и любопытнее отцов?

Недоумение Полевого вызывают хвалебные статьи Жуковского и Батюшкова: «Станным образом восстановилась его известность в первом десятилетии нашего века. В.А. Жуковский вздумал расхваливать Кантемира в Вестнике Европы 1810 г. Статья, названная Критическим разговором, состояла только из выписок, с прибавкою похвал. И вот Кантемир, по голосу В.А. Жуковского, причислен к лику русских поэтов. Принимались его читать — не могли, — и приписали вину себе, а не Кантемиру. Ещё более убедились в том, когда Батюшков написал прелестную, умную пьеску: Вечер у Кантемира. Но с тех пор прошло более двадцати пяти лет...» Этот пассаж стоит отдельного рассмотрения. Из него ясно, что Полевой верит в влияние печатного слова на формирование читательского мнения и вполне целенаправленно создает отрицательное мнение о Кантемире⁶.

Приведем вывод из «анализа» творчества Кантемира, содержащегося в статье: «Перестанем же говорить о поэтическом достоинстве и руссизме кантемировых сатир. Как поэтические создания, как самобытные русские произведения, сатиры Кантемира не имеют никакого права на наше внимание» [Полевой, 1837:22].

И самое общее заключение: «Если почтенные Издатели Русских Классиков думали представить удивлению нашему образцы, возобновляя Кантемира, они должны были наперед предвидеть последствия...» [Полевой, 1837: 22]

По Полевому, все издание — сбор неудачных идей; но самая неудачная — выбор Кантемира как первого автора.

Итак, подведем итог. Мы рассмотрели три текста, принадлежащих перу виднейших русских критиков, объединенных общим пренебрежительным тоном в отношении Кантемира⁷.

Велик соблазн пошутить — «вот как Белинский и Гоголь не дали мужику понести с базара Кантемира». Формально это будет неверно: рецензия Белинского написана ДО выхода книги, а рецензия Гоголя не увидела света. Но по сути — так и есть.

Статья написана по материалам доклада, прочитанного на конференции на журфаке МГУ. После произнесения доклада нам был

⁶ Через 10 лет Галахов напишет: «Удивляться надобно, как покойный Полевой, иногда удачно понимавший достоинства и недостатки литераторов, мог написать следующие строки: «Где вы находите у Кантемира русский колорит, русские нравы, русские поверья?..» Или критик вовсе не читал Кантемира, или хотел насильственно выдержать свой ложный взгляд на первого нашего сатирика...» [Галахов, 1848]. Отношение Полевого к Кантемиру, безусловно, ждет отдельного исследования. Напомним: посвятивший Кантемиру так много критических слов Полевой героя своей новеллы «Блаженство безумия» почему-то назвал Антиохом.

⁷ В «Московском наблюдателе» (1836 г., ч. VI, с. 255–267) опубликована рецензия С.П. Шевырева, написанная совсем в другом духе.

задан вопрос: действительно ли русский читатель так верил критике, что, прочитав разгромные рецензии, не стал бы покупать книгу? Вопрос сложный и заслуживает отдельного изучения. Пока напомним слова Гоголя: «Журнальная литература... ворочает вкусом толпы» [Гоголь, 1952: 156].

Критикам, занятым решением глобальных теоретических задач, просто не было дела до Кантемира; он оказался в роли показательной мишени.

У ситуации могло быть два варианта развития рецензионной стратегии:

1. В русской литературе радостное событие: после долгого — в 74 года — перерыва изданы сочинения А.Д. Кантемира, первого русского сатирика.

2. Издатели затеяли серию с претенциозным названием, а для первого выпуска выбрали никому не нужного и неизвестного автора.

Был реализован второй.

И тем не менее — по версии издания 1836 года — Кантемир оказался единственным «русским классиком».

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Кантемир // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. VIII. М., 1955. С. 613–634.
2. *Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. I. М., 1953. С. 20–104.
3. *Веселитский В.В.* Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974.
4. *Вдовин А.В.* Понятие «русские классики» в критике 1830–50-х гг. // Пушкинские чтения в Тарту 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2012. С. 40–56.
5. *Галахов А.Д.* Сочинения Кантемира // Отечественные записки. 1848. № 11. Отд. V. С. 1–40.
6. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 8. М.; Л., 1952. С. 213–418.
7. *Гоголь Н.В.* О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т.8. М., 1952. С. 156–176.
8. *Гоголь Н.В.* Русские классики. Часть I. Кантемир // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 8. М.; Л., 1952. С. 199.
9. *Довгий О.Л.* К забытому юбилею: Четыре текста об Антиохе Кантемире // Stephanos. 2019. № 6 (38). С. 15–26. URL: <http://stephanos.ru/index.php?cizd=57> (дата обращения: 27.02.2021)

10. *Довгий О.Л.* К теме «Гоголь и Кантемир» // Литературоман(н)ия: К 90-летию Юрия Владимировича Манна. М., 2019. С. 316–327.
11. *Карамзин Н.М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 233–242.
12. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1955.
13. *Махов А.Е.* Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма // Человек: образ и сущность. 2020. № 3 (43). С. 9–26.
14. Об издании русских классиков // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Т. 8. № 10. С. 250–252.
15. *Полевой Н.А.* «Русские классики». Сочинения кн. Кантемира. СПб., 1836 // Библиотека для чтения. 1837. Т. 24. Отд. V. С. 1–24.
16. *Пумпянский Л.В.* Кантемир // История русской литературы: В 10 т. Т. III. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 176–212.
17. *Сементковский Р.И.* А.Д. Кантемир: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893. (Б-ка Павленкова).
18. *Толстой Д.* О жизни и трудах князя А.Д. Кантемира // Русские классики. Тетрадь 1. Кантемир. СПб., 1836. С. 1–13.

Olga Dovgy

HOW CANTEMIR APPEARED THE ONLY RUSSIAN CLASSIC WRITER

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article continues the author's series of publications on the works of A.D. Cantemir and is devoted to an episode in the history of the publication of his works. In 1836 D.N. Tolstoy opened the series "Russian Classics" with Cantemir's works. It was a time of polemics about the meaning of the classical writer in criticism, the Russian pantheon of classical authors had just been created, but the opinion prevailed that one should start the series with Lomonosov. Tolstoy's project came under the close and unfriendly scrutiny of critics. The general consensus was that the idea for the series had failed: first, because of the title, which seemed provocative; second, because of the choice of authors who were to be published; and chiefly, because of the writer with whom the series began. Cantemir proved to be the main target of the reviewers. This article presents the views of three of the most prominent Russian literary figures, united by a common contemptuous tone towards Cantemir. Two years before the publication of Cantemir's works in "The Russian Classics", Belinsky, in his "Literary Dreams", made a sharply negative review of his oeuvre. Gogol wrote a review for *Sovremennik* (it did not appear in the journal, but is nevertheless noteworthy). The Library for Reading published a scathing review written by N.A. Polevoy. As a result, the publication

was discredited and had no continuation, and the reputation of Cantemir, who was quite unexpectedly dragged into the polemics, suffered. Thus, the articles by famous Russian critics unwittingly acted as obstacles to Cantemir's works on their way to the reader. Having failed to read the works, people, who took the magazine's word for it, put Cantemir in the category of authors who were not worthy of attention.

Key words: A. Cantemir; satires; debates on the meaning of the concept of "classical writer"; V. Belinsky; N. Gogol; N. Polevoy.

About the author: *Olga Dovgy* — Prof. Dr., Senior Research Fellow, Literary and Art Criticism and Publicism Academic Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olga-dovgy@yandex.ru).

References

1. Belinskij V.G. Cantemir. *Poln. sobr. soch.*: V 13 t. [Complete Works: In 13 vol.] Vol. VIII. Moscow, *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1955, pp. 613–634. (In Russ.)
2. Belinskij V.G. Literaturny'e mechtaniya [Literary reveries]. *Poln. sobr. soch.*: v 13 vol. [Complete Works: in 13 Vol.] Vol. I. Moscow, *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1953, pp. 20–104. (In Russ.)
3. Veselitskij V.V. *Antiox Cantemir i razvitie russkogo literaturnogo yazyka*. [Antiochus Cantemir and the development of the Russian literary language] Moscow, *Nayka Publ.*, 1974, 71 p. (In Russ.)
4. Vdovin A.V. Ponyatie "russkie klassiki" v kritike 1830–50-x gg. [The Concept of "Russian Classics" in the Criticism of the 1830s–50s.] *Pushkinskie chteniya v Tartu 5. Pushkinskaya e'poxa i russkij literaturnyj kanon: K 85-letiyu Larisy' Il'inichny' Vol'pert*: V 2 ch. [Pushkin Readings in Tartu 5. Pushkin's Epoch and the Russian Literary Canon: To the 85th anniversary of Larisa Ilyinichna Volpert: In 2 parts] Tartu, 2012, pp. 40–56. (In Russ.)
5. Galaxov A.D. Sochineniya Cantemira [Cantemir' Works]. *Otechestvenny'e zapiski*. 1848. № 11. Part. V, pp. 1–40. (In Russ.)
6. Gogol' N.V. Vy'branny'e mesta iz perezpiski s druz'yami. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 14 t. [Complete Works: In 14 vol.] Vol. 8. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1952, pp. 213–418. (In Russ.)
7. Gogol' N.V. O dvizhenii zhurnal'noj literatury' v 1834 i 1835 godu. [About the Development of Literature in Magazines] *Polnoe sobranie sochinenij*. V 14 t. [Complete Works: In 14 vol.] Vol. 8. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1952, pp. 156–176. (In Russ.)
8. Gogol' N.V. Russkie klassiki. Chast' I. Cantemir [Russian Classic Writers. Part I. Cantemir]. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 14 t. [Complete Works: In 14 vol.] Vol. 8. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1952, p. 199. (In Russ.)
9. Dovgij O.L. K zaby'tomu yubileyu: Chety're teksta ob Antioxe Cantemire. [To the Forgotten Hubilee: Four Texts about Antiochus Cantemir] *Stephanos*. 2019, № 6 (38). Pp. 15–26. <http://stephanos.ru/index.php?cizd=57> (access date: 27.02.2021) (In Russ.)

10. Dovgij O.L. K teme «Gogol' i Cantemir». [On the topic “Gogol and Cantemir”] *Literaturoman (n) iya: K 90 letiyu Yuriya Vladimirovicha Manna*. Moscow, RGGU Publ., 2019, pp. 316–327. (In Russ.)
11. Karamzin N.M. Rech', proiznesennaya na torzhestvennom sobranii Imperatorskoj Rossijskoj Akademii 5 dekabrya 1818 goda. [Speech Delivered at the Meeting of the Imperial Russian Academy on December 5, 1818] *Izbr. soch.* [Selected Works]: 2 vol. Vol. II, pp. 233–242. (In Russ.)
12. Lomonosov M.V. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works] Vol. 9. Moscow, Leningrad, *Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR*, 1955. (In Russ.)
13. Maxov A.E. Problema podrazhaniya obrazczam v poe'tologii francuzskogo klassicizma [The Problem of Imitating Models in the Poetology of French Classicism]. *Chelovek: obraz i sushhnost'*. № 3 (43). M., *Institut nauchnoj informacii po obshhestvenny'm naukam Rossijskoj akademii nauk*, 2020, pp. 9–26. (In Russ.)
14. Ob izdanii russkikh klassikov. [About the Publication of Russian classics]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya*. [Journal of the Ministry of Public Education] 1835. Vol. 8. № 10, pp. 250–252. (In Russ.)
15. Polevoj N.A. “Russkie klassiki». Sochineniya kn. Cantemira. SPb., 1836 [Russian Classic Writers. Prince Cantemir's Works. SPb, 1836]. *Biblioteka dlya chteniya* [Bibliotheca for reading], 1837, vol. 24, part V, pp. 1–25. (In Russ.)
16. Tolstoj D. O zhizni i trudax knyazya A.D. Cantemira [On Life and Works of Prince A. Cantemir]. *Russkie klassiki. Tetrad' 1. Cantemir*. SPb., 1836, *Tipografija Gince*, pp. 1–13. (In Russ.)
17. Pumpyanskij L.V. Cantemir. *Istoriya russkoj literatury'* [History of Russian Literature]: 10 vol. Vol. III. Part 1. M.; L., 1941, pp. 176–212. (In Russ.)
18. Sementkovskij R.I. *A.D. Cantemir: Ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost'*. [A.D. Cantemir: His life and literary activity] St. Petersburg, 1893. (In Russ.)

А.С. Федотов

**БАЛЕРИНА АНДРЕЯНОВА И МЕРТВАЯ КОШКА:
АРХИВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ
К ОДНОМУ ФРАГМЕНТУ РОМАНА
А.Ф. ПИСЕМСКОГО «ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье предлагается комментарий к фрагменту романа А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», в котором московские студенты готовят и проводят акцию против балерины Е.И. Андреевны, выступавшей с гастролями в Москве. Во время одного из спектаклей на сцену из зала была брошена мертвая кошка. Эпизод действительно имел место в 1848 г. и привел к суровому наказанию одного из участников. Следствие по этому делу, в котором приняли участие как полицейское и театральное ведомства, так и московские власти, привело к суровому наказанию как минимум одного участника акции. Между тем в романе эпизод практически никак не интерпретируется автором, а предлагаемые главным героем Баклановым объяснения скорее вводят в заблуждение современного читателя. Предпринятая в статье попытка систематизации мемуарных и архивных источников имеет своей целью прокомментировать «темный» эпизод романа и в то же время реконструировать обстоятельства действительно вопиющего скандала в Большом театре. Дерзкая атака на танцовщицу в статье интерпретируется как протест против открытого продвижения интересов любовницы директора театров А.М. Гедеева в ущерб любимице московских театралов Е.А. Санковской, как эпизод противостояния московской и петербургской театральной школ и как оппозиционная акция в своем роде. Публикуемые в статье архивные документы из дела о службе Андреевны позволяют не только реконструировать события 1848 г., но и одновременно — вернее понять роль театра как площадки для общественных выступлений в рассматриваемую эпоху.

Ключевые слова: А.Ф. Писемский; «Взбаламученное море»; Е.И. Андреевна; Е.А. Санковская; А.М. Гедеев; история русского театра; историко-литературный комментарий; архивная публикация.

Федотов Андрей Сергеевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anfed86@icloud.com).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00410.

В начальных главах второй части «Взбаламученного моря» А.Ф. Писемский описывает подготовку и осуществление студентами Московского университета одной из самых скандальных публичных акций в истории императорского театра. Во время выступления танцовщицы Е.И. Андреяновой продолжительная и шумная обструкция увенчалась неслыханным по дерзости поступком: на сцену к ногам балерины была брошена мертвая кошка. Спустя два дня, несмотря на противодействие начальства, те же студенты под предводительством главного героя Бакланова преподносят золотой венок другой танцовщице — Е.А. Санковской. Акция против Андреяновой и подарок Санковской спланированы заранее; разговоры по этому поводу в шумной студенческой компании в знаменитом кафе Британия открывают вторую часть романа. О мертвой кошке, впрочем, речи не идет, и в романе бросок ее на сцену предстает незапланированным, спонтанным событием.

Причины атаки на Андреянову в романе остаются не до конца прояснены. С одной стороны, сам Бакланов в разговорах с друзьями и влюбленной в него Казимирой риторически оформляет противостояние балерин как борьбу истинного и ложного искусства. Отвечая домохозяйке пани Фальковской, недоумевающей, за что так оскорбили Андреянову, Бакланов восклицает: «А за то, что тут правда, истина, которые одни только имеют законное право существовать, они тут страдают!» Впрочем, обосновать эстетическое превосходство Санковской над Андреяновой Бакланову не удастся, и в итоге он ограничивается пустыми декларациями вроде: «Эту госпожу надо освистать, — она дрянь, а та — божество, талант». Необоснованность, содержательная пустота этой позиции бросается в глаза в диалоге героя с циником Проскрипским². Редукционистским эстетическим представлениям последнего («Балет я еще люблю; в нем, по крайней мере, насчет клубнички кое-что есть») Бакланов противопоставляет все те же стершиеся лозунги: «В балете есть грация, которая живет в рафаэлевских Мадоннах, в Венере Милосской». Автор не отдает предпочтения взглядам Проскрипского, но и его нигилизм, и воинствующий эстетизм Бакланова изображает в качестве характерных черт студенческого эстетического радикализма, не интересующегося искусством по-настоящему, но воспринимающего его как знак чего-то другого.

Обращает на себя внимание то, что венок Санковской студенты подносят после спектакля, которого они не видели: опасаясь начальства, разгневанного случаем с Андреяновой, студенты являются

² Прототипом Проскрипского считается Н.Г. Чернышевский. Заметим, однако, что Чернышевский не учился в Московском университете и спор в кафе «Британия» является вымышленным.

только к финальному соло. Заслуги Санковской, таким образом, признаны заранее, а значит, вся псевдо-эстетическая демагогия Бакланова не имела к противостоянию балерин и их «партий» никакого отношения. Игру же Андреяновой сам автор описывает, скорее, сочувственно: «Примадонна, оскорбленная, огорченная и взволнованная, делала все, что могла. Танец ее был страстный: в каком-то точно опьянении, она то выгибалась всем телом и закатывала глаза, то вдруг с каким-то детским ужасом отбегала от преследующего ее жен-премьера». Нарративно роман в этом месте устроен так, что без оценок персонажей судить о реальном качестве игры артисток читатель не может, а оценки эти демонстративно ненадежны.

С другой стороны, ясно, что студенты защищают свою любимицу от навязанной им театральным начальством гастролирующей звезды, хотя намеки на это разбросаны по тексту очень пунктирно. Призывая студентов к солидарности в кафе «Британия», Бакланов восклицает: «Надобно, господа, надобно, а то этот господин теперь приехал, привез свою мерзавку; эту несчастную гонят. Они дойдут наконец до того, что вытурят и Щепкина, и Садовского, и Мочалова и пришлют нам братьев Каратыгиных». Объясняя Казимире смысл своих хлопот, Бакланов говорит: «Надобно же показать, что мы дорожим нашими талантами, а то это проклятое чиновничество чорт знает что наделает!» Таким образом, акция в романе Писемского преподносится и как политическая, сопротивление театральной публики произволу начальства, и как патриотическая, защита родного московского перед лицом столичного, петербургского.

Заметим, что, в отличие от читателя 1860-х годов, для которого обстоятельства описываемого скандала были, вероятно, хорошо известны, для современного читателя намеков Писемского может оказаться недостаточно, а весь эпизод нуждается в комментариях. Мы попробуем реконструировать историю скандальных гастролей Андреяновой по мемуарным и архивным источникам.

История с Андреяновой и кошкой действительно произошла 5 декабря 1848 г. и отразилась во множестве мемуарных текстов [см.: Афанасьев, 1989: 279–280; Берг, 1884: 63–64; Галахов, 1999: 184; Каратыгин, 2011: 313; Соловьев, 1902–1903: 122–124; Стахович, 1904: 7; Плещеев, 2009: 174–176; Пыляев, 2020: 215–216; Усов, 1882: 362]. Их авторов поражала дерзость и несправедливость акции. Большинство мемуаристов сходятся в том, что кошку бросил П.А. Булгаков. Н.В. Берг уточняет, что Булгаков в это время служил на Кавказе, а в Москву приезжал в короткий отпуск, к родным. По распоряжению императора Булгакову якобы пришлось срочно вернуться к месту службы [см.: Берг, 1884: 64]. Воспоминаниям Берга, впрочем, до

конца доверять нельзя (см. ниже). Широкий же резонанс акции объясняется просто: описываемые события относятся к концу 1848 г. и происходят на фоне целой серии репрессивных мер русского правительства, взволнованного революционными событиями в Европе. Спектакль Андреевской, завершившийся скандалом, состоялся в декабре, за четыре месяца до ареста петрашевцев. Театр при этом традиционно воспринимался имперскими властями как потенциально опасное место, как место возможного демократического единения дворянских элит с низшими сословиями³. В этом контексте событие могло выглядеть более «протестным», «оппозиционным» в политическом смысле, чем было на самом деле.

Зафиксированная в нескольких современных работах [Бокова, 1992; 1999: 381; Белов, 2001: 377] версия, согласно которой кошку бросал В.М. Каченовский, сын историка М.Т. Каченовского, представляется нам неверной. По видимости, она восходит к некрологу Каченовскому, помещенному в «Библиографических записках» [Книгочий, 1892]. Каченовский отправился на Кавказ в 1846 г., как сказано в некрологе, «по поводу известной студенческой шалости в театре (история с актрисой Андреевской)», тогда как Андреевская подверглась атаке московского студенчества в 1848 г. Возможно, некролог, в свою очередь, опирался на запись о московских гастролях Андреевской, ошибочно внесенную в «Хронику» Вольфа именно под 1845 г.: «Какой-то шалун кинул балерине из райка вместо букета — дохлую кошку» [Вольф, 1877: 112]. Автор некролога, видимо, счел, что «шалуном» был именно Каченовский. Заметим также, что об акциях против Андреевской в 1845 г. неизвестно⁴, а в некрологе другого издания, «Исторического вестника», и вовсе указано, что Каченовский в 1845 г. уволился с третьего курса университета по собственному желанию [Без подписи, 1892: 488].

Сами по себе гастроли петербургских артистов в Москве были явлением вполне регулярным и, как правило, протестов не вызывали. Проблема с Андреевской заключалась в том, что она пользовалась явным и скандально известным покровительством директора императорских театров А.М. Геденова [ср.: Афанасьев, 1989: 279; Каратыгин, 2011: 309; Плещеев, 2009: 167–168; Стахович, 1904: 7; Усов, 1882: 362]. По всей вероятности, московские гастроли 1848 г.

³ В работе М. Frame императорские театры вообще рассматриваются как пространство моделирования гражданских отношений [см.: Frame, 2006].

⁴ На ошибку Вольфа указал Плещеев [см.: Плещеев, 2009: 163]. Заметим, однако, что Геденов в письме к Закревскому упоминает о каком-то «подобном же беспорядке», случившемся в 1845 г., но он остался «без взыскания за неотысканием виновных» [РГИА, 47а]. Имел ли отношение Каченовский к этому «беспорядку», неизвестно.

были организованы для того, чтобы избежать невыгодной для Андреяновой конкуренции со знаменитой Фанни Эльслер, ангажированной на сезон 1848/49 гг. петербургской балетной труппой. По крайней мере, часть мемуаристов связывают приезд в Петербург Эльслер и отъезд Андреяновой [Плещеев, 2009: 173; Каратыгин, 2011: 311–313]. Н.В. Берг, путая факты, рассказывает, что, приглашая Эльслер в Петербург, Николай I якобы лично обещал ей, что случай Андреяновой с ней не повторится: «Вы, может быть, боитесь того, что случилось с Андреяновой, но, вы, во-первых, не Андреянова, а во-вторых, я ваш всегдшний защитник. Вы можете обратиться ко мне во всякую минуту, если будет в том надобность, но, думаю, что не будет» [Берг, 1884: 64]. Хотя Берг ссылается на слова самой Эльслер, реплика Николая I явно выдуманная: скандал с Андреяновой разразился в декабре, тогда как уже в октябре Эльслер танцевала на петербургской сцене.

Безотносительно к обстоятельствам решение перевести первую петербургскую танцовщицу в другой город на время гастролей европейской знаменитости выглядит целесообразно⁵, однако московской публикой оно было воспринято в штыки как попытка навязать москвичам любовницу Гедеонова в ущерб местной любимице Санковской. Брошенная на сцену кошка стала, таким образом, возмездием за этот протекционизм.

Сообщество артистов, однако, восприняло акцию с негодованием, хотя Андреянову и недолюбливали. В деле РГИА «О службе танцовщицы солистки Елены Андреяновой» содержится несколько донесений Московской театральной конторы в Петербург, позволяющих вполне подробно представить себе декабрьские события

⁵ И сам Гедеонов в письме к министру императорского двора П.М. Волконскому, непосредственному своему начальнику, именно так будет объяснять необходимость этих гастролей: «В Москве по болезни г-жи Санковской оставалась одна танцовщица г-жа Ирка. Вашей светлости известно, что артисты не упустят случая воспользоваться надобностию, которую может иметь в них дирекция. Я нашел невыгодным предоставить на произвол г-жи Ирки Матиас весь зимний балетный репертуар. Приезд г-жи Фанни Эльслер доставил мне возможность обойтись без первой здешней танцовщицы <Андреяновой. — А.Ф.>, которой присутствие в Петербурге посему не было необходимо. Игранные ею балеты, их декорации и костюмы пропадали даром, а между тем следовало бы в Москве делать новые издержки для постановки новых балетов. Я отправил в Москву первую петербургскую танцовщицу, танцовщика и балетмейстера с двумя новыми для Москвы балетами, с их декорациями и костюмами и, таким образом, избежал значительных издержек» [РГИА, 68–68об.]. Предложенной здесь логике экономии противоречит сверхвысокий спектакльный гонорар, установленный Гедеоновым для своей протеже — 175 руб. Разгневанный Волконский после продолжительного разбирательства снизил плату до 75 руб. за спектакль. На возражения Гедеонова и Андреяновой, что такая плата при высоких расходах фактически обесмысливает для артистки гастроль, Волконский ответил, что Андреяновой следовало бы сократить траты [РГИА, 75–98об.].

1848 г. Из всех документов, относящихся к скандалу, до сих пор опубликован был только рапорт инспектора репертуарной части Мухина, однако цитирующий этот документ С.В. Танеев произвольно сократил и отредактировал текст [Танеев, 1886: 33–34]. Публикуем его полностью:

«Сего 5-го декабря 1848 г. во время представления балета “Пахиты”, в 1-м акте, случилось происшествие, еще неслыханное в летописях театра. После Saltarello, которое танцевали г-жа Андреянова и г. Монтасю и которое публика потребовала повторить, на сцену брошена была мертвая кошка с привязанною к хвосту надписью “1-я танцовщица”. Не могу изложить первого общего чувства; оно было изумление. Я обежал через сцену на другую сторону и приблизился к г-же Андреяновой. Между тем вся публика в креслах и большая часть в ложах встала и громкими криками, махая шляпами, а дамы платками, вызывала г-жу Андреянову. Она объявила мне, что выйти выйдет, но что продолжать представление не в силах, что было очень вероятно.

Когда она вышла, прием публики был таков, какого еще не случалось видеть. Кавалеры, дамы, все единодушно как бы старались доказать ей, что это дело одного человека и что все отвергают его и приносят дань уважения ее таланту. Это повторилось три раза, и она сыскала силы продолжать представление, — но выходя пред публику, не в силах была скрыть своих слез.

В антракте пришел человек двенадцать из публики и вызвали меня со сцены. Просьба их была не вынуждать продолжать представления, ибо публика принимает эту обиду за артистку и себе. На это я отвечал, что это зависело от сил артистки, которая решилась продолжать, и что уже сигнал подан и второй акт начался.

Между тем полиция сделала распоряжение не выпускать никого из театра. Г. обер-полицмейстер, возвратясь от г. военного генерал-губернатора, объявил мне, что его сиятельство назначил мне явиться к нему 7-го числа в 12 часов и просил тем, кого знаю из приходивших ко мне, сообщить явиться к нему в это же время. Я знал всего трех, коих и назвал.

Брошено было, как видно, из литерной ложи 3-го ряда с правой стороны, откуда сидевшие там на виду двое мужчин ушли и более не возвращались. Задержано несколько человек, но о дальнейшем еще мне не известно.

В последнем антракте негодование артистов, постепенно возраставшее, возросло очень высоко. Восприняли это общею обидою и желали выразить госпоже Андреяновой свое чувство. Я допустил это

с тем, чтобы это было за занавесью, не пред публикою. По окончании балета все стали массою, занятые и не занятые, на сцене и, когда она к ним вышла, то в один голос закричали ей “браво!”, бросились к ней, целуя ее — руки ее, стараясь всеми мерами выразить свои чувства.

Дав немного времени, я хотел уже удовлетворить и публику, которая ее требовала, насилу уговорил артистов очистить сцену; они начали расходиться, но занавес поднялся преждевременно, и они все опять бросились к ней. Удержать не было средств. Во время 2-го вызова я с трудом очистил сцену и удерживал в кулисах. Но во время 3-го уже не было возможности, и все опять бросились на сцену, один за другим, и перед публикою выразили, как ее ценят. Опустить занавеса не было возможности; они стояли под занавесом и потому, хотя этим был, может, нарушен порядок предоставлять публике таковую награду артистам, но общее чувство товарищей, принявшее это, не только личною, незаслуженною обидою одному, а общею всему словую артистов, было так искренно и так сильно, что удержать не было никакой возможности. И публика, с своей стороны, случайно увиденное ею и повторившееся торжество артистки от товарищей приняла так хорошо и так одобряла, что можно назвать это полным торжеством.

Итак, случай этот должен быть приписан частному действию одного или очень немногих лиц, ибо в последние представления и в это г-жа Андреенова принимаема была публикою с отличным одобрением, и ни малейшего знака неудовольствия (ни малейшей части публики), которая выражается шиканьем против аплодирующих, решительно не было. И тут общий голос старался ее вознаградить за обиду, отвергая от себя это дело, как недостойное.

О чем всем долгом считаю довести до сведения вашего высокопревосходительства.

В должности инспектора репертуарной части
Мухин»

[РГИА, 31—32об.]

В этом рапорте Мухин подробно объясняет, как вышло так, что за публичной акцией против Андрееновой сразу последовала еще одна — в поддержку артистки. Как показывают следующие в деле документы, московский генерал-губернатор А.А. Закревский и в самом деле оказался крайне недоволен публичным чествованием Андрееновой и требовал объяснений от управляющего конторой московских императорских театров А.Н. Верстовского [РГИА, 39—39об.]. Тот предложил толкование событий, существенно расходившееся с рапортом Мухина: якобы при поднятии занавеса публики в зале уже

практически не было [РГИА, 40—40об.]. В конечном итоге театральным чиновникам в конфликте с Закревским пришлось прибегнуть к покровительству высшего начальства — министра императорского двора князя П.М. Волконского, который поддержал версию Верстовского, не увидел в поддержке артистки ничего страшного и недвусмысленно попросил московского генерал-губернатора не вмешиваться в дела театра, а с претензиями обращаться напрямую к нему, министру [РГИА, 72—73].

Разумеется, рапорт Мухина важен еще и тем, что предлагает взгляд на события с точки зрения, прямо противоположной той, что выражена в романе Писемского. Общее мнение публики на стороне Андреяновой, а акция подается как хамская выходка частных лиц, за которыми не стоит никакого общественного мнения⁶.

Кому был адресован текст Мухина, неизвестно. В деле сохранился другой документ — описание событий, сделанное для Гедеонова Верстовским. Несмотря на то что в существенной части донесение Верстовского повторяет рапорт Мухина, приведем его полностью. Этот несколько путаный и стилистически неряшливый рапорт существенно уточняет наши представления о событиях того вечера:

«Его высокопревосходительству господину директору императорских театров.

Конторы императорских московских театров.

Рапорт.

Вчерашнего числа случилось происшествие, о котором контора императорских московских театров обязанностию считает со всею подробностью довести до сведения вашего высокопревосходительства.

По репертуару и афишам 2-го сего декабря назначены были 5-го числа на Большом театре сцены из 1-го акта оперы “Норма” и балет “Жизель”; но в пятницу 3-го числа это отменено, и вместо того объ-

⁶ В деле сохранились два анонимных стихотворения. Одно, видимо, было преподнесено Андреяновой кем-то из коллег или поклонников вскоре после инцидента: «Не лей ты слез твоих напрасно, / Не сыпь ты жемчуга души, / Храни святыни дар прекрасной / И перед Богом не греши! / Ужель невежда, раб, татарин / В плаще наемного глупца / Иль именитый русский барин / Унизить может дар Творца? / Нет, слез не лей ты Бога ради, / Артистки гордость сохрани / И подлость, сделанную сзади, / В лицо пятою подави!» [РГИА, 39] Другое стихотворение адресовано исполнителям акции и называется «Друзьям мертвой кошки»: «Вчера вся публика и даже все артисты / Восстали вдруг шитом танцовщицы своей, / И вы остались так гадки и нечисты, / Как то животное, что бросили вы ей! / Она останется талантливой артисткой, / Хоть вам ее талант как на глазу бельмо, / И ваш поступок черный, низкий / Кладет на вас самих позорное клеймо» [РГИА, 40].

явлены “Тимон Афинянин” и балет “Пахита”, которые составляли спектакль этого вечера⁷.

В 1-м акте балета “Пахита” г-жа Андреенова и Монтасю танцевали Сальтарелло, который публика заставила повторить, но по окончании танца, когда посетители вторично аплодировали, вдруг из верхнего яруса лож брошена была на сцену черная мертвая кошка с привязанною к хвосту бумажкою и надписью “1-я танцовщица”; в это время все посетители встали и громкими аплодисментами желали ободрить г-жу Андреенову, хлопали, даже дамы в ложах, а г. обер-полицмейстер тотчас приказал запереть все выходы из театра и для розысков сам пошел на балкон амфитеатра, предполагая, что это было брошено оттуда.

По разысканию, сделанному в то же время со стороны дирекции, открылось, что в литерной ложе 3-го яруса, с правой стороны, сидело двое мужчин, оба в шинелях, и во время самого происшествия вышли из ложи и пошли по лестнице из 3-го яруса вниз, к ним присоединился еще мужчина во фраке, вышедший из сортира, и в литерную ложу все трое уже не возвращались; по всем вероятностям, это были те лица, которых отыскивали, но они скрылись; по мнению конторы, они могли иметь другую ложу в 3-м же или во 2-м ярусе, куда и поместились после сделанного поступка, ибо внизу их никто не видал. Ложа эта была куплена на имя Иванова.

Почти в это же время из купонной ложи 2-го яруса № 13-й вышли и пошли вниз по лестнице двое мужчин, дворянин Валериан Толгузин и мещанин Федор Сергеев, которых г. обер-полицмейстер, встретя, приказал взять и отправить в Тверскую часть. Несмотря на все это г-жа Андреенова кончила весь балет и по окончании публика вызывала ее многократно громким аплодисментом; после того все артисты, бывшие на сцене с согласия г. исправляющего должность инспектора репертуара стали аплодировать на сцене, причем поднята была зановесь, и аплодисмент на сцене слился с аплодисментом оставшейся еще публики. Г-жу Андреенову опять вызвали на сцену.

Кошка вчерашнего же вечера отправлена в Тверскую часть и доведено о сем до сведения господина московского военного генерал-губернатора через г. обер-полицмейстера, который сам о том и докладывал его сиятельству. К отысканию виновных приняты меры со стороны полиции.

Капельдинер Дроздов, человек, известный дирекции своею честностию и исправностию, находившийся в этот спектакль с правой

⁷ Замена спектакля заинтересовала городское и министерское начальство, которое, видимо, именно в этом предпочло сначала увидеть причину скандала. В деле содержится подробное объяснение сложных причин этой замены, связанных с интригами балерины Ирки Матиас [см.: РГИА, 58–62об.].

стороны 3-го ряда лож, взят по требованию г. обер-полицмейстера в Тверскую часть, где теперь и находится.

О последствиях, какие откроются по сему делу, контора будет иметь честь донести вашему высокопревосходительству.

Управляющий конторою Верстовский
6 декабря 1848 г.»

[РГИА, 34–35]

Приведенные рапорты написаны по горячим следам, существенно дополняют корпус мемуарных текстов о событиях 5 декабря 1848 г. и позволяют дополнительно контекстуализировать соответствующие фрагменты романа «Взбаламученное море». На наш взгляд, Писемский, как считается, лично присутствовавший на спектакле [Плеханов, 1986: 56], не выступает ни за, ни против Андреяновой, ни за, ни против московской студенческой солидарности. Он изображает скандал как знак времени, а участие героя как этап его человеческого становления. Молодость и товарищество дают энергию, которая может растрачиваться на смелые, но вполне уродливые и бессмысленные поступки.

Сам же случай с Андреяновой, как кажется, прекрасно объясняет опасения имперских властей, связанные с театром. В отличие от сегодняшнего театра, пространства чисто эстетического переживания, театр середины XIX в. легко становился ареной вполне реальных столкновений⁸. За предпочтением той или иной балерины может стоять сопротивление чиновничьему произволу, патернализму и даже коррупции.

Список литературы

1. *Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 249–280.
2. *Без подписи.* Смесь // Исторический вестник. 1892. № 8. С. 481–488.
3. *Белов С.В.* Каченовский Владимир Михайлович // Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1 (А–К). СПб., 2001. С. 377–378.
4. *Берг Н.В.* Московские воспоминания // Русская старина. 1884. № 10. С. 53–71.
5. *Бокова В.М.* Каченовский Владимир Михайлович // Русские писатели 1800–1917. Т. 2 (Г–Л). М., 1992. С. 516.

⁸ Такие столкновения происходили не только в конце 1840-х годов. Ср., например, известнейшую историю ссылки П.А. Катенина (1822) или баталии вокруг пьесы Н.И. Чернявского «Гражданский брак» (1866). В статье А.И. Рейтблата приводятся донесения агента III отделения, присутствовавшего на премьере «Гражданского брака» [Рейтблат, 2014].

6. *Бокова В.М.* Комментарии // Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999.
7. *Вольф А.И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Часть I. Годовые обозрения русской и французской драматической сцены, оперы и балета. СПб., 1877.
8. *Галахов А.Д.* Записки человека. М., 1999.
9. *Каратыгин П.А.* Записки. СПб., 2011.
10. *Книгочий <Языков Д.Д.>* Каченовский Владимир Михайлович // Библиографические записки. 1892. № 9. С. 652–654.
11. *Плеханов С.Н.* Писемский. М., 1986.
12. *Плещеев А.А.* Наш балет (1673–1899). Балет в России до начала XIX столетия и балет в Санкт-Петербурге до 1899 года. СПб., 2009.
13. *Пыляев М.И.* Замечательные чудачки и оригиналы. М., 2020.
14. *Рейтблат А.И.* Пьеса «Гражданский брак» и ее автор глазами агента III отделения // Рейтблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 339–355.
15. *Соловьев С.П.* Двадцать пять лет из жизни московского театра // Ежегодник императорских театров. Сезон 1902–1903. Прилож., кн. 1. С. 92–130.
16. *Стахович А.А.* Ключки воспоминаний. М., 1904.
17. *Танеев С.В.* Из прошлого императорских театров. В 5 вып. Вып. 3. М., 1886.
18. *Усов П.С.* Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1882. Т. 7. С. 345–362.
19. *Frame M.* School for Citizens. Theatre and Civil Society in Imperial Russia. Yale UP, 2006.

Архивный источник

РГИА — О службе танцовщицы солистки Елены Андреевны // Российский государственный исторический архив. Ф. 497. Оп. 1. Д. 8624.

Andrey Fedotov

THE BALLERINA ANDREYANOVA AND THE DEAD CAT: AN ARCHIVAL COMMENTARY ON A FRAGMENT OF A. F. PISEMSKY'S NOVEL VZBALAMUCHENNOE MORE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article offers a commentary on a fragment of Alexey Pisemsky's novel *Vzbalamuchennoe More*, in which Moscow students prepare and then take an action against the ballerina Elena Andreyanova who performed on tour in Moscow. During one of the performances a dead cat was thrown onto the stage

from the audience hall. The episode actually took place in 1848 and led to a severe punishment of someone involved. The investigation of this case, which involved both the police and theater departments, as well as the Moscow authorities, led to the severe punishment of at least one participant of the action. Meanwhile in the novel the episode is practically not interpreted by the author in any way and the explanations offered by the main character Baklanov rather mislead the modern reader. The attempt made in the article to systematize memoir and archival sources is aimed at commenting on the “dark” episode of the novel and at the same time reconstructing the circumstances of a truly egregious scandal at the Bolshoi Theater. The article interprets the audacious attack on the dancer as a protest against the explicit promotion of the theater director Alexander Gedeonov’s mistress to the detriment of the favorite of Moscow theater-goers Ekaterina Sankovskaya, as an episode of the confrontation between the Moscow and St. Petersburg theater schools and as an opposition action in its own way. The archival documents on Andreyanova’s service published in the article allow us not only to reconstruct the events of 1848, but to better understand the role of the theater as a platform for public performances in this era.

Key words: Alexey Pisemsky; Vzbalamuchennoe More; Elena Andreyanova; Ekaterina Sankovskaya; history of the Russian theatre; historical and literary commentary; publication of archival documents.

About the author: *Andrey Fedotov* — PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anfed86@icloud.com).

References

1. Afanasjev A.N. Moskovskii universitet (1844–1848) [Moscow University (1844–1848)]. *Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, 1989, pp. 249–280.
2. Unsigned. Smes [Notes]. *Istoricheskii vestnik*. 1892. № 8, pp. 481–488.
3. Belov S.V. Kachenovskii Vladimir Mikhailovich. *F.M. Dostoevskii i ego okruzhenie. Entsiklopedicheskii slovar. Vol. 1 (A–K)*. St. Petersburg, 2001, pp. 377–378.
4. Berg N.V. Moskovskie vospominaniya [Moscow Memories]. *Russkaja starina*. 1884. № 10, pp. 53–71.
5. Bokova V.M. Kachenovskii Vladimir Mikhailovich. *Russkie pisateli 1800–1917. Vol. 2 (G–L)*. Moscow, 1992, pp. 516.
6. Bokova V.M. Kommentarii [Commentaries]. *Galakhov A.D. Zapiski cheloveka*. Moscow, 1999.
7. Volf A.I. Khronika peterburgskikh teatrov s kontsa 1826 do nachala 1855 goda [Chronicle of St. Petersburg Theaters from the End of 1826 to the Beginning of 1855]. Vol. 1. St. Petersburg, 1877.
8. Galakhov A.D. Zapiski cheloveka [One’s Notes]. Moscow, 1999.
9. Karatygin P.A. Zapiski [Notes]. St. Petersburg, 2011.
10. Knigochii <Yazykov D.D.> Kachenovskii Vladimir Mikhailovich. *Bibliograficheskie zapiski*. 1892. № 9, pp. 652–654.

11. Plekhanov S.N. Pisemskii [Pisemsky]. Moscow, 1986.
12. Pleshcheev A.A. Nash balet (1673–1899). Balet v Rossii do nachala XIX stoletija i balet v Sankt-Peterburge do 1899 goda [Our Ballet (1673–1899). Ballet in Russia until the beginning of the 19th century and ballet in St. Petersburg until 1899]. St. Petersburg, 2009.
13. Pyljaev M.I. Zamechatelnye chudaki i originaly [Wonderful Oddballs and Originals]. Moscow, 2020.
14. Reitblat A.I. Pjesa “Grazhdanskii brak” i ee avtor glazami agenta III otdelenija [The Play “Civil marriage” and its Author in the Eyes of an Agent of the Third Department]. *Reitblat A.I. Pisat poperek. Stati po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow, 2014, pp. 339–355.
15. Solovjev S.P. Dvadtsat piat let iz zhizni moskovskogo teatra [Twenty-Five Years of the Moscow Theatre]. *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov*. Season 1902–1903. Annex., vol. 1, pp. 92–130.
16. Stakhovich A.A. Klochki vospominanii [Pieces of Memories]. Moscow, 1904.
17. Taneev S.V. Iz proshlogo imperatorskikh teatrov [From the Past of the Imperial Theaters]. Vol. 3. Moscow, 1886.
18. Usov P.S. Iz moikh vospominanii [From My Memories]. *Istoricheskii vestnik*. 1882. Vol. 7, pp. 345–362.
19. Frame M. School for Citizens. Theatre and Civil Society in Imperial Russia. Yale UP, 2006.

Archival reference

On the Service of the Dancer Elena Andreyanova. *Russian State Historical Archive*. Collection 497. Inventory list 1. File 8624.

Чэн Лян

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ
И ПРОСТРАНСТВО
В РОМАНЕ СКИТАЛЬЦА «ДОМ ЧЕРНОВЫХ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Впервые предпринято исследование пространственно-временной организации романа «Дом Черновых» Скитальца (С.Г. Петрова, 1869–1941), в котором судьба художника Валерьяна Сомова и история семьи купцов Черновых воссоздана на фоне панорамы России начала XX в. Скиталец работал над романом в Харбине (1922–1934), где он оказался после революции, в начале 1920-х годов. Пространственно-временной континуум романа необычайно велик. Центральная сюжетная линия разворачивается на протяжении двух десятилетий (начиная с 1890-х и заканчивая празднованием первой годовщины Октябрьской революции) и включает множество пространственных перемещений персонажей, что предопределяет тяготение к эпической конструкции и эволюцию системы ценностей главного героя. По жанру «Дом Черновых» — семейный роман, в котором особое значение имеет жизнь молодого человека, втянутого в конфликты в семействе Черновых. Но это роман и исторический, где обстоятельно даны приметы времени, показано взаимодействие социальных слоев русского общества первых двух десятилетий XX в. — купечества, творческой интеллигенции, революционеров-эмигрантов, артистической богемы, мелких служащих. Художественное время «транслируется» и через противоборство художественных направлений — реализма, модернизма и авангарда. Первая мировая война дает новый отсчет субъективному времени: герой получает возможность разрешить любовный конфликт. Пространство отразило размышления Скитальца об исторических сдвигах в России (значимы оказываются описания городской среды, усадьбы в центре России). И все это оказывается необходимым для выявления особенностей становления Валерьяна Сомова как художника и как личности.

Ключевые слова: Скиталец (С.Г. Петров, 1869–1941); художественное пространство; художественное время; автобиографический роман; эпика.

Чэн Лян — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: chengliangvila@yandex.ru).

Понятия времени и пространства относятся к основным элементам культуры, играя одну из важнейших ролей в мышлении. Индивидуальная манера писателя обязательно проявляется в особенностях художественного времени и пространства. Это отчетливо видно в романе Скитальца «Дом Черновых», претендующем на эпический размах, отразившем исторический слом в России начала XX в. и кризис героя, попавшего в жернова истории.

Над романом «Дом Черновых» Скиталец (Степан Гаврилович Петров, 1869–1941) работал в эмиграции в течение почти 10 лет, пытаясь осмыслить пройденный им путь и душевный кризис. Автобиографическая основа романа несомненна. Указывалось на прототипичность многих героев [Бейсов, 1962: 478–479], отмечалось, что произведения Скитальца построены «в большинстве своем на автобиографическом материале» [Трегубов, 1955: 615; Селивановский, 1959: 168].

«Дом Черновых» — семейный роман, в котором особое значение имеют факты жизни молодого художника Валерьяна Сомова, втянутого в конфликты в купеческом семействе Черновых. Но это роман и исторический, в котором воссоздана масштабная картина России начала XX в. в тесном взаимодействии социальных слоев — купечества, творческой интеллигенции, революционеров-эмигрантов, богемы, мелких служащих. Роман охватывает почти двадцать лет. Действие происходит в приволжском городе, Крыму, Москве, Петербурге, на юге Европы.

В «Доме Черновых» художественное время находится в сложных отношениях с реальным историческим и «вымышленным». Организация представляет собой многоуровневую структуру, синтезирующую разные типы и формы времени. Историческое, природное, субъективное времена сливаются и переплавляются.

Покажем, как время переживается через природные явления. В третьей части, после смерти главы семьи Силы Гордеича и разрушения дома, произошедшего из-за пожара во время крестьянского бунта, автор рисует весенний волжский пейзаж: «Волга разлилась во всю ширь, на деревьях только что распустились нежно-зеленые листья. <...> Город, расцвеченный старыми церквями и монастырями, окутанный зелеными палисадниками, тих и живописен» [Скиталец, 1962: 411–412]. Тишина природы резко контрастирует с предшествующими событиями. Там рухнула целая жизнь, изменился весь прежде крепкий жизненный уклад — здесь, в природе, всё осталось неизменным.

Природные процессы цикличны. Весна в литературе обычно является символом начала новой жизни. Тем более это так у Ски-

тальца, склонного к романтическому мышлению. Пробуждение природы — залог новой жизни. Начало новой жизни совпадает не только с крушением дома Черновых, бывшего оплотом старой России, но и с определенным историческим моментом: отречением царя и событиями, ведущими к окончанию войны с Германией. В ранней волжской весне совпадают природное и историческое времена.

И все же в «Доме Черновых» историческому времени отведено самое значительное место. В русском реализме обычно «реальные исторические события непосредственно входят в текст произведения, а время действия определяется с точностью не только до года и месяца, но даже до дня» [Есин, 2004: 187]. События частной жизни героев комбинируются с реальными историческими фактами. Так, в седьмой главе первой части сказано, что Семов и Наташа женаты три года и у них двухлетний сын. Фабульное время обозначено точно, указано конкретное число: 17 октября 1905 г. Это время обретения свобод, связанных с царским манифестом. Можно сделать вывод, что начало романа относится к 1902 г.

В конце первой части есть такой эпизод: «Валерьян развернул “Севастопольский вестник” вслух прочел слова, напечатанные очень крупным шрифтом: — “Германия объявила войну России”» [Скиталец, 1962: 308]. Следовательно, это 1 августа 1914 г., когда начался новый отсчет исторического времени: Первая мировая война. Историческое время «вольется» в субъективное время героя: именно теперь жизнь Сомова резко изменится. Узнав, что его жена, которая тяжело и давно болеет, полюбила своего лечащего врача, и это становится для нее последней ниточкой, связывающей с жизнью, Семов, чтобы не быть свидетелем мучительных отношений, решает отправиться на фронт военным корреспондентом. Так историческое время оказывается «удобной» подсказкой для героя, позволяя ему изменить судьбу.

В восьмой главе третьей части фиксируется важнейшее историческое событие: «отречение царя, появление Временного правительства и большевиков, не согласных с правительством» [там же: 413]. Завершение сюжетной линии в финале связано с годовщиной революции и с официальным окончанием войны (октябрь-ноябрь 1918 г.). Хотя в романе редко появляются конкретные даты (об одной из них сказано выше), ряд признаков позволяет определить время действия с достаточной точностью.

Признаки исторического времени отражаются в укладе жизни героев. Особенно интересно проследить изменение исторического времени через указание на смену направлений в искусстве. Се-

мов — художник-реалист, пользовавшийся успехом у публики, что позволяло ему оставаться финансово независимым и не брать денег у тестя. Но вот на смену реализму пришли новые направления, изменились предпочтения зрителей и покупателей — и это роковым образом влияет на личную жизнь художника. Теперь его картины не покупают. А так как ему необходимы деньги на лечение жены, он попадает в зависимость от ее отца, выдающего им скудный паек. Так теснейшим образом оказываются сплетены долг, любовь, благородство и «рыночная стоимость» произведения искусства.

Пространство в романе также разнообразно. Выше было уже сказано о его природном характере (волжский пейзаж). Но не менее значимо и пространство социально-бытовое. Пространство природы в основном противостоит пространствам, созданным людьми. Определителями первого является «множество ландшафтных и климатических элементов, а также воспринимаемый предметный мир» [Михайлова, 1989: 33]. Открытое пространство представлено образами «реки», «гор», «леса», «поля», «озера», «морья» и т.д.; особенно важна Волга, фигурирующая почти во всех произведениях Скитальца (он уроженец одного из сел Самарской губернии). Волга им почти всегда рисуется в светлых тонах: река «изумительно сверкала <...> под ярким весенним солнцем у подножия зеленой горы, возглавляемой белокаменным городом и пятью золотыми куполами старинного собора» [Скиталец, 1962: 146]. Она резко контрастирует с темным домом Черновых (напомним, что там почти все время находится больная женщина, что предопределяет его мрачный колорит). У Скитальца природное пространство обычно всегда представляет собой гармоничное целое, соединение с которым вселяет в человека бодрость. И только отрицательные персонажи не в состоянии переродиться: так, Сила Гордеич, глядя на Волгу, вспомнил свою долгую тяжелую жизнь, и общение с природой не приносило ему облегчения.

Не менее прекрасна, чем Волга, крымская природа. В конце первой части автор рисует Байдарскую долину. Там Семов построил дачу, и этот дом выглядит иным, чем дом скопидома-тестя. Теплота, с которой описывается дом в Крыму, объясняется тем, что Скиталец действительно жил там в 1910–1913 гг. и, видимо, на чужбине воспоминание согрело его душу.

Прекрасный Крым не может оставить равнодушным даже Силу Гордеича, всю жизнь подчинившего стяжательству, но в конце жизни переживающего крах. Когда он приехал проведать семью своей дочери, перед его глазами «неожиданно предстала широкая, овального вида зеленая долина в несколько верст длиною, окаймленная

голубыми горами, густо заросшими кудрявым лесом» [там же: 155]. Но далее мы видим красоту пейзажа уже не глазами старика. Красоту долины живописует автор, хотя, возможно, его видение совпадает с видением героя, живописца Семова. Вот откуда цветовые контрасты, сочные краски: «голубые горы», «зеленый простор», «красные маки», которые, «словно кровью», обрызгивали «изумруды хлебных полей» [там же: 158]. Здесь проявляется романтическое мировидение Скитальца, а упоминание о крови подсказывает, что «для автора важно <...> символическое значение» [Дмитриевская, 2005: 69] цвета. Это как предсказание трагического конца жизни Наташи, которую сведет в могилу и тяжелейшая болезнь, и, возможно, яд, который будет подсыпать ей в еду сестра, боящаяся недополучить свою долю наследства.

Не менее ярко, чем Крым, обрисован французский Лазурный берег, где Скиталец жил с женой накануне революции, и швейцарский курорт Давос. После смерти младшей дочери жена Семова тяжело заболела. Поэтому они оказались в городе, куда обычно съезжались больные туберкулезом. Вот почему Давос возникает как «умирающий город», где «высоко в снежных горах копошатся <...> почти отошедшие от земли и жизни земной» люди. «Земля осталась где-то глубоко внизу, а они, уже приговоренные к смерти, зацепились на пути в небеса, на последнем этапе, между землей и облаками, где уже веет безжизненной пустыней вечности. Неподвижными рядами лежат они на балконах, в меховых мешках, закрывающих все тело, кроме головы, молча впитывая целительный воздух и ликующие лучи давосского зимнего солнца» [Скиталец, 1962: 168]. Холодный безжизненный зимний пейзаж приобретает символическое звучание: он отражает тоску и одиночество Семова и Наташи, которые находятся вдали от родины. Другое дело прекрасный городок Виллафранка, где они встречают весну и любят восхитительным морем: «Лазурная морская даль горит под солнцем, а по ней, то появляясь, то исчезая, мелькают белые гривы волн, напоминающие как бы живые существа, которые то выскакивают на поверхность моря, то снова погружаются в бездну. <...> Бескрайное море прозрачно, залито весенним солнцем и чуть-чуть колышется» [там же: 227–228]. Именно там у героев появляется надежда на исцеление. И Семов, знакомясь с эмигрантами-революционерами, начинает ощущать прилив жизненных сил.

Социально-бытовое пространство складывается из усадебного и внутридомового, эпизодов, связанных с войною. Писатель описывает усадьбу Черновых как «темное царство». Такое название дала ей Наташа, одна из дочерей купца, для которой замужество становится

возможностью вырваться из затхлого мира. И здесь точка зрения героини соответствует авторской: Скиталец воспроизводит кризис семьи Черновых как показатель крушения социального института буржуазии, как крушение устоев России, оказавшихся ложными. Немаловажное значение имеет и прирученный по желанию Наташи волк, дикий зверь, рвущийся на волю. Он становится ее двойником. И так же, как она, в конце концов, погибает.

Местом действия является и дом как особое пространство: «Старый дом чернел на возвышенном месте, на берегу замерзшей извилистой реки. Дом царил над всей окружающей ширью, но казался сумрачным и унылым. Окружавшие его акации в серебряной снежной парче казались мертвыми тенями, неподвижно смотревшими в длинные венецианские окна, а широкий двор, обнесенный высокой кирпичной стеной, напоминал старинную крепость или тюрьму. Казалось, что строили этот дом суровые, мрачные люди, не знавшие веселья и счастья» [там же: 49]. Автор сравнивает дом Черновых со «старинной крепостью или тюрьмой». Мертвенными выглядят даже деревья, то, что обычно символизирует жизнь. Мотив смерти возникает неслучайно в самом начале: все завершится смертью главы рода Силы Гордеича, смертью Натальи, гибелью волка и пожаром усадьбы.

Свидетельствует о конце эпохи и разрушение города во время войны, увиденное глазами Семова. «Большие дома, шикарные отели стояли безжизненные: окна изнутри были закрыты ставнями или опущенными шторами, двери заколочены, магазины заперты. Стало тихо и мертво кругом. Валерьян сделал несколько поворотов, миновал главную улицу и наконец попал на окраину. Здесь оказалось еще грязнее и пустынее. Изредка кое-где мелькали странные темные фигуры в рваных длиннополых костюмах, да и те, завидя чужого человека, тотчас же испуганно исчезали: это были местные жители» [там же: 360]. Иными словами, мертвенность обступает главного героя со всех сторон. Это мертвенность старого мира, требующего обновления.

Стоит отметить, что помимо «реального» в романе «Дом Черновых» присутствует и фантастическое пространство. Во второй части романа возникает сон художника: «Ему снилось, что он взбирается на высокую гору, с трудом одолевает каменистые ступени, забрался на самый верх, оглянулся и сам удивился: когда это он успел подняться на такую высоту?» [там же: 265]. «Сон синтезирует фантастику и реальность, являя собой особое пространство, в котором реальность и фантастика сосуществуют на равных» [Щукина, 2009: 62]. Здесь вершина горы соответствует положению, которое занял Семов в кругу художников. Но его растерянность свидетельствует о зыбкости и непрочности этого положения, которое действительно

скоро пошатнется, так как авангардные художественные школы займут лидирующее место, и он тщетно будет пытаться встроиться в новую реальность. Сон, как зеркало, отразил внутренний мир героя, его страхи и сомнения, касающиеся и его творческой судьбы, и непонимания им отношений в семье.

Как видим, художественное пространство и время отражают размышления Скитальца об историческом движении России, которое он осмысляет в этом произведении и в широком культурном контексте. Ведь главное в романе — это становление и формирование Сомова как художника и как личности. Писателя интересует жизнь отдельного человека во взаимосвязи с историческим временем и как фактор, создающий время.

Список литературы

1. *Бейсов П.С.* Скиталец (С.Г. Петров) // Скиталец. Дом Черновых. Ульяновск, 1962. С. 466–490.
2. *Дмитриевская Л.Н.* Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). М., 2005.
3. *Есин А.Б.* Время и пространство // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М., 2004. С. 182–197.
4. *Михайлова Димитрина.* Время и пространство «Хатынской повести» // Болгарская русистика. 1989. № 2. С. 25–35.
5. *Селивановский А.* В литературных боях: Избранные статьи и исследования. М., 1959.
6. *Скиталец.* Дом Черновых. Ульяновск, 1962.
7. *Трегубов А.С.* Скиталец // Скиталец. Избранные произведения. М., 1955. С. 611–622.
8. *Шукина Д.А.* Трансформации пространства в русской прозе XX века (от Михаила Булгакова к Виктору Пелевину) // The South African Journal for Slavic Central and East European Studies. 2009. Vol. 15. № 1. С. 59–72.

Cheng Liang

TIME AND SPACE IN SKITALETS'S THE HOUSE OF CHERNOVS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a first-ever study of the spatial and temporal organization of the novel *The House of Chernovs* by Skitalets (pseudonym of S.G. Petrov, 1869–1941), in

which the fate of the artist Valerian Semov and the history of the Chernov family of merchants are recreated against the background of the Russian panorama of the early 20th century. Skitalets worked on the novel in China's Harbin (1922–1934), where he lived after the 1917 Bolshevik revolution. The spatial-temporal continuum of the novel is unusually large. The central storyline unfolds over two decades (from the 1890s to the celebration of the first anniversary of the revolution) and includes many travels of the characters, which predetermines the propensity for epic construction and the evolution of the value system of the protagonist. *The House of Chernovs* is a family novel which, specifically, describes the life of a young Russian artist, Valerian Semov. It is also a historical novel which shows in detail the signs of the time, the interaction of social classes in the first two decades of the 20th century. Artistic time is also broadcast through the confrontation of art movements: realism, modernism and avant-garde. The First World War marks a new beginning for personal time: the hero gets the chance to resolve his love conflict. The space reflects Skitalets's thoughts about historical shifts in Russia (descriptions of the urban environment and the manor house in central Russia are significant). And all this proves necessary to reveal the specifics of Valerian Semov's formation as an artist and as a person.

Key words: Skitalets (S.G. Petrov, 1869–1941); fictional space; fiction time; autobiographical novel; epic.

About the author: *Cheng Liang* — PhD student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: chengliangvila@yandex.ru).

References

1. Beisov P.S. Skitalets (S.G. Petrov) Skitalets. *Dom Chernovykh*. [Skitalets. *The house of the Chernovs*] Ulyanovsk, *Ulyanovskoe knizhnoe izdatelstvo*, 1962, pp. 466–490. (In Russ.)
2. Dmitrievskaya L.N. *Peizazh i portret: problema opredeleniya i literaturnogo analiza (peizazh i portret v tvorchestve Z.N. Gippius)* [Landscape and portrait: the problem of definition and literary analysis (landscape and portrait in the works of Z.N. Gippius)]. Moscow, *Litera*, 2005. 135 p. (In Russ.)
3. Esin A.B. Vremya i prostranstvo [Time and space]. *Vvedenie v literaturovedenie*. Pod red. L.V. Chernets. Moscow, *Vysshaya shkola*, 2004, pp. 182–197. (In Russ.)
4. Mikhailova Dimitrina. Vremya i prostranstvo «Khatynskoi povesti» [Time and Space of “The Khatyn Story”] *Bolgarskaya rusistika*. 1989. № 2, pp. 25–35. (In Russ.)
5. Selivanovsky A. V literaturnykh boyakh: Izbrannye stati i issledovaniya [In Literary Battles: Selected Articles and Research]. Moscow, *Sovetskii pisatel*, 1959. 462 p. (In Russ.)
6. Skitalets. *Dom Chernovykh*. [The house of Chernovs] Ulyanovsk, *Ulyanovskoe knizhnoe izdatelstvo*, 1962. 489 p. (In Russ.)

7. Tregubov A.S. *Skitalets. Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury, 1955, pp. 611–622. (In Russ.)
8. Shchukina D.A. Transformatsii prostranstva v russkoi proze XX veka (ot Mikhaila Bulgakova k Viktoru Pelevinu) [Transformations of Space in Russian Prose of the XX Century (from Mikhail Bulgakov to Viktor Pelevin)] *The South African Journal for Slavic, Central and East European Studies*. 2009. Vol. 15. № 1, pp. 59–72. (In Russ.)

И.Н. Коржова

**МАГИЯ ГРАММАТИКИ В СТИХОТВОРЕНИИ
К. СИМОНОВА «ЖДИ МЕНЯ»**

*Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего образования
«Московский финансово-промышленный университет “Синергия”»
125190, Москва, Ленинградский проспект, 80*

Статья посвящена 80-летию со дня публикации стихотворения К. Симонова «Жди меня» в газете «Правда» за 14 января 1942 г. Однако содержанием работы стал не функциональный анализ произведения, а его имманентное изучение. В статье предпринята попытка объяснить феномен успеха стихотворения и силу его воздействия, опираясь на исследование поэтики грамматических форм. Утверждается, что доминирование среди морфологического состава стихотворения местоимений и глаголов обусловило легкость «присвоения» читателями содержания текста. Оппозиции личных форм местоимений и глаголов помогают оформить противопоставление героя и его адресата другим людям и внешним обстоятельствам. Обращение к приему последующей наррации (термин Ж. Женетта) в последней строфе создает впечатление сбывшегося пророчества и позволяет психологически утвердиться в вере в спасительную силу любви. Эффект гармонизации финала также обеспечивается благодаря появлению местоимения множественного числа «мы» и инверсии синтаксических структур. Нагнетание испытаний в первых двух строфах передано с помощью цепочки сложноподчиненных предложений. В третьей строфе те же типы придаточных выступают в препозиции, создавая эффект зеркальности описываемых ситуаций. Незначительные нарушения лексической сочетаемости позволили представить ожидание как таинственное, почти магическое действие и оформить мотив чуда. В результате анализа грамматического уровня стихотворения выявлено противопоставление категорий «персональности — имперсональности», реализующихся в двусоставных и односоставных, преимущественно безличных предложениях. Благодаря этой оппозиции подспудно выражается идея о личной ответственности за судьбу свою и другого.

Ключевые слова: К. Симонов; «Жди меня»; поэтика грамматики; мотив чуда; персональность — имперсональность; концепция судьбы.

Коржова Инесса Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Московского финансово-промышленного университета (e-mail: clean24@yandex.ru).

Восемьдесят лет назад П.Н. Пospelов, переступив через убеждение, что на фронтах и в тылу воюющей страны нужна поэзия гражданская, громкая, решился опубликовать в возглавляемой им «Правде» стихотворение К. Симонова «Жди меня», уже отвергнутое «Красной звездой» и газетой «На штурм». Хотя 9 декабря 1941 г. стихотворение прозвучало по радио, а позже вышло в «Новом мире» (№ 11–12 за 1941 г.¹) и книгах Симонова 1942 г., но публикация в ведущей газете страны была для произведения, безусловно, судьбоносной.

Слово «заклинание» почти сразу возникло на устах слышавших стихотворение, правда, скорее, как метафора, чем как жанровое обозначение. Симонов вспоминал: «Первым слушателем “Жди меня” был <...> Кассиль. Он сказал мне, что стихотворение, в общем, хорошее, хотя немного похоже на заклинание» [Симонов, 1979–1987: Т. 8, 206]. В статье В. Александрова про наиболее яркий прием «Жди меня» сказано: «Написать эти стихи нужно было именно с такими заклинательными повторениями» [Александров, 1943: 160]. И.И. Ковтунова справедливо объясняет силу влияния произведения особенностью его формы: «Концентрация повторов резко усиливает заклинательный смысл. Например, композиционный повтор повелительной формулы почти в каждой строке первой строфы стихотворения К. Симонова “Жди меня”» [Ковтунова, 1986: 125]. Хотя и сама степень обнаженного лиризма уже резко выделяла произведение на фоне предвоенной лирики [Чудакова, 2002].

В последние годы исследователи обратились к прямому выявлению общности стихотворения с культовыми текстами. Прямолинейно, но слабо аргументировано сопоставление «Жди меня» с молитвой «Отче наш» А.К. Углицких [Углицких, 2009]. И.В. Кукулин, принявший сопоставление стихотворения с заклинаниями, в итоге корректирует устоявшееся определение: «В заговорах и заклинаниях встречаются устойчивые эпитеты, грамматические параллелизмы и т.п., но для поэтики такого рода текстов в традиционной русской культуре нехарактерно столь навязчивое повторение одного и того же глагола в повелительном наклонении — и вообще суггестивное нагнетание одного и того же слова» [Кукулин, 2014]. Требования практикума для иностранных студентов побудили Н.Д. Стрельникову [Стрельникова, 2016] обратиться к грамматике «Жди меня» и в итоге сделать наблюдения, решающие не только дидактические задачи, в частности ею отмечена особая роль пунктуационного оформления рефрена.

¹ Даты не должны обмануть при установлении первенства публикаций: этот номер журнала был подписан в печать только весной 1942 г.

Таким образом, языковая структура «Жди меня» как стихотворения-заклинания частично становилась предметом изучения. Целью данной статьи является широкое, не зависящее от жанромоделирующего, «заклинательного» потенциала форм исследование грамматики произведения как содержательного уровня, что находится в русле востребованного ныне подхода к поэзии, предложенного Р. Якобсоном [Якобсон, 1983].

Морфологический уровень. Именно особенность частеречного состава создает впечатление предельной интимности, которое изначально мешало публикации стихотворения. Его мир удивительно разрежен для тяготеющего к предметной детали Симонова, снижен и уровень тропеизации. «Желтые дожди»² — единственный самобытный и живописно выпуклый образ. Два других прилагательных («дальних мест» и «горькое вино») близки к постоянным эпитетам, наречные эпитеты — качественные наречия [Виноградов, 2001: 306–307] — и вовсе отсутствуют.

Стоит ожидать, что ведущая роль достанется существительным, но и этого не происходит. Их число 5–8–3 соответственно в каждой из трех строф. На первое место в стихотворении выходят местоимения и глаголы. Распределение последних таково: 16–13–12 (в подсчет включены и глагольные формы). Из них 17 с корнем «ждать», корень также повторен в отглагольном существительном «ожидание». Из всего разнообразия действий героине вменено одно — «жди», на другие наложен запрет: «не желай добра», «выпить не спеши». В финале с героиней связан и другой глагол — «спасла», но в контексте стихотворения он является, по сути, перфектом к «ждала». Ожидание оказывается особым, почти сакральным действием: в финале появляется составное глагольное сказуемое «умела ждать», где вспомогательный глагол представляет ожидание как некоторую практику, а не психическое состояние.

Интересен вопрос о нормативности сочетания «очень жди». Не добавляя подробностей в описание ожидания, оно меняет статус самого действия. В «Грамматике — 80» это наречие отнесено к группе собственно-характеризующих, возможность сочетаться с глаголом для них отрицается [Русская грамматика, 1980: Т. 1, 702]. Но В.В. Виноградов включает слово в особую группу количественных наречий, для которых такая возможность существует. Однако впечатление нарушения нормы вызывает не столько лексико-грамматическая природа сочетающихся слов, сколько добавление наречия к форме

² Здесь и далее стихотворение, кроме особо оговоренных случаев, цитируется по изданию [Симонов, 1979–1987: Т. 1, 158–159].

императива. Язык тонко отражает представление о том, в какой мере возможно управлять внутренней жизнью человека. И если глаголы со значением психологического состояния или состояния, переходящего в действие, в целом могут использоваться в императиве, то прибавление к ним количественного наречия («очень плачь», «очень кайся») ощущается уже как нарушение нормы. Однако лирический герой перешагивает через эту границу возможного влияния на другого.

Герою в стихотворении предписаны также только два действия: «вернись» и «выжил», паре — одно, «будем знать», что усиливает впечатление закрытости их опыта, доступного лишь двоим ведовства любви. Прочие глаголы отражают само течение жизни, разнообразные испытания и своим обилием подчеркивают неизменность реакции героини.

Один из секретов популярности стихотворения связан с системой местоимений. В строфах произведения их 5–7–16 соответственно. Эстетический эффект «Жди меня» основан не только на количестве, но и на распределении местоимений. Вместе с глаголами они ясно обозначают систему лиц. В стихотворении она привычно трехчленная: я — ты — все, другие, они (разряды неважны). Влюбленные противопоставлены всем остальным: «других не ждут», «ты умела ждать, / Как никто другой». Местоимение «все» дважды обозначает людей, с которыми героиня постепенно теряет общность («Всем, кто вместе ждет», «Всем, кто знает наизусть»). В третьей строфе обращение к тому же местоимению («всем смертям назло»), тем более подчеркнутое анафорой, неслучайно: чужими становятся и опасный мир, и круг людей; влюбленные отделены и от того и от другого. И одновременно те, кто оставил надежду, по своему губительному влиянию уравниваются со смертью.

В первых публикациях (в «Правде», «Новом мире» и отдельном издании «С тобой и без тебя») одна из строк имела другое пунктуационное оформление. В стихе «Не понять неждавшим, им...» [Симонов, 1941: 2; 1942: 18], обособленное, местоимение обрело конкретный десигнат и негативные коннотации.

В конце третьей строфы впервые звучит местоимение «ты», трижды повторяясь в пяти последних строках, что на фоне отсутствия его ранее выглядит как грамматическая эмфаза. Эта форма указывает на преодоление разделенности любящих, переход к новому, гармоничному состоянию. Таким образом, местоимения образуют четкую структуру, которая лишена предметности и способна наполняться индивидуальным содержанием. Это позволило миллионам читателей легко отождествлять себя с героями стихотворения.

Динамику в трехкомпонентную систему лиц вносят наречия. Всего их в финальной, закреплённой в издании 1979 г. редакции семь. О наречии «очень» уже говорилось. Четыре наречия в стихотворении относятся к группе обстоятельственных [Виноградов, 2001: 306–307; Русская грамматика, 1980: Т. 1, 702]. Два из них даны в составе устойчивых выражений «всем смертям назло» и «знать наизусть», то есть обозначают базовые реакции и действия. Другая пара активно динамизирует систему лиц. Мир стихотворения постепенно сужается до двоих влюбленных. В первой строфе наречие «вместе» еще фиксирует некоторую общность людей, хотя их единство уже начинает разрушаться: «Жди, когда уж надоест / Всем, кто вместе ждет». В следующей строфе героиня должна отказаться от участия в ритуале, который сплачивает остальных: «Жди. И с ними заодно / Выпить не спеши». Третья строфа не содержит наречий со значением совместности, им противопоставлена выделительно-ограничительная частица «только»: «Будем знать / Только мы с тобой».

Дважды повторено в последней строфе местоименное наречие «как» («как спасла», «как выжил»). Указывая на некоторый особый способ действия, но не называя его, оно вводит мотив тайны, некоей магии любви, вера в которую и составляет смысл стихотворения. Отметим, что в отдельном издании цикла «С тобой и без тебя» покров этой тайны снимался. Особенность пунктуации превратила частицу «просто» в качественное наречие: «Как я выжил <...> — / Просто: ты умела ждать...» [Симонов, 1942: 18] (в «Новом мире» вместо двоеточия в той же функции поставлена запятая, а вот в «Правде» знаки препинания в строке отсутствовали). Выделение слова подчеркивает исключительную роль женской верности, но вместе с тем придает ожиданию оттенок легкости, рассеивает ореол исключительности. Возможно поэтому пунктуация была возвращена к изначальной.

Мотив чуда эксплицитно присутствует в стихотворении Симонова и определяет особенность категории времени. В последних строках стихотворения поэт прибегает к форме, названной Ж. Женеттом «последующей нарацией» — «предсказательным повествованием, обычно в будущем времени» [Женетт, 1998: 229]. Эта форма генетически возводится исследователем к сфере магии, отмечено обращение к ней в «пророчестве, апокалипсическом видении, оракуле, астрологическом предсказании, гадании по руке, по картам и снам и т.д.» [Там же].

Финал «Жди меня» словно увиден из будущего, еще не произошедшие события обретают статус свершившихся: «Как я выжил,

будем знать / Только мы с тобой». Финал вдвойне связан с чудом: в нем не просто засвидетельствована сила спасительной женской любви, но и показана магия слов героя, побудившего женщину к чуду, о чем говорит переход от императива «жди» к форме изъявительного наклонения «умела ждать». Также демонстрируется пророческая способность героя видеть сквозь толщу дней и лет.

Синтаксический уровень. В стихотворении Симонов изображает мир подчеркнуто персональных действий, делая почти каждое событие делом чьих-то рук. Большинство предложений в стихотворении двусоставные или определенно-личные. Но именно поэтому необычайно важны неопределенно-личные и безличные конструкции, оформляющие оппозицию персональности — имперсональности. Уже в первой строфе испытания, ожидающие героиню, все более обезличиваются: сначала «дожди наводят грусть», «снега метут», потом появляется назывное предложение «жара», неопределенно-личное «других не ждут». Сопротивляться приходится уже не явному препятствию, а некоей атмосфере. Далее имперсональность только возрастает, появляются безличные предложения: «пишем не придет», «надоест».

В следующих строфах сам герой сохраняет требовательный взгляд, возлагающий ответственность на окружающих: «всем, кто знает», «сын и мать поверят», «друзья устанут ждать». А вот аргументы этих третьих лиц, их мысли, рассуждения ищут безличную форму: «забыть пора», «нет меня».

Прямое противопоставление двух форм дано в финале. «Неждавшие» так и не постигают возможности своего участия в судьбе ближних. Их «повезло» не только семантически, но и грамматически обнажает бездну непонимания. И своим безверием они сами низведены до объектов судьбы: «не понять не ждавшим им...» Так углубляется возникшее на уровне местоимений противопоставление: «они», «другие» не просто не ждут, но и мыслят иначе, чем герои.

Сложный эффект достигнут поэтом при выстраивании цепочки сложноподчиненных предложений. Описывая ситуацию ожидания, Симонов будто спускается все ниже и ниже по лестнице придаточных. Неизвестность оказывается бездной, но поэт, постепенно освещая ее глубины, требует от возлюбленной одного — ждать. Эффект спуска создается благодаря тому, что в новых предложениях бывшие придаточные второй степени оказываются уже придаточными первой, открывая под собой еще одну ступень подчинения и т.д.³

³ Классификация дана по [Валгина, 2003].

В первой строфе длительность испытаний передавалась излюбленным у Симонова приемом нанизывания однородных конструкций (придаточных времени с союзом «когда»). Но в конце строфы за этими предложениями открывается следующий уровень: «Жди, когда уж надоест / Всем, кто вместе ждет». Это приместоименно-определятельное придаточное второй степени словно приближается во второй строфе, присоединяя изъяснительное: «<...> Не желай добра / Всем, кто знает наизусть, / Что забыть пора». И далее происходит еще один спуск, когда придаточное изъяснительное становится придаточным первой степени: «Пусть поверят сын и мать / В то, что нет меня». Этот эффект последовательного присоединения новых конструкций поддерживается повтором союзов и соотносительных слов.

В третьей строфе используются те же виды придаточных: приместоименно-определятельное «Кто не ждал меня, тот пусть / Скажет...» и изъяснительные: «Не понять, не ждавшим им, / Как среди огня...» и «Как я выжил, будем знать...». В двух из трех случаев мы отмечаем препозицию придаточного. Зеркальность предложений снова выделена повтором: союзное слово «кто», глагол «знает» поддерживают связь со второй строфой. Такое построение создает грамматический контраст, который укрепляет противопоставленность семантическую: мрак ожидания сменяется светом соединения.

Анализ стихотворения сквозь призму поэтики грамматических категорий позволяет утверждать, что произведение пронизано системой динамических оппозиций, в реализации которых важно противопоставление третьей строфы первым двум. Прояснен механизм, способствовавший эмоциональному присвоению этого стихотворения читателями, — это слабая предметность и преобладание местоимений. Притягательность произведения связана и с имплицитно проведенным мотивом чуда. Его источниками является как герой, способный силой слов побуждать героиню к ожиданию и прозревать время, так и героиня, своей верностью спасающая героя от смерти. Ожиданию придан характер некоего магического умения, в тайны которого и посвящается читатель. Особой воздействующей силой обладает финал, в котором с убедительной наглядностью воссоздан счастливый исход разлуки, для чего соединяются возможности разных уровней (появление местоимения «мы», смена времени и наклонения глагола, зеркальность синтаксических структур). Анализ грамматики стихотворения также позволил сформулировать важную для Симонова идею противостояния личности безличной судьбе.

Список литературы

1. *Александров В.* Письма в Москву (К. Симонов «С тобой и без тебя» и «Стихи 1941 г.») // Знамя. 1943. № 1. С. 149–160.
2. *Валгина Н.С.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 2003.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 2001.
4. *Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. Т. 2. М., 1998.
5. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
6. *Кукулин И.В.* Легализованное заклинание в интерьере советского бирдмайера: о возможных жанровых, стилистических и социокультурных истоках стихотворения К. Симонова «Жди меня» // Уроки истории. 2014. 28 окт. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52199> (дата обращения: 30.05.2021).
7. *Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова.* М., 1980.
8. *Симонов К.* Жди меня // Правда. 1942. 14 янв. С. 2.
9. *Симонов К.* С тобой и без тебя. М., 1942.
10. *Симонов К.М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1979–1987.
11. *Стрельникова Н.Д.* Симонов К.М. «Жди меня, и я вернусь» // В мире русской поэзии: В 2 ч. Ч. II. СПб., 2016. С. 153–157.
12. *Углицких А.К.* Симоновское «Жди меня, и я вернусь»: молитва или молитвословие? // Братина. М., 2009. Вып. 1. С. 223–234. URL: http://lit.lib.ru/u/uglickih_a_k/text_0040.shtml (дата обращения: 30.05.2021).
13. *Чудакова М.О.* «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // НЛО. 2002. № 58. С. 223–259.
14. *Якобсон Р.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983. С. 462–482.

Inessa Korzhova

THE MAGIC OF GRAMMAR IN K. SIMONOV'S POEM 'WAIT FOR ME'

*Moscow University for Industry and Finance "Synergy"
80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125190*

The article is dedicated to the 80th anniversary of the publication in Pravda daily of Konstantin Simonov's poem "Wait for me". The paper attempts to explain the phenomenon of the success of the poem and the power of its impact, based on the study of the poetics of grammar. The dominance of pronouns and verbs in the poem's morphological composition has led to the easy "appropriation" of the content by the reader. Oppositions of personal forms of pronouns and verbs help to

form the opposition of the hero and his addressee to other people and circumstances. The appeal to subsequent narration technique (the term by G. Genette) in the last stanza creates the impression of a fulfilled prophecy and allows you to believe that love saves. The harmonizing effect of the final is also provided by the appearance of the plural pronoun “we” and the inversion of syntactic structures. The pressure of the tests in the first two stanzas is conveyed using a chain of complex sentences. In the third stanza, the same types of subordinate clauses appear in the preposition, creating the effect of mirroring the described situations. Violations of lexical compatibility made it possible to present the expectation as a magical ritual and to formulate a miracle motive. Also, the analysis of the grammatical level of the poem has revealed the opposition of “personality-impersonality”, realized in two-member and one-member sentences. This opposition has enabled latent expression of the idea of personal responsibility for the fate of one’s own and someone else.

Key words: Simonov; “Wait for me”; poetics of grammar; the motive of a miracle; personality-impersonality; the concept of fate.

About the author: *Inessa Korzhova* — PhD, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Moscow University for Industry and Finance (e-mail: clean24@yandex.ru).

References

1. Aleksandrov V. Pis'ma v Moskvu (K. Simonov “S toboi i bez tebya” i “Stikhi 1941 g.”) [Letters to Moscow (K. Simonov “With you and without you” and “Poems of 1941”)]. *Znamya*, 1943, № 1, pp. 149–160. (In Russ.)
2. Valgina N.S. Sovremenniy russkii yazyk. Sintaksis [Contemporary Russian language. Syntax.]. Moscow: *Vyssh. shk. Publ.*, 2003, 416 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V.V. Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [The Russian language: grammatical studies on the word]. Moscow: *Russkii yazyk Publ.*, 2001, 720 p. (In Russ.)
4. Genette G. Figury [Figures]. V 2 t. T. 2. Moscow: *Izd-vo im. Sabashnikovoykh*, 1998, 472 p. (In Russ.)
5. Kovtunova I.I. Poeticheskii sintaksis [Poetic syntax]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1986, 205 p. (In Russ.)
6. Kukulin I. Legalizovannoe zaklinanie v inter'ere sovetskogo biedermaiera: o vozmozhnykh zhanovykh, stilisticheskikh i sotsiokul'turnykh istokakh stikhotvoreniya K. Simonova “Zhdi menya” [Legalized spell in the interior of the Soviet Biedermeier: on possible genre, stylistic and socio-cultural origins of K. Simonov’s poem “Wait for me”] *Uroki istorii*, 2014, 28.X. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52199> (accessed: 30.05.2021).
7. Russkaya grammatika [Russian grammar]. V 2 t. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: *Nauka Publ.*, 1980. (In Russ.)
8. Simonov K. Zhdi menya [Wait for me] *Pravda*, 1942, 14.I, p. 2. (In Russ.)
9. Simonov K. S toboi i bez tebya [With you and without you]. Moscow: *Pravda Publ.*, 1942, 48 p. (In Russ.)
10. Simonov K.M. Sobr. soch. v 10 t. [Collected works in 10 vol.]. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1979–1987. (In Russ.)

11. Strel'nikova N.D. Simonov K.M. "Zhdi menya, i ya vernus'" [Simonov K.M. "Wait for me, I will return"]. *V mire russkoi poezii* [In the world of Russian poetry.] V 2 ch. Ch. II. Saint Petersburg: *Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena*, 2016, pp. 153–157. (In Russ.)
12. Uglitskikh A.K. Simonovskoe "Zhdi menya, i ya vernus'": molitva ili molitvoslovie? [Simonov's "Wait for me, I will return": prayer or words of supplication?]. *Bratina*. Moscow, 2009, Vyp. 1, pp. 223–234. URL: http://lit.lib.ru/u/uglickih_a_k/text_0040.shtml (accessed: 30.05.2021).
13. Chudakova M.O. "Voennoe stikhotvorenje Simonova "Zhdi menya..." (iyul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovetskogo vremeni [Simonov's "war" poem "Wait for me" (July 1941) in the Soviet literary process]. *NLO*, 2002, № 58, pp. 223–259. (In Russ.)
14. Jacobson R. Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry grammar and grammar of poetry]. *Semiotika*. Moscow: *Raduga Publ.*, 1983, pp. 462–482. (In Russ.)

Ди Сяоя

ОБРАЗ МОСКВЫ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Сычуаньский университет иностранных языков

Китай, 400031, г. Чунцин, район Шапинба, ул. Чжуанчжи, 33

Исследуется композиционная роль образа Москвы в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Сюжетные линии сходятся в московском хронотопе: здесь пересекаются пути центральных персонажей. Средством создания образа Москвы становится городской пейзаж. Это не только архитектурный облик города, но и его трансформации, связанные со сменой времен года. Так, например, зима в Москве создает сказочный мир, приобретающий положительную оценку не только благодаря красоте, но и из-за волшебной вечерней жизни, связанной с праздником Рождества и Нового года. Образ города транслирует душевное состояние персонажей. Естественная (в противоположность Петербургу) Москва наполняет душу героя противоположными чувствами страха и любви, испуга и восторга. Для Пастернака родной город — и источник вдохновения, и радостная весть, и надежда, и любовь. Однако иногда город несет в себе отрицательные смыслы, как это происходит при описании событий 1905 г., предвещающих испытания и неминуемую катастрофу. В московских главах, описывающих революционные события, отражается кризис старой России, содержится предсказание трагической неизбежности перемен. Для Пастернака Москва — сочетание прошлого, настоящего и будущего, старого и нового. Не случайно герой умирает в Москве, которая, будучи соизмерима с Вечным городом, тем самым уже преодолевает небытие. Это подчеркивается заключительной сценой: именно в Москве друзья Юрия Андреевича Гордон и Дудоров читают его «Завет» — книгу стихов, которая завершает роман композиционно: события, описанные в нем, осмысливаются лирически.

Ключевые слова: «Доктор Живаго»; образ Москвы; хронотоп; миф; Вечный город.

Московская тема занимает важное место в творчестве Пастернака. Его восприятие этого города во многом индивидуально и отличается от традиционного к нему отношения [Жолковский, 1991], писатель считал, что там его корни: он родился и вырос в Москве. Н.Я. Мандельштам писала, что «Пастернак — домашнее, свое, московское явление» и что «этой московской своей природой он понятен деятелям

Ди Сяоя — кандидат филологических наук, профессор Сычуаньского университета иностранных языков (Китай) (e-mail: ninadi@163.com).

нашей литературы». Москва, по ее мнению, «от рождения принадлежала Пастернаку», однако «в какой-то момент ему могло показаться, что он отказался от своего наследства, но этого не случилось и все осталось при нем» [Мандельштам, 2014: 230, 233]. Отчасти поэтому Юрий Живаго за некоторое время до смерти пишет о Москве свои «статьи и стихотворения», которые «были на одну тему», и «их предметом был город» [Пастернак, 2010: 610].

Москве в романе Пастернака «Доктор Живаго» отведена особая композиционная роль. Москва организует композицию романа, связывает его сюжетные линии, служит местом пересечения жизненных путей героев. Лара, Юрий, Тоня в Москве провели самые счастливые и чудесные годы. Здесь они учились, женились, рожали детей. Роман завершается эпизодом встречи друзей Живаго — Гордона и Дудорова — за чтением стихов Юрия Андреевича. Москва символизируется: она воплощает собой идею родного дома, святого города, духовного центра жизни всего русского народа. Л.В. Суматохина справедливо полагает, что «в романе “Доктор Живаго” образ Москвы становится центром хронотопа, хотя большая и, может быть, важнейшая часть событий сюжета разворачивается на Урале и в Сибири» [Суматохина, 2004: 150].

Образ Москвы в романе «Доктор Живаго» имеет хронотопический и культурно-психологический характер. Эти векторы воплощаются в мифологическом начале города, в смене времен года и в архитектурном облике. Московская зима оказывается сказочным миром, который приобретает положительную оценку. Так, в третьей части «Ёлка у Свентицких» представлен зимний московский пейзаж. Москва видится таинственно-сказочной, будто сошедшей со страниц легенд и древних преданий. Преображение городской реальности в сознании Живаго и самого автора связано в данном случае с чудом Рождества, всё объясняет святочная жизнь, которая отзывается радостью в северном городском быту. «...Внутри них теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в прятки и колечко дурачащиеся ряженные» [Пастернак, 2010: 138].

Рождество в глазах Лары имеет сходную сказочную характеристику. В этот момент Лара готова к отчаянному поступку. Риск героини отражает ее смелость — против зла, воплощенного в Комаровском. Однако чудо Рождества таит надежду. Лара и Юра схожи в восприятии города. Это подчеркивает духовную близость героев. Образ Москвы, согласно их ощущениям, тесно связан с идеей Рождества. Таким образом, мифология города как бы включает рождественский миф.

Для Пастернака город — не «зло прогресса», что отчасти шло вразрез с традицией осмысления городского пространства в русской

литературе, а олицетворение человеческой духовности и тепла [Пастернак, 1997: 559].

Москва становится центром всех перемещений персонажей. Куда бы их ни заносила судьба, они непременно возвращаются в Москву (Юрий Живаго — дважды, причем из противоположных точек, с запада и с востока, затем Тоня, ее отец, дети, Лара). Не случайна тут отсылка к «Трем сестрам» Чехова с лейтмотивом «В Москву! В Москву!..», когда один из героев говорит: «Здесь у нас были четыре сестры Тунцевы, на одну больше, чем у Чехова...» [Пастернак, 2010: 347].

Очень важную роль в «Докторе Живаго» играют четыре дома: три в Москве, четвертый — Юрятинский. Прежде всего это новоотстроенный дом по Камергерскому переулку возле Художественного театра. «Паша жил в комнате, которую Лара сама приискала и сняла ему у тихих квартирохозяев...» [Пастернак, 2010: 76]. Здесь Лара мечтала обвенчаться с Пашей и уехать учителями в один из губернских городов на Урале. Позже Юра с Тоней проедут здесь же в санях на Рождество, и герой увидит «черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон», сквозь которую «просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало» [Пастернак, 2010: 138]. Зима 1911 г. была своего рода «прологом» к грядущей любви Юрия и Лары. Произошла их первая встреча. Проезжая в санях по заснеженным улицам, Юра наблюдает праздничную Москву: в окнах домов видны елки, играющие и дурачащиеся ряженые и гости. Всё это — на фоне сказочного зимнего пейзажа, основными конструктивными элементами которого становятся лед, снег и иней, т.е. замерзшая, застывшая вода.

С одной стороны, разворачивающийся перед читателем московский зимний пейзаж неподвижен и даже безжизненен — нет ничего, кроме снега и льда. Но с другой — за этой кажущейся неподвижностью струится скрытая жизнь: за промерзшими стеклами домов — нарядные и веселые люди, за ледяным наростом окна в Камергерском — теплый огонек свечи, который замечает Юра. Он шепчет: «Свеча горела на столе...» Рождество инициирует творческое начало. Этот момент — переломный для всего дальнейшего хода романа. Именно здесь Пастернаком тонко показан момент становления Юрия как поэта, как самобытной личности и как мужчины. Это своего рода символическая «инициация» Живаго. Блок был тогда в моде, им «брехала вся молодежь обеих столиц» [Пастернак, 2010: 137], и каждый уважающий себя журнал считал необходимым напечатать обстоятельную статью о поэте. Юра соглашается дать материал и раздумывает над статьей. И вдруг, именно во время по-

ездки на елку к Свентицким, Юра понимает, что «никакой статьи о Блоке не надо» [Пастернак, 2010: 138]. Он вдруг постигает, что его призвание — не в том, чтобы рассуждать о других, а в том, чтобы творить самому. Этот момент творческого самосознания, творческой «инициации» делает анализируемый московский эпизод одним из ключевых в романе.

Однако иногда город у Пастернака несет отрицательные смыслы — когда он описывает революционные события 1905 г. В это время семья Лары переехала в Москву. С помощью покровителя Комаровского они поселились в гостинице «Черногория»: «Это были самые ужасные места Москвы, лихачи и притоны, целые улицы, отданные разврату, трущобы “погибших созданий”» [Пастернак, 2010: 70]. Перед читателем предстает картина старого, грязного, безобразного уголка и хаотичная сторона Москвы, в которой отражается глубокий кризис старой России, предсказывающий неизбежность перемены и революции. И Москва для Лары, приехавшей из провинции, не есть рай, а начало ее трагической судьбы. Московский мир в этом фрагменте противоположен светлому образу Лары. Оттого героиня вызывает у читателей сочувствие. Чистая Лара должна бы жить в чистом, светлом месте. Но судьба распорядилась иначе. В этот момент Лара еще не предвидела драматизма своей женской судьбы и не осознавала, какие сложные отношения свяжут ее, Комаровского, Антипова и Юрия Живаго.

Есть в романе яркие описания, например, Петровских линий, которые «производили впечатление петербургского уголка в Москве»: «Соответствие зданий по обеим сторонам проезда, лепные парадные в хорошем вкусе, книжная лавка, читальня, картографическое заведение, очень приличный табачный магазин, и очень приличный ресторан, перед рестораном — газовые фонари в круглых матовых колпаках на массивных кронштейнах» [Пастернак, 2010: 95]. Здесь, как будет подчеркнуто в романе, «снимал роскошную холостяцкую квартиру на втором этаже по широкой лестнице с широкими дубовыми перилами Виктор Ипполитович Комаровский» [Пастернак, 2010: 95]. В этих фрагментах отражается другая Москва 1905 г. — престижная, роскошная, приличная и богатая. Такая Москва принадлежит таким, как Комаровский.

Очевидно, что контрастные описания одного города свидетельствуют о глубоком общественном противоречии и большой разнице, которая существовала между разными социальными слоями. По сравнению с «Черногорией» это другой мир. Сопоставление этих миров в революционных вихрях утверждают мысль о власти таких, как Комаровский — над Ларой. И хотя героиня — человек сильный, ей сложно противостоять его воле и его власти. Москва в период

Октябрьской революции тоже страдает от насилия. Дома разрушены. Люди пребывают в растерянности. Город оказывается голодным, холодным и беспорядочным, являет страшное зрелище.

Москва выполняет в романе и психологическую функцию, поскольку образ города соотносится с душевными переживаниями героев. Отметим одну важную метафору, которая способствует созданию единого художественного пространства романа — с Москвой в его центре. Это метафора «город — лес». Она возникает в романе неоднократно. Впервые — в сознании повзрослевшего Юрия Живаго, вспоминающего детское чувство утраты после смерти матери: «Но главное, был действительный мир взрослых и город, который, подобно лесу, темнел кругом. Тогда всей своей полуживотиной верой Юра верил в Бога этого леса, как в лесничего» [Пастернак, 2010: 146]. «Внешний мир обступал Юру со всех сторон, осязательный, непроходимый и бесспорный, как лес, и оттого-то был Юра так потрясен маминой смертью, что он с ней заблудился в этом лесу и вдруг остался в нем один, без нее» [там же: 145]. «Город-лес» наполняет душу героя противоположными чувствами: страхом и любовью, «испугом и восторгом», как скажет Пастернак о собственных «ощущениях младенчества» в очерке «Люди и положения».

Пастернаковский образ «города-леса» подтверждает одну особенность Москвы и, вероятно, «московского текста» в целом, которую отметил В.Н. Топоров: «Московское пространство противопоставляется Петербургу и его пространству как нечто органичное, естественное, почти природное (отсюда обилие растительных метафор в описаниях Москвы), возникшее само собой, без чьей-либо воли, плана, вмешательства — неорганическому, искусственному, сугубо “культурному”, вызванному к жизни некоей насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом» [Топоров, 1995: 272–273].

Пастернак указывает маршруты своих московских героев и героинь. Это прежде всего Арбат, Охотный ряд и улицы, параллельные им, — Тверская, Тверская-Ямская, Дмитровка. Есть вторая цепь улиц — Кузнецкий мост, Камергерский переулок, Газетный переулок, Большая Никитская. Лариса Федоровна, только что приехавшая из Иркутска в Москву, описывает, как она идет, очень подробно: «Иду и иду, спускаюсь случайно по Кузнецкому, поднимаюсь по Кузнецкому переулку, и вдруг что-то до ужаса, до крайности знакомое, Камергерский. Здесь расстрелянный Антипов, покойный муж мой, студентом комнату снимал, именно вот эту комнату, где мы с вами сидим. Дай, думаю, наведуясь, может быть, на мое счастье живы старые хозяева. Что их и в помине нет и тут все по-другому, это ведь я потом узнала, на другой день и сегодня, постепенно из опросов,

но ведь вы были при этом, зачем я рассказываю? Я была как громом сражена, дверь с улицы настежь, в комнате люди, гроб, в гробу покойник» [Пастернак, 2010: 619].

Московский университет часто появляется в романе «Доктор Живаго», причем не только как высшее учебное заведение. Он в этом романе символизирует интеллигенцию. В этом кругу живут представители московских семей: Юрий Живаго (медик), Ника Дудоров (историк), Миша Гордон, Паша Антипов (филолог), Тоня (юрист), Лара (курсистка). Университет и круг интеллигенции придают Москве особое значение. Чувствуется его живая интеллектуальная мысль.

Изображает Пастернак в своем романе и московское лето, которое в городе бывает и прекрасно, и тяжело. Юрий Андреевич записывает: «Я живу на людном городском перекрестке. Летняя, ослепляемая солнцем Москва, накаляясь асфальтами дворов, разбрасывая зайчики оконницами верхних помещений и дыша цветением туч и бульваров, вертится вокруг меня и кружит мне голову и хочет, чтобы я во славу кружил голову другим. Для этой цели она воспитала меня и отдала мне в руки искусство» [там же: 611]. Московское лето может быть и мучительным: «Была ужасная жара в городе, когда Лару “повезли под златвенец”, как цыганским панинским басом мурлыкала себе под нос Людмила Капитоновна, убирая Лару перед выездом. Были пронзительно желты золотые купола церквей и свежий песок на дорожках гуляний. Запылившаяся зелень березок, нарубленных накануне к Троицыну дню, понуро висла по оградкам храмов, свернувшись в трубочку и словно обгорелая. Было трудно дышать, и в глазах рябило от солнечного блеска. И словно тысячи свадеб справляли кругом, потому что все девушки были завиты и в светлом, как невесты, и все молодые люди, по случаю праздника, напомажены и в черных парах в обтяжку. И все волновались, и всем было жарко» [там же: 156].

День, когда Лара и Паша венчались, был жарким, и потому сам обряд оставляет неприятное чувство, предсказывает несчастье. Через год после свадьбы, не пережив внутреннего горя от прошлого Лары, Паша уехал на фронт. Дома осталась Лара с Катенькой. Лара много лет ищет своего мужа, она знает, что Паша уже стал символической фигурой. Их линии жизни больше не пересекутся. Московское лето задает тон их личной истории и личной трагедии, выполняя в каком-то смысле сюжетобразующую функцию.

Кроме Москвы, в «Докторе Живаго» речь идет еще о многих городах — от Варшавы до Тамбова, от Архангельска до Оренбурга, от Ирбита до Ставрополя, от Иркутска до Поволжья. В романе Пастернак упоминает маленькие города: Сухиничи Калужской гу-

бернии, Чернь Тульской губернии, а также — большое количество как будто бы глухих уральских и сибирских местностей и рек, и чуть ли не все они, на самом деле, вымышленные: Юрятин, Варыкино, Развилье, — Пастернак смешивает действительные и вымышленные географические названия.

В эпилоге романа Москва, пережив войну, встречает новую эпоху: «Прошло пять или десять лет, и однажды тихим летним вечером сидели они опять, Гордон и Дудоров, где-то высоко у раскрытого окна над необозримою вечернею Москвою. Они перелистывали составленную Евграфом тетрадь Юрьевых писаний, не раз ими читанную, половину которой они знали наизусть. Читавшие перекидывались замечаниями и предавались размышлениями <...>. И Москва внизу и вдали, родной город автора и половины того, что с ним случилось, Москва казалась им сейчас не местом этих происшествий, но главною героиней длинной повести, к концу которой они подошли к тетрадь в руках в этот вечер» [там же: 644].

Москва на протяжении всего повествования изображается как одушевленное существо, наделенное характеристиками человека, концентрирующее все определения, относящиеся к России в целом. Москва фактически и оказалась героиней романа, наряду с ее другими персонажами. Москва в данном случае не просто олицетворяется, она обретает качества участницы событий, литературного героя. Кроме того, локус становится символом, знаком всего романного пространства. Значение этого символа раскрывается определениями «святой», «боготворимый» город. Е.Н. Смирнова верно отмечает, что здесь уместно провести параллель «Москва — Иерусалим», а «Юрий Живаго все время возвращается в Москву, а стихи он пишет на Евангельскую тему» [Смирнова, 2009: 20]. Прозаическая часть сюжетно заканчивается в Москве, а поэтическая часть имеет локальный финал в Иерусалиме. Таким образом, символическая значимость образа Москвы расширяется до пределов города всех городов.

Параллель с Иерусалимом, на наш взгляд, акцентирует вечные смыслы в любимом городе Пастернака. Здесь история как будто повергается вневременным — отсюда спокойствие и тишина, сила и стойкость Москвы, пережившей немало в своей истории. Для Пастернака родной для него город есть и источник вдохновения, и радостная весть, и надежда, и жизнь, и бремя испытаний, и указание на неминуемую катастрофу. Не случайно герой романа умирает в Москве, которая, будучи сопоставима с Вечным городом, тем самым уже преодолевает небытие. Для Пастернака Москва есть сочетание прошлого, настоящего и будущего, старого и нового, что есть в России. И его герой со знаковым для Москвы именем Юрий должен умереть в Москве еще и потому, что Москва — символ духа

России. Образ Москвы сакрализируется, город становится не только центром культуры России, но и вновь предстает как Вечный город, как источник любви к миру и человечеству.

Список литературы

1. *Жолковский А.К.* «Мне хочется домой, в огромность...» Б. Пастернака: «социальный заказ» // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1991. Т. 50. № 1. С. 20–34.
2. *Мандельштам Н.Я.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014.
3. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. СПб., 2010.
4. *Пастернак Е.* Борис Пастернак: Биография. М., 1997.
5. *Суматохина Л.В.* Москва в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Москва и «московский текст» в русской литературе и фольклоре. М., 2004. С. 150–157.
6. *Смирнова Е.Н.* Языковые средства выражения пространственных отношений в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009.

Di Xiaoxia

THE IMAGE OF MOSCOW IN THE NOVEL “DOCTOR ZHIVAGO”

*Sichuan International Studies University
33, Zhuangzhi Road, Lieshimu, Shapingba District, Chongqing, 400031, PR China*

The article examines the special role of the image of Moscow in Pasternak's novel *Doctor Zhivago*. The story lines converge in the Moscow chronotope: the lifeways of the central characters intersect here. The means of creating the image of Moscow is the cityscape. The cityscape not only changes as a result of the architecture of the city, but also as a result of the changing seasons. For example, winter in Moscow creates a fairytale world, which becomes a positive image not only because of its beauty, but also because of the magical evening life associated with Christmas and New Year's Eve celebrations. The image of the city conveys the state of mind of the characters. Moscow, being natural (as opposed to St. Petersburg) fills the hero's soul with opposing feelings of fear and love, fright and delight. For Pasternak, the hometown is a source of inspiration, joyful tidings, hope and love. However, the city sometimes carries negative connotations, as in the description of the revolutionary events of 1905, which portend trial and imminent disaster. The Moscow chapters describing revolutionary events reflect the crisis of old Russia and contain a prediction of the tragic inevitability of revolutionary change. For Pasternak, Moscow is a combination of past, present and future, old and new. It is no coincidence that the hero dies in Moscow, that as the Eternal City

overcomes non-existence. This is underlined by the final scene: it is in Moscow that Yuri Andreyevich's friends Gordon and Dudorov read his "Testament", a book of poems, which completes the novel compositionally: the events described in it are lyricized. At this point, the image of Moscow acquires sacred features, appearing as the Eternal City.

Key words: "Doctor Zhivago"; the image of Moscow; chronotype; myth; Eternal City.

About the author: *Di Xiaoxia* — PhD in Philology of Moscow State University; Professor, Faculty of Russian Language, Sichuan International Studies University (China) (e-mail: ninadi@163.com).

References

1. Zholkovskiy A.K. "Mne khochetsia domoi v ogromnost'..." B. Pasternaka: "sotsial'nyi zakaz" [B. Pasternak's "Wish to get home into hugeness...": a "social procurement"] *Izvestiia AN SSSR. Ser. literatury i iazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series] 1991. Vol. 50, № 1, pp. 20–34.
2. Mandel'shtam N. Ia. *Sobr. soch.: V 2 t. T. 1.* [Collected writings: in 2 vol.] Ekaterinburg, *GONZO Publishers with contributions from Mandelshtam Society*, 2014. 864 p.
3. Pasternak B.L. *Doktor Zhivago*. St. Petersburg: *Azbuka-klassika*, 2010.
4. Pasternak E. Boris Pasternak: *Biografiia* [Biography]. Moscow: *Tsitadel*, 1997. 728 p.
5. Sumatokhina L.V. Moskva v romane B.L. Pasternaka "Doktor Zhivago" [Moscow in B.L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"]. *Moskva i "moskovskii tekst"* v *russskoi literature i fol'klore* [Moscow and the "Moscow text" in the Russian literature and folklore]. Moscow: *MGPU*, 2004, pp. 150–157.
6. Smirnova E.N. *Iazykovye sredstva vyrazheniia prostranstvennykh otnoshenii v romane B. Pasternaka "Doktor Zhivago"*. *Avtoref. ... kand. filol. nauk* [Linguistic means of expressing space relations in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago": Candidate of philology theses ... synopsis]. Iaroslavl', 2009. 22 p.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ю.А. Матвеева

В.Л. ПУШКИН — ЧИТАТЕЛЬ СБОРНИКА *ANTHOLOGIE FRANÇAISE*

*Государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музей А.С. Пушкина»
119034, Москва, Пречистенка, 12/2*

Василий Львович Пушкин (1766–1830), дядя А.С. Пушкина, поэт и библиофил, собрал обширную библиотеку, которая не сохранилась. Сведения об этой библиотеке многочисленны, они содержатся в письмах В.Л. Пушкина, свидетельствах современников, бывавших у него в гостях, и художественных текстах. На основании указанных источников была сделана реконструкция библиотеки, работа над которой продолжается на сегодняшний день. Изучение французского сборника “*Anthologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Auquel on a joint des questions ingénieuses et piquantes, avec les réponses en vers*” (Paris, 1816. Т. 1) и сопоставление напечатанных в нем двух стихотворений с сочинениями В.Л. Пушкина позволяет предположить, что он имел эту книгу в своей библиотеке, а также уточнить авторство исследуемых текстов. Одно из произведений антологии (послание «К Софи, на ее отсутствие») В.Л. Пушкин вписал в альбом известной польской пианистки Марии Шимановской. Автограф В.Л. Пушкина был опубликован, но вопрос об авторстве оставался открытым. Идентичность публикации в “*Anthologie française*” и автографа свидетельствует, что стихотворение не принадлежит В.Л. Пушкину. Сопоставление другого стихотворения из “*Anthologie française*”, «Наивности» Ф.-Б. де ля Мюсса, с эпиграммой «Бабушка и внучка» В.Л. Пушкина позволяет утверждать, что сочинение В.Л. Пушкина — вольный перевод эпиграммы французского поэта. Среди антологических стихотворений В.Л. Пушкина есть и другие переводы из “*Anthologie française*” (связь которых с французским источником была ранее установлена), что подтверждает знакомство В.Л. Пушкина с антологией и позволяет ее включить в список книг его реконструируемой библиотеки.

Ключевые слова: история русской литературы XIX в.; В.Л. Пушкин; А.С. Пушкин; русско-французские литературные связи.

Матвеева Юлия Аркадьевна — кандидат филологических наук, хранитель экспозиции «Дома-музея В.Л. Пушкина» (филиала ГБУК «Государственный музей А.С. Пушкина») (e-mail: matjulia@yandex.ru).

Василий Львович Пушкин — дядя и «парнасский отец» Александра Пушкина, известный московский стихотворец, автор посланий, басен, сатир, эпиграмм, буриме, поэмы «Опасный сосед», знаток французской литературы, острослов и библиофил. Он собрал обширную библиотеку (о ней см. [Михайлова, 1980; Светлова, Матвеева, 2018]), получившую известность среди современников [Макаров, 1830: 167–168]; в завещании В.Л. Пушкина была указана библиотека «в книгах на разных диалектах в шкафах находящихся» [Завещание В.Л. Пушкина, 2000]. Поэт-любитель А.А. Кононов, бывший в 1829 г. в гостях у В.Л. Пушкина, вспоминал: «У него была огромная библиотека, но худо размещенная по тесноте дома; книги на полках шкапов стояли в три ряда <...>» [Кононов, 1869: 306–307]. В «Московских ведомостях» от 24 октября 1831 г. было размещено объявление: «Во Французской книжной лавке А. Семена на Кузнецком мосту, в доме Каразина, под № 422 продаются *книги из библиотеки покойного Василия Львовича Пушкина*, за уступкою 25 процентов. Ежемесячно будут печататься объявления, выписанные из каталога сей библиотеки, известной по хорошему выбору книг. Первое объявление вышло и роздается в упомянутой книжной лавке» (с. 3605)¹. Объявление было дано на французском и русском языках и дважды повторено на двух языках и еще трижды только на французском в других номерах «Московских ведомостей» в течение 1831 г.² Упомянутые выписки из каталога библиотеки В.Л. Пушкина (который был, по-видимому, составлен А.И. Семеном [1781–1862]) пока не найдены; неизвестна до сих пор судьба архива и библиотеки московского книгопродавца, в которых могли сохраниться сведения о книжном собрании В.Л. Пушкина или даже книги из его библиотеки [Маркова, 2018].

Реконструкция книжного собрания В.Л. Пушкина, которая отнюдь не может считаться завершённой, опирается на его письма [Пушкин В.Л., 1989; Письма В.Л. Пушкина к П.А. Вяземскому, 1983; РГАЛИ], свидетельства современников о его библиотеке и книжных пристрастиях, а также на художественные тексты, обращение к которым позволяет иногда не только уточнить представления о круге его чтения, но и установить авторство отдельных неподписанных текстов.

Двухтомное издание “Anthologie française”, о котором далее пойдет речь, имелось в библиотеке А.С. Пушкина [Модзалевский, 1988: 141–142. № 546], что позволяет предположить возможность

¹ Русский текст объявления был опубликован [Михайлова, 1983: 70].

² № 86 (28 октября). С. 3653; № 88 (4 ноября). С. 5740; № 95 (28 ноября). С. 4093; № 96 (2 декабря). С. 4158; № 98 (9 декабря). С. 4261.

знакомства с ним и дяди-поэта, который также мог включить книгу в состав своей библиотеки. Но к этому дело не сводится. В предисловии издатели охарактеризовали свой сборник как значительное и новое явление французской литературы. Если альманахи были распространены (один из самых известных — многолетний «Альманах муз»)³, то антология стихотворений, по-видимому, была относительно новым словом во французском книгоиздании. Во всяком случае, издатели сочли необходимым в предисловии сообщить о значении и происхождении слова «антология» и при этом указали лишь на два подобных издания (1765 и 1769 г.)⁴. В антологии собраны сочинения как известных в начале XIX в. авторов, таких как Ж.-Б. Руссо, Малерб, Вольтер, Арно, Дезожье, Демустье, госпожа Дезульер, так и тех, чьи имена мы не встретим в других сборниках того времени; часть публикаций анонимна. На титульном листе помещен эпиграф из письма мадам де Севинье от 18 августа 1680 г., подчеркивающий внимание составителей к мадригалам и эпиграммам: “Les Madrigaux me sont-ils pas les maris des Epigrammes? ce sont de si jolis ménages quand ils sont bons!”⁵ Для В.Л. Пушкина, как известно, эпиграмма была весьма значима: он был автором оригинальных сочинений в этом жанре, переводил в стихах эпиграммы других поэтов, использовал эпиграмматические приемы в поэме «Опасный сосед» (1811) [Михайлова, 2010].

В антологии, в частности, было напечатано без подписи послание “A Sophie, sur son absence”. В нем читаем:

*Éloigné des lieux où vous êtes,
Je souffre mille maux secrets;
Et je ne sais ce que je fais,
Quand j'ignore ce que vous faites*⁶.

Именно этот текст В.Л. Пушкин вписал в знаменитый альбом польской пианистки Марии Шимановской [Альбом Марии Шимановской. 1822—1831: 298; Гречаная, 2010: 357—358] (сведения об этом альбоме см. [Вяземский, 1879; Шур, 1987]). В настоящее время

³ См. библиографическое описание «Альманаха муз» [Bibliographie sommaire de L'Almanach des Muses (1765—1833), 1928].

⁴ “Nous connaissions déjà deux Anthologies françaises. L'une publiée par le sieur Monet en 1765, et l'autre imprimée chez Delalain en 1769” [Anthologie française: P. i].

⁵ «Разве мадригалы не мужья эпиграмм? они так прелестны, когда хороши!»

⁶ [Anthologie française: 39]. Первый русский перевод стихотворения выполнен Натальей Муромской (2019); помещаем его здесь с разрешения автора:

Когда вдали от Вас я нахожусь, увы,
То тысячью себя терзаниями терзаю.
И я совсем что делать мне не знаю,
Когда не ведаю, что делаете Вы.

альбом находится в Польской библиотеке в Париже [Альбом Марии Шимановской. 1822—1831]. Напомним, что В.Л. Пушкин был знаком с Шимановской, присутствовал на ужине в 1823 году, данном в ее честь П.А. Вяземским во время ее гастролей в Москве [Братья Булгаковы, 2010: 168], писал после Вяземскому об «Альбоме» «прекрасной Шимановской»⁷.

По-видимому, именно тогда В.Л. Пушкин сделал записи в альбом; впрочем, и позднее, в 1827 г., по свидетельству дочери Марии Шимановской, Елены, он бывал в гостях у ее матери [Шимановская, 1963: 95].

В альбоме Марии Шимановской рукою В.Л. Пушкина вписано то же самое четверостишие, которое было напечатано в “*Anthologie française*” под заглавием «К Софи», т.е. В.Л. Пушкин записал в альбом известные ему чужие стихи неизвестного автора, изменив лишь заглавие на другое — «К мадам Шимановской».

Подобные стихотворения часто многократно перепечатывались в разных сборниках, и иногда в одной из публикаций можно было найти фамилию автора. Но, кажется, не в данном случае: стихотворение было позднее перепечатано в английском издании, но автор так и не был указан [Extraits littéraires, 1823: 2].

В «Дамском журнале» (1827. № 3. С. 134) с примечанием издателя П.И. Шаликова: «Не укоризна ли бабушкам за нерадивое воспитание внучек?» была опубликована эпиграмма В.Л. Пушкина «Бабушка и внучка»:

Старушка, добрая Ненила,
Однажды внучке говорила:
«Приходит старость и недуг;
Мне, видно, умереть, Лукерьюшка, мой друг!

Ну, как случится это горе,
Заплачешь ли, скажи, о бабке ты своей?»
— «А как же, бабушка? Ей-ей,
Я плачу обо всяком вздоре»⁸.

Вновь обратимся к “*Anthologie française*”. В нее входит стихотворение «Наивность» поэта Франсуа-Бланшара де ля Мюсса (1753—1836), автора стансов, посланий, мадригалов и эпиграмм,

⁷ Из письма В.Л. Пушкина П.А. Вяземскому от 19 сентября <1822?> года: «Комиссии твои исполнены, мой любезнейший. <...> Mottru у меня сидел вчера очень долго, и дал верное слово написать что нибудь в Album прекрасной Шимановской» [Пушкин В.Л. Письма П.А. Вяземскому. Л. 138].

⁸ Цит. по: [Пушкин В.Л., 2005: 212]

известного поэта, чьи сочинения публиковались в «Альманахе муз» в 1802–1832 гг. [Bibliographie sommaire]:

Naïveté.
Si je mourais, pleureriez-vous, ma Chère?
Disait à soeur *Agnès*, mère *Saint-Syphorien*.
– Pouvez-vous en douter, ma Mère?
Eh! ne savez-vous pas que je pleure pour rien (Т. 1. Р. 301)⁹.

Сопоставив эпиграмму В.Л. Пушкина «Бабушка и внучка» со стихотворением Ф.-Б. де ля Мюса, можно утверждать, что это вольный перевод из “*Anthologie française*”.

Заметим, что в антологии есть еще одна эпиграмма, перевод которой сделал В.Л. Пушкин, — «Догадливая жена» (“*L'épouse naïve*”) поэта Лё Ге (*Le Gay*). В данном случае связь с сочинением французского автора ранее выявлена [Русская эпиграмма, 1975: 690], можно лишь заметить, что это стихотворение из того же самого сборника, что и рассмотренные выше тексты, ср.: [*Anthologie français*: 319].

Список литературы

1. Альбом Марии Шимановской. 1822–1831 // Польская библиотека в Париже. Manuscrits. № 971.
2. Братья Булгаковы. Переписка: В 3 т. Т. 2. М., 2010.
3. *Вяземский П.А.* Об альбоме г-жи Шимановской // *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1879. Т. 2. С. 59–66.
4. *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски. М., 2010.
5. Завещание В.Л. Пушкина // А.С. Пушкин. Московские страницы биографии / Авторы-составители: Е.Г. Болдина, Н.Н. Попова. М., 2000. С. 70.
6. *Кононов А.А.* Из записок // Библиографические записки. 1859. Т. 2. С. 306–307.
7. *Макаров М.Н.* Некролог // Дамский журнал. 1830. № 37–38. Сентябрь. С. 167–168.
8. *Маркова А.* Типографские шедевры француза Августа Семена // Родина. 2018. Апрель. № 418 (4). URL: <https://rg.ru/2018/04/04/rodina-tipografija-avgusta-semena.html> (дата обращения: 27.01.2021).
9. *Михайлова Н.И.* Книги в жизни В.Л. Пушкина и его первоиздания // Альманах библиофила. Вып. 8. М., 1980. С. 132–141.
10. *Михайлова Н.И.* Парнасский мой отец. М., 1983.

⁹ Перевод:

«Если я умру, будешь ли ты плакать?» —
Сказала матушка сестре Агнесе.
«Разве можете Вы в этом сомневаться, матушка?
Ах! Разве Вы не знаете, что я плачу понапрасну».

11. Михайлова Н.И. Первое издание «Опасного соседа». Жанр эпиграммы в поэме В.Л. Пушкина // Болдинские чтения 2010. Саранск, 2010. С. 28–32.
12. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание). Репринтное издание 1910 года. М., 1988.
13. Письма В.Л. Пушкина к П.А. Вяземскому / Публикация Н.И. Михайловой // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 213–249.
14. РГАЛИ — Пушкин В.Л. Письма к П.А. Вяземскому // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195, оп. 1, ед.хр. 2611.
15. Пушкин В.Л. Стихи. Проза. Письма / Сост., вступ. статья и комм. Н.И. Михайловой. М., 1989.
16. Пушкин В.Л. Стихотворения / Сост., коммент., вступ. статья С.И. Панова. СПб., 2005.
17. Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века / Сост. Н.Г. Захаренко. Л., 1975.
18. Светлова Г.Г., Матвеева Ю.А. В.Л. Пушкин и его библиотека. Опыт реконструкции // А.С. Пушкин и книга: Сборник статей / Под ред. Н.И. Михайловой. М., 2018. Вып. 2. С. 143–161.
19. Шимановская Е. Дневник // Русско-польские музыкальные связи. М., 1963.
20. Шур Л. (Leonid Shur). Пушкинские материалы Польской библиотеки в Париже // Revue des études slaves. Париж, 1987. Т. 59. Р. 367–374.
21. *Anthologie française*, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Auquel on a joint des questions ingénieuses et piquantes, avec les réponses en vers. Tom premier. Paris, 1816.
22. Bibliographie sommaire de L'Almanach des Muses (1765–1833) / Par Frédéric Lachèvre. Paris, 1928.
23. Extraits littéraires, ou Beautés de la Littérature Française, recueillies des auteurs les plus célèbres en Vers et en Prose. Par Charles Turrell, professeur de langue française. Cheltenham, 1823.

Yulia Matveeva

**V.L. PUSHKIN AS A READER
OF ANTHOLOGIE FRANÇAISE**

*Pushkin State Museum
12/2 Prechistenka, Moscow, 119034*

Vasily Lvovich Pushkin (1766–1830), the uncle of Alexander Pushkin, a poet and bibliophile, collected an extensive library, which has been lost. Information

about this library is plentiful, including the letters of V.L. Pushkin, the memoir of contemporaries who visited him and literary texts. On the basis of these sources there has been an attempt to reconstruct this library, work on which is still in progress. Research into the French collection “Anthologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Auquel on a joint des questions ingénieuses et piquantes, avec les réponses en vers” (Paris, 1816. Vol. 1) and comparison of the two poems printed in it with the works of V.L. Pushkin enable us to assume that he had this book in his library, and also we can clarify the authorship of the texts. One of the works of the anthology, the epistle “To Sophie, in her absence” was written down by V.L. Pushkin in the album of the famous Polish pianist Maria Szymanowskaya. The text of the autograph of V.L. Pushkin was published, but there is still a question of authorship. The identity of the publication in the “Anthologie française” and the autograph indicates that the poem does not belong to V.L. Pushkin. Comparison of another poem from the “Anthologie française” — “Naivety” by F. — B. de la Muss and the epigram “Grandmother and granddaughter” by V.L. Pushkin shows that the last poem is a free translation of the epigram of the French poet. Among the anthological poems of V.L. Pushkin there are some other translations from the “Anthologie française” (their connection with the French source was already established). These facts confirm that V.L. Pushkin was familiar with the French anthology and allows to include it in his reconstructed library.

Key words: history of 19th-century Russian literature; V.L. Pushkin; A.S. Pushkin; Russian–French literary relations.

About the author: *Yulia Matveeva* — PhD, Curator of the exposition “Vasilii Pushkin House Museum” (Pushkin State Museum’s Department) (e-mail: matjulia@yandex.ru).

References

1. *Albom Marii Shimanovskoy* [Album of Maria Szymanowskaya]. 1822–1831. Polish Library in Paris. Manuscripts. № 971.
2. *Bratya Bulgakovy. Peregipiska* [The Bulgakovs Brothers. Correspondence]: In 3 vol. Moscow, *Zakharov Publ.*, 2010, vol. 2. 669 pp. (In Russ.)
3. Vyazemskij P.A. *Ob albome m-m Shimanovskoy* [About the album of Mm. Shimanovskaya]. Vyazemskij P.A. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. Saint-Petersburg, 1879, vol. 2, pp. 59–66. (In Russ.)
4. Grechanaya E.P. *Kogda Rossiya govorila po-francuzski* [When Russia spoke French]. Moscow, *IMLI RAN Publ.*, 2010. 382 pp. (In Russ.)
5. *Zaveshchanie V.L. Pushkina* [The Testament of V.L. Pushkin]. A.S. Pushkin. *Moskovskie stranicy biografii* [Moscow pages of biography]. Compiled by E.G. Boldina, N.N. Popova. Moscow, *Mosgorarhiv Publ.*, 2000, p. 70. (In Russ.)
6. Kononov A.A. *Iz zapisok* [From notes]. *Bibliograficheskie zapiski* [Bibliographic notes]. 1859, vol. 2, pp. 306–307. (In Russ.)

7. Makarov, M.N. *Nekrolog* [Necrologue]. *Damskij zhurnal* [Ladies' magazine]. 1830. № 37–38 (September), pp. 167–168. (In Russ.)
8. Markova A. *Tipografskie shedevry francuza Avgusta Semena* [Typographic masterpieces of the Frenchman August Semyon]. *Rodina*, 2018. April. № 418 (4). URL: <https://rg.ru/2018/04/04/rodina-tipografiya-avgusta-semena.html> (accessed: 27.01.2021).
9. Mihailova N.I. *Knigi v zhizni V.L. Pushkina i ego pervoizdaniya* [Books in V.L. Pushkin's life and first editions of his poems]. *Al'manah bibliofila* [Almanac of the bibliophile]. Issue 8. Moscow, *Kniga Publ.*, 1980, pp. 132–141. (In Russ.)
10. Mihailova N.I. *Parnasskij moj otec* [My Parnassian father]. Moscow, *Sovetskaya Rossiya publ.*, 1983. 192 pp. (In Russ.)
11. Mihailova N.I. *Pervoe izdanie «Opasnogo soseda». Zhanr epigrammy v poeme V.L. Pushkina* [First edition of «Dangerous neighbor». Genre of epigrams in V.L. Pushkin's poem]. *Boldinskie chteniya 2010*. Saransk, 2010, pp. 28–32. (In Russ.)
12. Modzalevskij B.L. *Biblioteka A.S. Pushkina. (Bibliograficheskoe opisanie). Reprintnoe izdanie 1910 goda* [A.S. Pushkin's library (Bibliographic description). Reprint edition of 1910]. Moscow, *Kniga Publ.*, 1988. (In Russ.)
13. *Pis'ma V.L. Pushkina k P.A. Vyazemskomu* [Letters from V.L. Pushkin to P.A. Vyazemskij]. Published by N.I. Mihailova. Pushkin: *Issledovaniya i materialy* [Researches and materials]. Leningrad, 1983, vol. 11, pp. 213–249. (In Russ.)
14. Pushkin V.L. *Pis'ma k P.A. Vyazemskomu* [Letters to P.A. Vyazemsky]. RGALI. F. 195, op. 1, ed.hr. 2611. (In Russ.)
15. Pushkin V.L. *Stihi. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Comp., comment., introductory article by N.I. Mihailova. Moscow, *Sovetskaya Rossiya Publ.*, 1989. 368 pp. (In Russ.)
16. Pushkin V.L. *Stihotvoreniya* [Poems]. Comp., comment., introductory article by S.I. Panov. St. Petersburg, *Giperion Publ.*, 2005. 376 pp. (In Russ.)
17. *Russkaya epigrama vtoroj poloviny XVII — nachala XX veka* [Russian epigram of the second half of the XVII-early XX century]. Compiled by N.G. Zaharenko. Leningrad, *Sovetskij pisatel' Publ.*, 1975. (In Russ.)
18. Svetlova G.G., Matveeva Yu.A. *V.L. Pushkin i ego biblioteka. Opyt rekonstrukcii* [V.L. Pushkin and his library. Experience of reconstruction] *A.S. Pushkin i kniga. Sbornik statej pod red. N.I. Mihajlovoj* [A.S. Pushkin and the book. Collection of articles edited by N.I. Mihailova]. Moscow, *Ikar Publ.*, 2018, vol. 2, pp. 143–161. (In Russ.)
19. Shimanovskaya E. *Dnevnik* [Diary]. *Russko-pol'skie muzykal'nye svyazi* [Russian-Polish musical connections]. Moscow, *Izdatel'stvo akademii nauk SSSR*, 1963. (In Russ.)
20. Shur L. *Pushkinskie materialy Pol'skoj biblioteki v Parizhe* [Pushkin's materials in the Polish Library in Paris]. *Revue des etudes slaves*. Paris, 1987, t. 59, pp. 367–374. (In Russ.)

21. *Anthologie française*, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Aauquel on a joint des questions ingénieuses et piquantes, avec les réponses en vers. Tom premier. Paris, 1816.
22. *Bibliographie sommaire de L'Almanach des Muses (1765–1833)*. Par Frédéric Lachèvre. Paris, 1928.
23. *Extraits littéraires*, ou Beautés de la Littérature Française, recueillies des auteurs les plus célèbres en Vers et en Prose. Par Charles Turrell, professeur de langue française. Cheltenham, 1823.

ИЗ АРХИВА

В.Н. Торопова

**ТРУДНЫЙ ПУТЬ КНИГИ:
ВОСПОМИНАНИЯ Г.Е. ПОМЕРАНЦЕВОЙ
ОБ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РАБОТЫ С.Н. ДУРЫЛИНА
«НЕСТЕРОВ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ»**

*Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина
141060, г. Королёв, ул. Свободная, 12*

Публикация посвящена истории создания и издания одного из главных трудов С.Н. Дурылина — книги «Нестеров в жизни и творчестве» (серия ЖЗЛ). Произведения Сергея Николаевича Дурылина — литературоведа, писателя, историка театра, религиозного мыслителя, этнографа, педагога — и публикации о нем в последние годы все чаще появляются в печати. Изданы его главная книга «В своем углу», мемуары «В родном углу», сборники статей и прозы, роман-хроника «Колокола» и повесть «Сударь кот», сборник «Няня» и др. Однако книга «Нестеров в жизни и творчестве», которая выдержала три издания (1965, 1976, 2004), до сих пор не издана в полном объеме, рукопись хранится в архиве Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина в Болшеве. В публикации говорится о личности жены Дурылина, Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной, благодаря которой, среди прочего, состоялось первое издание книги о Нестерове. Она спасла Дурылина в ссылках (1922–1933) после двух арестов, создала ему бытовые условия, освободившие его для творчества, была его секретарем и доверенным лицом. После смерти писателя она выполнила его мечту и ценой больших усилий открыла в Болшеве публичную библиотеку, передав в качестве начального фонда 3000 книг из личной библиотеки Дурылина. Она подготовила большевский дом и архив для создания в нем музея, который уже после ее смерти открыла ее сестра Александра Алексеевна Виноградова. С 1966 г. библиотека и улица, ведущая к ней, носят имя Дурылина. На зданиях библиотеки и Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина укреплены мемориальные доски. В 2019 г. отмечался 120-летний юбилей со дня рождения этой замечательной женщины. Публикуемые воспоминания о ней Г.Е. Померанцевой позволяют понять, каким самоотверженным, редким человеком была Ирина Алексеевна. Автор воспоминаний Галина Евгеньевна Померанцева в течение 50 лет (1950–1982) работала старшим научным редактором серии «Жизнь замечательных людей» издательства

Торопова Виктория Николаевна — филолог, внештатный научный сотрудник Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина в Болшеве (e-mail: md@museumkorolev.ru).

«Молодая гвардия». Автор работ о Дурылине и книги «Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии» (М., 1987).

Ключевые слова: С.Н. Дурылин; М.В. Нестеров; И.А. Комиссарова-Дурылина; Г.Е. Померанцева; мемуары.

В 2020 г. исполнилось 75 лет со дня окончания С.Н. Дурылиным работы над книгой о художнике М.В. Нестерове — «Нестеров в жизни и творчестве» — и 54 года со дня выхода ее первого издания [Дурылин, 1965]. Книга уникальная, написана замечательным писателем, ученым о своем друге. Она пользуется большим спросом у читателей, выдержала уже три издания, и все они разошлись мгновенно. В домашней библиотеке каждого интеллигентного человека книга занимает почетное место.

Публикуем воспоминания редактора книги Галины Евгеньевой Померанцевой о том, как шла работа над первым изданием книги. Воспоминания написаны к 120-летию юбилею Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976), женщины удивительной, заботами и помощью которой мог жить и работать Сергей Николаевич Дурылин.

Закончив в Болшеве монографию о М.В. Нестерове, Дурылин жалеет, что нельзя написать ее, как хотелось и как надо бы. «Я окончил книгу о М.В. Нестерове, — сообщает он в 1945 г. в письме П.П. Перцову. — В ней 1400 ремингтонных страниц. Какая бы ни ожидала ее судьба, я сделал то, что хотелось всегда Михаилу Васильевичу, — написал книгу о нем, начав ее — легко сказать! — еще в 1923 году!» [Дурылин, 1945: 30]. В конце рукописи Дурылин поставил точную дату окончания работы, т.е. когда он поставил последнюю точку: 3/V-45 г. в 6 ч. вечера в Великий четверг. В рукопись Сергей Николаевич вложил листок с такой записью:

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ИРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ
КОМИССАРОВОЙ-ДУРЫЛИНОЙ.

В этот труд о МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ НЕСТЕРОВЕ, горячо тебя любившем и глубоко уважавшем, вложено тобою столько любви, заботы и всяческой помощи, что если б не было тебя около писавшего эту книгу, не было бы и этой книги. Твое имя должно поэтому стоять на первой ее странице, — и с твоим именем должна эта книга идти в жизнь.

Твой С. Дурылин

Болшево

1945 год, 5 мая. В. Суббота

[Башенко, 2010: 18–19]

Работа Дурьлина над книгой шла не только долго, но и нелегко. Издать ее при жизни опального автора (аресты 1922 и 1927 гг., три ссылки: Челябинск, Томск, Киржач) и о художнике — творце религиозной живописи было невозможно. В военном 1942 г. удалось издать маленькую брошюрку [Дурьлин, 1942]. Посылая ее с Ириной Алексеевной Комиссаровой-Дурьиной художнику, Дурьлин пишет:

«Дорогой Михаил Васильевич! <...> Когда-то я мечтал написать большую книгу о Нестерове, — и добрая половина ее была написана и существует в рукописи. Дописать эту книгу мне, видно, не суждено. То, что я посылаю Вам, это не книга, а книжка, и даже не книжка, а мой доклад о Нестерове, прочитанный на торжественном заседании Комитета по делам искусств Союза художников по поводу 80-летия Вашего рождения. Доклад кое в чем сокращен не мною, а издателями; кое в чем дополнен — мною, но по просьбе издателей (конец книжки). Выбор иллюстраций был определен тем, что ни одной Вашей картины и портрета нет сейчас в Москве, сфотографировать было не с чего, и приходилось довольствоваться теми негативами, которые имелись в издательстве. Для того, чтобы дать хоть одну «нестеровскую девушку», пришлось [сделать] снимок с этюда, подаренного Вами мне...» [Дурьлин, 1942: 20].

О характере дружеских отношений Дурьлина и Нестерова свидетельствуют письма Сергея Николаевича:

«Милый Михаил Васильевич! Очень скучаю по Вас! После Вашего отъезда просто места не нахожу! Всюду и всегда не хватает Вас. В этот Ваш приезд¹ я как-то особенно ясно ощутил, какое большое, никем никогда не занятое место занимаете Вы в моей душе, в моем бытии. Мне было 11 лет, когда я впервые увидел Вас в Вашей картине (это были «Труды пр. Сергия») — и с тех пор вся моя жизнь осветилась Вашим взором художника, человека — и, наконец, друга! В этот Ваш приезд я мог бы беспрерывно 24 часа в сутки говорить с Вами, думать с Вами, мечтать с Вами...» [Дурьлин, 1940: 12].

«Милый Михаил Васильевич! Пишу в Вашей² комнате, за Вашим письменным столом. Скучаю по Вас. <...> Приезжайте к нам скорее. Это общая просьба от всех нас — от Ирины до маленькой кошечки...» [Дурьлин, 1940: 14].

О том, какое место занимала в жизни Дурьлина, какое значение для него имела Ирина Алексеевна, свидетельствуют письма:

¹ В Болшеве у Дурьлина Нестеров любил гостить и приезжал на недельку-две начиная с 1937 г. Ирина Алексеевна умела создать для художника теплую атмосферу, в которой утишался его ершистый характер, и он отдыхал душой и телом.

² В доме Дурьлина в Болшеве еще при строительстве (1936) одна комната предназначалась для Нестерова. Это была гостевая комната.

«Благодарен Вам [Нестерову] по последнее мое издыхание за себя и за Ирину, которую Вы поняли и узнали, и полюбили как никто другой» [Дурылин, 1936: 5].

Из письма Дурылина к И.С. Зильберштейну:

«Что значит для меня Ирина Алексеевна, Вы знаете с 1932 года — и знаете лучше всех: я не мог бы — при моих годах, сердечной болезни, непригодности к жизни, при моей слепоте (у меня потеряно 80% зрения) — сделать ничего, если б не Ирина Алексеевна: Она мне поводырь (в буквальном смысле слова), и переписчик, и секретарь, и доверенное лицо, и кормитель мой, одним словом, всё» [Личный архив Г.Е. Померанцевой. Черновой автограф письма].

Письмо старшей актрисы Малого театра Евдокии Дмитриевны Турчаниновой:

«Дорогая Ирина Алексеевна. <...> Я всегда смотрю на Вас как на посланного Богом хранителя Сергея Николаевича. Если бы не Вы, Сергей Николаевич не в состоянии был бы работать, оставить после себя драгоценное наследство мысли, ума, знаний. Вы создали ему такую обстановку, без которой он не мог бы работать. Сколько больших людей страдали от того, что близкие люди не понимали их, не могли окружить их заботой, а сами требовали, чтобы они носились с их мешанскими потребностями. А Вы, дорогая, одна из тех замечательных, настоящих русских женщин, которые отходят в тень ради того, чтобы помочь человеку творить без помехи. Пишет о Пушкине, о Гоголе, и как он готовится к этому! Как по-настоящему он все это делает, здесь — не заработок, не личная выгода, а настоящая любовь к предмету, о котором он говорит с радостью, любовью, выискивая, тщательно изучая всё. Когда я приезжаю к вам и вхожу в скромный кабинет Сергея Николаевича, я всегда чувствую во всем Вашу любящую руку, Вашу огромную чуткость, я смотрю на книжки и вижу, с какой любовью, смыслом и толком Вы разбираете, приводите все в порядок, помогая Сергею Николаевичу; и упрекать Вам себя, дорогая, решительно не в чем. Я Вас понимаю, глубоко уважаю, люблю как человека. Вы умны, тактичны и все понимаете. Желаю Вам здоровья, счастья, радости, берегите себя, подумайте хорошенько о своем здоровье, я прошу Вас об этом. Вы обязаны думать; я знаю, для себя Вы не будете это делать, но для него, Вы ему нужны как воздух, без Вас он не может жить и работать. Целую Вас. Ваша душой Е. Турчанинова» [Турчанинова, 1974: 111].

Несколько слов о том, что предшествовало работе Г.Е. Померанцевой над рукописью «Нестеров». Это объясняет некоторые моменты ее воспоминаний.

После смерти Сергея Николаевича Дурылина Ирина Алексеевна обрабатывала его архив и стремилась опубликовать законченные

им, но не изданные работы. Рукопись книги «Нестеров» она отдала в Институт истории искусств, где работал Дурылин десять лет до самой смерти (1945–1954). Но там отказались от ее публикации из-за «неакадемичности». Тогда она обратилась к историку, действительному члену Академии наук СССР Николаю Михайловичу Дружинину с просьбой прочитать рукопись, дать отзыв и совет по ее изданию. Дружинин, очень высоко оценив труд Дурылина, указал ряд причин, по которым рукопись не могла быть опубликована в те 1950-е годы: «Раскрывая мотивы и приемы художественной кисти М.В. Нестерова, Сергей Николаевич обходит вопрос о связи этих явлений с общественными условиями эпохи, со сменой различных этапов исторического процесса. Само построение исследования — скорее по темам, чем по периодам творческой жизни М.В. Нестерова, — исключает возможность понять социальную обусловленность его художественного развития. <...> М.В. Нестеров представляется неизменным во всем протяжении своей творческой жизни; от читателя ускользают внутренние противоречия, которые характерны для этого крупного, но сложного в своем единстве художника. Эти особенности рукописи Сергея Николаевича создают большие трудности для ее издания в настоящее время». Рецензенты «будут односторонне упрекать автора рукописи в религиозном уклоне, в апологетике раннего периода творчества Нестерова, в субъективно-идеалистическом подходе к теме и т.д. Найдутся и такие рецензенты, которые усмотрят в монографии пропаганду религиозного восприятия мира, недостаточное внимание к реалистическим приемам М.В. Нестерова и т.д.» [Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых, 2018: 198]. Кроме того, отмечает Дружинин, в книге имеются повторы. Она и не академическая, и не мемуарная, это исследование по истории русского искусства. Дружинин советует попытаться издать книгу как мемуары или дождаться лучших времен, поскольку книга не устареет. Выразил Дружинин и опасения, что редакторы при подготовке книги в печать могут изуродовать текст Дурылина, исказить его манеру письма.

Ирина Алексеевна была в затруднении. Она попросила помочь ей давних друзей: Татьяну Андреевну Сидорову (Буткевич) и ее дочь — Наталью Алексеевну Сидорову, искусствоведа, сотрудницу Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. В 1959 г. они привезли ей сокращенную редакцию книги. Сократили повторы, слишком длинные искусствоведческие куски текста. Видимо, этот вариант, заново перепечатанный, и был передан Г.Е. Померанцевой для подготовки книги к печати.

Когда книга, подготовленная Г.Е. Померанцевой, вышла в 1965 г. в серии «Жизнь замечательных людей», Дружинин одобрил ее:

«Конечно, жаль, что текст не удалось довести до читателей во всем его объеме. Но все-таки главное из труда Сергея Николаевича опубликовано, сохранен его стиль и впервые напечатаны неизвестные ранее высказывания Нестерова. Очень интересен подбор иллюстраций» [Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых, 2018: 272].

В 2003 г. директор издательства «Молодая гвардия» А.В. Петров обратился в Мемориальный Дом-музей Дурылина с просьбой подготовить полную версию книги о Нестерове. В 2004 г. книга вышла с дополнениями. Но они были сделаны по тому же машинописному экземпляру, с которым работала Г.Е. Померанцева. Полный текст потребовал бы издания двух томов и большой работы с рукописью Дурылина. На это не было времени, издательство ограничило нас в сроках и объеме книги. Так что полный текст рукописи Дурылина (1400 машинописных страниц) хранится в Мемориальном Доме-музее Дурылина³ и ждет своего издателя.

Г.Е. Померанцева

ДУША, ОТКРЫТАЯ ДОБРУ
К 120-летию юбилею Ирины Алексеевны
Комиссаровой-Дурылиной

Когда в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Сергея Николаевича Дурылина о Нестерове, Ирина Алексеевна подарила мне экземпляр и сделала дарственную надпись. В ней помета: «27 сентября 63 г. первое зарождение этой книги в Болшево». И сноска: «сентябрь и май — любимое время года Сергея Николаевича». В этой же надписи: «60 лет тому назад С.Н. Дурылин признался себе, что он может быть писателем: в 1905 году...» Это было в обычае у Ирины Алексеевны. Ее дарственные надписи состояли из нескольких слагаемых, потому что для нее, как и многих людей прежнего времени (старого поколения), дарение книги было не только данью уважения, внимания, порой доверительного, но и продолжением общения, разговора с человеком, которому дарится книга. И тут неуместной казалась краткость, воспринимаемая как торопливость. И очень важен был сам строй и тон послания, то, что идет поверх слов. Поэтому в надписях Ирины Алексеевны часто бывали стихи. Были они и тут, в этой дарственной надписи. Иногда не хватало и целого книжного листа, тогда книгу сопровождало ещё и письмо.

³ После смерти Ирины Алексеевны (30 ноября 1976 г.) заботы об архиве Дурылина взяла на себя ее младшая сестра Александра Алексеевна Виноградова (1907–1994). Она успела сдать в РГАЛИ только часть архива Дурылина. Значительная часть архива осталась в Мемориальном Доме-музее Дурылина в Болшево. Выполняя завещание старшей сестры, Александра Алексеевна открыла в болшевском доме музей в 1993 г. В музее сохранилась обстановка кабинета и гостиной, которая была при хозяйне.

Также без спешки загодя готовились в доме поздравления к знаменательным дням, которых было немало, потому что помнили все церковные праздники и все дни рождения друзей и знакомых. Заранее присматривали в журналах забавные картинки. Их вырезали, наклеивали на бумагу, сопроводив подписями, часто шутливыми. Незлую шутку любили и ценили. И всё для того, чтобы тот, кому это адресовалось, почувствовал тепло души и рук подумавшего о нем и не пожалевшего своего времени, чтобы доставить приятному человеку пусть мимолетную, но радость.

Вот в этот годами сложившийся несуетный домашний обиход, где даже почтальона не отпускали, не предложив ему чая, памятуя, что так это было всегда при Сергее Николаевиче, — в этот особый мир, отличный от всего, что осталось за пределами стен дома, мы и окунулись, когда вдвоем с Екатериной Ивановной Любушкиной, сотрудницей, как и я, редакции ЖЗЛ, переступили порог большевского дома.

Была осень 1963 г. Ирина Алексеевна день начала работы над изданием рукописи, вернее, день возрождения рукописи, много лет ждавшей своего часа, связала с днем рождения Сергея Николаевича. В саду на фоне красновато-коричневых стен дома с арочными окнами ярко выделялись зеленые ветки высоких яблонь, увешенных золотистыми яблочками, вдоль террасы стояли пышные на длинных ногах георгины. Нам показали «нестеровскую скамейку», на которой Михаил Васильевич любил сидеть, когда гащивал в Болшеве у своего друга.

Деревянный бревенчатый дом украшают арочные красивые окна. Ирина Алексеевна рассказывает, как ей удалось купить их из разрушенного Страстного монастыря. Удалось вывезти рамы и двери. Значит, дом — это частичка Страстного монастыря. Позже мне подумалось, что они с Сергеем Николаевичем создали свой монастырь в доме. Но это позже, когда я узнала и их жизненный путь, и биографии.

Вошли в дом. В узком коридорчике и в гостиной была развернута настоящая музейная экспозиция. Друзья Сергея Николаевича и хорошие знакомые — все те, кто прежде, при Сергее Николаевиче и вместе с ним создавали в доме ту неповторимую атмосферу высокой духовности, о которой писали в своих воспоминаниях многие из бывавших в доме, — теперь продолжали присутствовать в своих картинах, портретах, вышивках, фотографиях, автографах стихов и писем... — М.В. Нестеров, М.А. Волошин, К.Ф. Богаевский, Л.О. Пастернак, Р.Р. Фальк — картинами, Н.А. Обухова, Ф.И. Шаляпин — дарственными надписями на фотографиях, М.В. Статкевич-Менк — дивными вышивками... И, конечно, присутствовали в ста-

ринном альбоме в зеленой обложке, который тут же в гостиной на круглом столе-сороконожке перед нами и развернули. Мы увидели теплые надписи Сергею Николаевичу Б.Л. Пастернака, Вяч. Иванова, В.К. Звягинцевой, Н.К. Гудзия, Н.Д. Телешова, Н.А. Обуховой, Е.Д. Турчаниновой и А.А. Яблочкиной, В.О. Топоркова, В.К. Менка, М.В. Нестерова и рисунки его, нотные записи композиторов Н.К. Метнера и П.И. Васильева... Очень многие отметились здесь так или иначе.

Но поводом нашего приезда был Нестеров, и разговор вернулся к рукописи Сергея Николаевича. Мысль издать книгу Дурылина о Нестерове в серии ЖЗЛ принадлежала новому заведующему редакцией Юрию Николаевичу Короткову, с приходом которого редакция была реорганизована и обновлена. Мысль по тем временам была весьма смелая. Издательство «Молодая гвардия», в составе которого была редакция ЖЗЛ, относилось к ЦК комсомола, и пока что тут издавалась атеистическая литература. На пути книги стояли сложности, которые еще предстояло осознать. Но мы надеялись их преодолеть и потому с чистой душой отправились в Болшево.

Мне как предполагаемому редактору будущей книги предстояло иметь дело с наследницей Дурылина — Ириной Алексеевной. И она, естественно, интересовала меня не менее, чем всё то, что могло открыться нам в этом доме. В редакции Юрий Николаевич познакомил нас на ходу, так что я и рассмотреть ее не успела.

Теперь я увидела хозяйку в своем доме. Простое крестьянское лицо, прямые русые стриженные волосы, зачесанные назад под гребень, обычная недорогая одежда. А взгляд открытый, спокойный. И столько в нем было доброжелательности, расположенности к собеседнику, что сразу спало мое обычное напряжение, которое всегда возникало у меня при встрече с незнакомым человеком. Явилось ощущение легкости и внутренней свободы. Позже, когда я узнала Ирину Алексеевну ближе и получила возможность увидеть её в разных обстоятельствах и с разными людьми, я поняла, откуда эта легкость в общении с ней. Ирина Алексеевна была человеком исключительной искренности, она всегда и со всеми оставалась сама собой, никогда и ни к кому не подлаживалась, подавала себя такой, какова есть. Я видела, как разные люди в ее присутствии становились, хоть ненадолго, самими собой, чище, лучше, добрее, и всё наносное, лишнее отлетало. Ее душа всегда была открыта добру, состраданию человеческой боли. В ней жило твердое убеждение, что доброе дело должно быть сделано, коль скоро оно доброе. И это как-то естественно передавалось ее собеседнику, и он, до ее прихода уже готовый сказать «нет», неожиданно для себя говорил «да». Я несколько раз видела, как ей удавалось убедить собеседника в своей

правоте, даже не прикладывая к тому больших усилий. И это было в ней очень органично, это было ее природой. В ней не было ни на йоту мещанства, фальши. Мне кажется, что именно это качество — доброта, сострадание, умение пожалеть и помочь и, безусловно, ум — привлекло в ней Сергея Николаевича.

Ирина Алексеевна отнюдь не была наивна. Это была умная, смелая и сильная женщина, с хорошо развитой природной сметкой и мудростью.

Со временем я узнала биографию Ирины Алексеевны от нее самой. Детство ее прошло в деревне на природе. И сама она была частью природы. Отсюда искренность, прямота, доброта. Родилась она в деревне Сытино Уваровской волости Гжатского уезда Смоленской губернии. Её дед Иосиф (Осип) Иванович Комиссаров был учителем в деревне. Учил детей за 50 коп. считать, писать и читать по-русски и по-церковнославянски. Кто знает, как сложилась бы судьба его двух сыновей, поживи он подольше. Но он умер в 40 лет от туберкулеза. Младшему Алексею, отцу Ирины Алексеевны, было тогда 14 лет. Его отдали в Москву в учение к булочнику. И с тех пор он так и оставался на заработках в Москве. Приезжал лишь на два летних месяца на «сенокос и жнитво». Когда ему исполнилось 17 лет, его женили на девушке из соседней деревни, прибавив для этого к его возрасту год. Матери Алексея Анне Емельяновне Комиссаровой — бабушке Ирины Алексеевны — нужна была помощница в хозяйстве. Молодая жена Меланья Ильинична прожила недолго. Родила трех девочек: Ирину в 1899 г, Пелагею (Полю) в 1900 г., Александру (Шуру) в 1907 г. Вскоре после последних родов она умерла. Ирине шел восьмой год. Три маленькие девочки остались на руках бабушки Анны Емельяновны, которой в ту пору шел пятьдесят восьмой год. Возраст для деревенской женщины немалый. (Впрочем, она прожила долгую жизнь, умерла в 1941 г. в возрасте 90 лет.) Бабушка была неграмотная, но знала свойства лечебных трав. Ариша помогала бабушке собирать и сушить эти травы, запоминала, какие болезни и как ими лечить. Ариша была девочкой бойкой и любознательной. На ее бесконечные «почему?» бабушка отвечала разумно и образно. От бабушки Ариша унаследовала и яркую образную речь. Свои воспоминания о бабушке, о своем детстве Ирина Алексеевна записала по просьбе Сергея Николаевича и озаглавила «Записки деревенской девочки». Из них я узнала, что бабушка Ариши по материнской линии — мать Меланьи — рано умерла, оставив дедушку Илью Васильевича вдовцом, а дом и деревенскую усадьбу на попечении снохи своей Авдотьи. Внучек своих он любил, помогал, чем мог, но в свой дом взять не мог, должен был оглядываться на Авдотью.

В хозяйстве Анны Емельяновны было две коровы, лошадь, овцы, куры. Сеяли рожь. Бабушка всегда помогала и ближним, и дальним. Даже когда болела, помнила, кому из соседей надо помочь, и посылала Аришу отнести молочка, яйца на Пасху — всё, чем нужно разговеться и т.п. На всю жизнь осталась у Ирины Алексеевны не привычка, а острая потребность помогать людям. Часто Ирина Алексеевна вспоминала свою тетюшку Матрену, ее терпение, выдержку, старание быстрее выполнить просьбы и поручения. Училась этому у нее.

Когда Арише исполнилось 13 лет, отец взял ее в Москву. Он тогда работал истопником в богатом доме и занимал при дворницкой большую комнату. Ариша сама стала зарабатывать — поначалу девочкой на побегушках. Была она веселой, задорной, исполнительницей. Ее любили, ласково называли Аришок. В 1920 г. Ирина Алексеевна работала в Москвотопе и состояла в сестринской общине, которую в 1919 г. организовал настоятель храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке протоиерей Алексей Мечёв (ныне прославленный в лике святых). Целью общины было помогать бедствующим и больным людям в приходе.

В Никольском храме в 1920 г. начал служить молодой священник Сергей Николаевич Дурылин. Там они и познакомились. Ирина Алексеевна вспоминала такой разговор. Он ее спросил: — Ты хотела бы быть богатой? — Нет, вон висит на колышке одно платьице, другое на мне — и довольно... — Почему? — Богатство лишает нас свободы, а я бы хотела оставаться свободной. — Зачем? — Чтобы всегда быть там, где я нужна людям. — И давно так стала думать? — Всегда так думала.

Такое совпадение мыслей и устремлений сразу их сблизило. Сергей Николаевич в быту был очень непритязательный. Для работы ему не нужны были особые условия, только уединение и тишина. В еде, одежде, обстановке в комнате он был очень скромен. Родившийся в купеческой семье в доме, который, как принято говорить, «полная чаша», он после разорения отца, враз всё потерявший, научился не связывать свою духовную жизнь с материальным благополучием. Научился жить, думать, творить независимо от него, а подчас и вопреки. И когда писал свои биографические работы о людях творческих (а их у него более восьмидесяти), он уходил от быта, от личной жизни. В каждом человеке его интересовал, по его собственным словам, «мотив внутренней жизни», и только это было для него значимо.

Но все это я узнала позже из рассказов Ирины Алексеевны и из материалов архива, которые она нам предоставила.

А пока нас провели в кабинет Сергея Николаевича. Тут все было скромно, ничего лишнего, только необходимое для работы. Пись-

менный стол, книжные полки по стенам до потолка, узкая железная кровать, диванчик для бесед с гостями. На письменном столе всё, как было при хозяине. Только теперь на нем стоял скульптурный портрет Сергея Николаевича, и к нему Ирина Алексеевна складывала «гостинцы»: привезенные цветы, книги... Она очень любила это слово «гостинец». С гостинцем она приходила к нам в редакцию. Разворачивала салфетку, доставала оттуда домашние пирожки, печенье, яблоки... да не важно, что это было, главное «гостинец». И мы тоже всегда привозили в Болшево «гостинец», и домой возвращались тоже с гостинцами: яблоками (зимой сушеными), прополисом, медом...

В кабинете Сергея Николаевича на диванчике лежали стопки книг. В это время Ирина Алексеевна была озабочена пополнением книжного фонда Болшевской библиотеки, которая в настоящее время (с 1966 г.) носит имя Дурылина и украшена мемориальной доской. Библиотека была открыта в 1959 г. стараниями и нелегкими трудами Ирины Алексеевны, подарившей из личной библиотеки Сергея Николаевича по его завещанию 3000 томов как основу книжного фонда. По ее просьбе в библиотеку продолжали дарить книги ученые из Академии наук, народные артисты Малого и Большого театров, сотрудники Института истории искусств и просто друзья дома, не отмеченные высокими чинами. Вот эти книги и скапливались на диванчике, ожидая переезда в здание библиотеки. Мы с Екатериной Ивановной тоже при каждом удобном случае старались привезти книги для библиотеки.

Потом мы пили чай на террасе в обществе сестер Ирины Алексеевны — Полины Алексеевны и Александры Алексеевны. На столе всё домашнее: горячая картошечка — предел мечтаний служащего, привыкшего довольствоваться буфетом, — соленые огурчики, квашеная капуста, грибки — все своего приготовления. Яблочный сок из своих яблок. К чаю — мёд. Рачительные хозяева уже многие годы жили по заведенному порядку: знали, когда лучше и дешевле (немаловажное обстоятельство) можно закупить огурцы на посол, какую капусту употребить на квашение, а какую на пирог, в начинку... Заготавливали всего много, хранили в погребе. Да и как могло быть иначе при том множестве людей, что бывали и продолжали бывать в доме. Всех обязательно кормили и поили чаем.

В Болшево нас звали дела, но каждое посещение было не только полезным, но и приятным. Прежде всего работа над книгой о Нестерове. Потом, уже после смерти Ирины Алексеевны, при Александре Алексеевне Виноградовой были и другие публикации: мемуары Дурылина «У Толстого и о Толстом»; о Горбунове из неопубликованной книги Дурылина «Художники живого слова» — в историко-биографическом альманахе «Прометей», который выходил на базе

редакции ЖЗЛ; книга «В своем углу», вышедшая в издательстве «Московский рабочий» в 1991 г. Но начиналась работа с Нестерова.

Ирина Алексеевна часто призывала нас с Екатериной Ивановной на совет, особенно когда у исследователей появился повышенный интерес к архиву Сергея Николаевича, к таким фигурам, как Н.Ф. Федоров, о. Павел Флоренский, В.В. Розанов... Спрашивала, давать ли этому человеку запрашиваемые им документы, соглашаться ли на их публикацию. Так что мы бывали в большевском доме и в любимом Сергеем Николаевичем мае, когда яблоневый сад плыл в розовой дымке, и осенью, и в менее любимую им зиму...

Промозглая электричка на Фрязино, короткая пробежка через большевские сугробы, — и мы на крыльце дома обмахиваем веником свою несельскую обувь. На кухне, через которую проход в комнаты, уже пытит самовар. Кот запоздало намывает гостей. Тишина, покой после Москвы необыкновенные. Между двойными рамами окон проложена вата, а на ней стоит солонка, маленькие фигурки животных, разложены ягоды клюквы.

В доме всегда водилась живность. Во время войны держали даже корову Милушу. Коты, собаки, куры были и при нас. Под Новый год, поздравляя всех с праздником, Сергей Николаевич непременно перечислял и всю домашнюю живность, желая и им благополучия, как равным. В день, когда Сергея Николаевича не стало, синички стучали в стекло окна — он не вышел, как обычно, в положенное время их кормить. Отказало сердце. Ему шел 69-й год. Правда, по документам, подправленным в смутное время по какой-то надобности, ему было на девять лет больше.

К нашему приезду в гостиной на круглом столе разложены папки. Это главное сокровище этого дома — архив. Папками заняты шкафы в гостиной, в кабинете и на втором этаже. Свой архив Дурьлин начал собирать еще в 1910-е годы во время работы в толстовском издательстве «Посредник». Еще с гимназических лет у него сложилась привычка, работая в библиотеках, делать выписки из книг и журналов, а бывая на театральных спектаклях, заносить в записные книжки все, что удивило или задело. Со временем, когда литературоведение и театроведение стали главным его поприщем для приложения сил и обозначился его особый интерес к архивным разысканиям, папки пополнялись редкими архивными материалами. Собирать архив стало подлинной его страстью. Он не жалел для этого ни времени, ни средств. Он приобретал письма и архивные документы, когда узнавал, что такая возможность появилась, платил за них, хотя денег у него всегда было мало. Он побуждал своих знакомых писать воспоминания о себе и своем времени, о людях, с которыми жили бок о бок, часто специально заказывал такие воспоминания и платил за

них. Он говорил: поставьте эпитафией слова Батюшкова: «О память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной», а дальше пишите, что вспомнилось.

Ирина Алексеевна побуждала меня писать биографию Дурылина — это была ее мечта: издать книгу о нем в серии ЖЗЛ. И под это она снабжала меня материалами, и для этого делилась своими воспоминаниями о Сергее Николаевиче. К сожалению, мне не удалось издать книгу, но удалось написать две биографические статьи: «О Сергее Николаевиче Дурылине» (вошли в издания «В своем углу» Дурылина 1991 и 2006 гг.). А биографию Дурылина написала моя «ученица» В.Н. Торопова, много лет общавшаяся с Ириной Алексеевной, жившая в ее семье и работавшая вместе с ней над архивом Сергея Николаевича. Следует здесь упомянуть и статью Виктории Николаевны в № 7 «Московском журнале» за 2008 год («Крепче смерти: Жизнь и судьба И.А. Комиссаровой-Дурылиной»).

Ирина Алексеевна бережно и одновременно ловко своими натруженными хозяйственной работой руками развязывает тесемки толстых папок. Достает один за другим пожелтевшие листы. Говорит о том, что держит в руках. И странное чувство. Кажется, что она не может понимать того, что заключено в этих листах, — это требует другого уровня образования... А она понимает. И понимает самую суть предмета, где-то поверх всех реалий... Недоумение рассеялось позже, когда стало понятно, что, пройдя многие годы рядом с Сергеем Николаевичем, она получила поистине высшее образование, минуя среднее... Она сопровождала мужа на все его лекции, вела все его дела с издательствами, редакциями, писала под его диктовку (он очень плохо видел), научилась печатать на машинке и перепечатывала его труды... Да ведь и он был прекрасным педагогом, и в ссылках (1922—1924, 1927—1933 гг.) он специально занимался ее образованием. Она была благодарной, восприимчивой ученицей. У нее, несомненно, были редкие природные данные, глубокий ум. Она жила в круге его интересов, сам процесс работы проходил перед ее глазами. Часто он проговаривал перед ней свои мысли, соображения, ему нужен был слушатель для того, чтобы мысль сформировалась. Да и в собственном доме Ирина Алексеевна прошла истинные университеты, присутствуя при беседах Сергея Николаевича — и с какими людьми! Сергей Николаевич всегда дарил Ирине Алексеевне свои книги и в дарственной надписи благодарил ее за помощь в работе, за заботу о нем. Он считал и неоднократно писал об этом разным людям, что не был бы жив, если бы не ее уход за ним.

Писать воспоминания о себе, о своем детстве, юности и последующей жизни Ирину Алексеевну побудил Сергей Николаевич. Он написал ей: «Пушкин, твой любимый, сказал: “Описывай, не мудрствуя лукаво, ты все, чему свидетель в жизни будешь”. Ты ни в

чем и никогда “не мудрствуешь лукаво”, — поэтому тебе легко исполнить этот завет — описывать просто и благодарно то, что видела ты на своем веку...»

Ирина Алексеевна любила время после 11 часов вечера, когда наступала «таинственная», как она это ощущала, тишина. Умолкали голоса, слышно было только кошачье посапывание во сне, ничего не мешало остаться самой с собой. Тогда, освободившись от домашних дел, она садилась писать воспоминания о себе, о людях, с которыми свела судьба, которые бывали в доме, о разговорах с Сергеем Николаевичем. Много написала о Нестерове во времена его гащивания в Болшеве. Укоряла себя, что из-за хозяйственных дел многое не удалось записать.

Вернусь к началу нашего приезда в Болшево, к книге о Нестерове, поскольку начиналось всё с неё. Рукопись Дурылина была объемная, а издательские требования не предполагали объем книги в серии ЖЗЛ больше 25 листов. Нужно было сокращать. Кроме того, большие трудности возникали с тем, что живопись Нестерова в основном религиозная и писал книгу человек глубокой веры о православном художнике. В те времена автору молодежного издательства полагалось дистанцироваться от своего героя с его религиозной живописью, и уж, во всяком случае, автор не мог говорить с позиции верующего человека. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» никогда раньше не выпускало таких книг, в его книжной политике преобладало атеистическое направление. Очень трудно объяснить сегодня, при бесцензурной печати, людям нынешней формации те сложности, которые вставали в начале 1960-х годов при намерении издать такую книгу о Нестерове. Нас могли обвинить в религиозной пропаганде. Были и свои проблемы перед редакцией ЖЗЛ. Она выпускала книги биографического жанра, а не искусствоведческие монографии. Ю.Н. Короткову удалось «провести» книгу через издательские идеологические рогадки. Но теперь нужно редактировать, и редактировать так, чтобы книга выглядела биографической и не вызывала упреков в пропаганде церковной живописи. Прежде всего, подверглись сокращению чисто искусствоведческие главы, некоторые куски о религиозной живописи и отдельные места, где слишком очевидно позиция Дурылина совпадала с религиозной позицией Нестерова. Были в рукописи и повторы, но это сокращалось легко. Иллюстрации в книге подобраны так, чтобы не заострять внимание на религиозных картинах. Преобладают портреты, эскизы, наброски и фотографии. Чтобы книга увидела свет, предварили ее вступительным словом народного художника СССР, действительного члена АХ СССР, лауреата Ленинской премии Павла Дмитриевича Корина, и вступительной статьей члена-корреспондента АН СССР

Алексея Алексеевича Сидорова. В июле 1965 г. книгу подписали в печать, и уже к осени был отпечатан тираж. На книге, подаренной мне Ириной Алексеевной, после дарственной надписи стоит дата 17 сентября 1965 г. Книга, задуманная в 1963 г. в день рождения Сергея Николаевича (27 сентября), и вышла к его дню рождения.

Грустно думать, что это «облегченный» вариант, сконструированный применительно к определенному изданию, а вся рукопись лежит в архиве и ждет своего часа уже много десятилетий.

Список литературы

1. *Бащенко Р.Д.* Спутницы жизни. Симферополь, 2010.
2. *Дурылин С.Н.* Письмо М.В. Нестерову от 01.06.1936 г. // РГАЛИ. Ф. 2980 (С.Н. Дурылин), оп. 1, ед. хр. 363. Л. 5.
3. *Дурылин С.Н.* Письмо М.В. Нестерову 1940 года // РГАЛИ. Ф. 2980 (С.Н. Дурылин), оп. 1, ед. хр. 363. Л. 12.
4. *Дурылин С.Н.* Письмо М.В. Нестерову от 18.07. 1940 // РГАЛИ. Ф. 2980 (С.Н. Дурылин), оп. 1, ед. хр. 363. Л. 14.
5. *Дурылин С.Н.* Письмо И.С. Зильберштейну [1940-е гг.] // Личный архив Г.Е. Померанцевой. Черновой автограф письма.
6. *Дурылин С.Н.* Михаил Васильевич Нестеров: Очерк. М., Л., 1942.
7. *Дурылин С.Н.* Письмо М.В. Нестерову от 6 октября 1942 г. // РГАЛИ. Ф. 2980 (С.Н. Дурылин), оп. 1, ед. хр. 363. Л. 20.
8. *Дурылин С.Н.* Письмо П.П. Перцову, 1945 // РГАЛИ. Ф. 1796 (Перцов П.П.), оп. 1, ед. хр. 129. Л. 30.
9. *Дурылин С.Н.* Нестеров в жизни и творчестве. М. (изд.1965, 1976, 2004 гг.)
10. Евдокия Дмитриевна Турчанинова на сцене и в жизни: Письма, статьи, воспоминания современников / Сост. В.Н. Торопова. М., 1974.
11. Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2018.

Victoria Toropova

THE HARD WAY OF THE BOOK: MEMOIRS BY G.E. POMERANTSEVA ON THE HISTORY OF THE PUBLICATION OF *NESTEROV IN LIFE AND WORK* BY S.N. DURYLIN

Durylin House Museum

12 Svobodnaya Street, Korolev, Russia, 141060

The article discusses the creation and publication of one of the major works by Sergei Durylin, the book “Nesterov in Life and Work”. The works of Durylin,

literary critic, writer, theatre historian, religious scholar, ethnographer and teacher, as well as publications about him have appeared in print more and more frequently in recent years. His main book “In My Corner”, his memoirs “In My Home Corner”, collections of articles and prose, the novel-chronicle “The Bells” and the novella “Sir Cat”, the collection “The Babysitter”, and others have been published. However, the book “Nesterov in Life and Work”, which had three editions (1965, 1976, 2004), was not yet published in full, the manuscript being held in the archive of the Memorial House-Museum of Durylin in Bolshevo. The article pays attention to the personality of Durylin’s wife, Irina Alekseevna Komissarova-Durylina, thanks to whom, among other things, the first book about Nesterov was published. She rescued him in exile (1922–1933) after two arrests, she created the living conditions that freed him for creativity, was his secretary and confidant. After his death, she fulfilled his dream and at great cost, opened a public library in Bolshevo, donating 3000 books from Durylin’s personal library as an initial collection. She prepared the Bolshevo house and archive for the museum, which was opened by her sister Alexandra Alekseevna Vinogradova after her death. Since 1966, the library and the street that leads to it are named after Durylin. Memorial plaques have been affixed to the buildings of the library and the Durylin Memorial House-Museum. The year 2019 marked the 120th anniversary of the birth of this remarkable woman. The published memoirs about her by Galina Pomerantseva allow us to understand what a selfless, rare person Irina Alekseevna was. Galina E. Pomerantseva worked for 50 years (1950–1982) as a senior editor of the series “People of Note Lives” (publishing house “Molodaya Gvardiya”). She is the author of articles about Durylin and the book “Biography in the Flow of Time. “People of Note Lives”: The Conception and Realisation of the Series” (Moscow, 1987).

Key words: S.N. Durylin; M.V. Nesterov; I.A. Komissarova-Durylina; memoirs; Galina E. Pomerantseva.

About the Author: Victoria Toropova — freelance researcher at the S.N. Durylin Memorial House-Museum in Bolshevo (e-mail: md@museumkorolev.ru).

References

1. Bashchenko R.D. *Sputnicy zhizni*. [Companions of Life]. Simferopol, *DIAJPI Publ.*, 2010. 107 p. (In Russ.)
2. Durylin S.N. *Pis'mo M.V. Nesterovu ot 01.06.1936 g.* [Letter to M.V. Nesterov, 01.06.1936]. Russian State Archive of Literature and Arts. F. 2980 (S.N. Durylin), 1, doc. 363, l. 5. (In Russ.)
3. Durylin S.N. *Pismo M.V. Nesterovu 1940 goda* [Letter to M.V. Nesterov, 1940]. Russian State Archive of Literature and Arts. F. 2980 (S.N. Durylin), 1, doc. 363, l. 12. (In Russ.)
4. Durylin S.N. *Pismo M.V. Nesterovu ot 18.07.1940* [Letter to M.V. Nesterov of 18.07.1940]. Russian State Archive of Literature and Arts. F. 2980 (S.N. Durylin), 1, doc. 363, l. 14. (In Russ.)
5. Durylin S.N. *Pismo I.S. Zil'bershtejnu [1940-e gg.]* [Letter to I.S. Silberstein [1940s]]. Lichnyj arhiv G.E. Pomerancevoj. Chernovoj avtograf pis'ma. [Personal archive of G.E. Pomerantseva. Draft autograph of the letter]. (In Russ.)

6. Durylin S.N. *Mihail Vasilevich Nesterov: Oчерk*. [Mikhail Vasilevich Nesterov: Sketch]. M., L., *Iskusstvo Publ.*, 1942. 40 p. (In Russ.)
7. Durylin S.N. *Pismo M.V. Nesterovu ot 6 oktjabrja 1942 g.* [Letter to M.V. Nesterov of 6 October 1942]. Russian State Archive of Literature and Arts. F. 2980 (S.N. Durylin), 1, doc. 363, l. 20. (In Russ.)
8. Durylin S.N. *Pismo P.P. Percovu, 1945 god* [Letter to P. Pertsov, 1945]. Russian State Archive of Literature and Arts. F. 1796 (P.P. Pertsov), 1, doc. 129, l. 30. (In Russ.)
9. Durylin S.N. *Nesterov v zhizni i tvorchestve*. [Nesterov in life and work]. Moscow (eds. 1965, 1976, 2004). (In Russ.)
10. *Evdokija Dmitrievna Turchaninova na scene i v zhizni: Pisma, stati, vospominanija sovremennikov*. Sost. V.N. Toropova. [Evdokiya Dmitrievna Turchaninova on Stage and in Life: Letters, Articles, Reminiscences of Contemporaries. Compiled by V.N. Toropova]. Moscow, *All-Russian Theatrical Society Publ.*, 1974. 429 pp. (In Russ.)
11. *Perepiska N.M. i E.I. Druzhininyh s istorikami, literaturovedami, pisateljami*. Sost. V.G. Buhert. [Correspondence of N.M. and E.I. Druzhinin with Historians, Literary Critics, writers. Compiled by V.G. Buchert.] Moscow, *Pamjatniki istoricheskoy mysli Publ.*, 2018. 466 pp.

РЕЦЕНЗИИ

А.И. Изотов

**ГРАММАТИКА В ОБЩЕСТВЕ, ОБЩЕСТВО
В ГРАММАТИКЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО НОРМАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ / Под ред. М. Номати, С. Киёсавы.
М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 304 с. (Studia philologica)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии представлен совместный международный сборник сотрудников кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Центра славянско-евразийских исследований Хоккайдского университета (г. Саппоро, Япония), посвященный проблемам грамматикографии русского, украинского, белорусского, польского, словацкого, болгарского, сербского, словенского и македонского литературных языков.

Ключевые слова: нормативная грамматика; русский язык; украинский язык; белорусский язык; польский язык; словацкий язык; болгарский язык; сербский язык; словенский язык; македонский язык.

Статьи обсуждаемого сборника, обязанного своим появлением сотрудничеству Центра славянско-евразийских исследований при Хоккайдском университете (г. Саппоро, Япония) и филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, подготовлены на основе докладов, прочитанных 10 октября 2018 г/ на филологическом факультете в рамках международного семинара «Грамматика в обществе, общество в грамматике». Рецензентами сборника выступили проф. *П.Ю. Грищенко* (Институт украинского языка НАН Украины), проф. *С. Танасич* (Институт сербского языка САНИ), проф. *З. Грень* (Варшавский университет), а автором предисловия, в котором характеризуется история славянских литературных языков в её отношении к иным славистическим дисциплинам, — академик РАН, проф. *С.М. Толстая*. Издание осуществлено при финансовой поддержке Японского общества содействия науке (JSPS).

Во Введении редакторы-составители сборника *М. Номати* и *С. Киёсавы* пишут о важности учета экстралингвистических факторов в истории форми-

Изотов Андрей Иванович — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

рования современных славянских языков, когда в грамматике «отражается идея о способе описания языковой структуры, идеология автора, связанная с нормализацией/стандартизацией языка с какой-то целью, выбор самих языковых норм, который часто сопровождается борьбой за них, авторитет писателей, разные отношения носителей языка и кодификаторов к нормализуемому языку, (не) приятие кодифицированной формы носителями языка, динамика кодифицированной формы в диахронии, проблемы самоидентификации этнических групп/народов и много других аспектов» [Грамматика... 2021: 12], определяют место данного издания среди уже существующих с аналогичной тематикой и кратко характеризуют следующие статьи сборника.

В открывающей сборник статье *О.А. Остапчук* (Москва) рассмотрела вклад в нормализацию украинского литературного языка нового времени Олексы Наумовича Синявского и Олены Борисовны Курило, творческое наследие которых, «по политическим причинам исключенное из научного оборота на долгие годы, лишь относительно недавно вновь стало частью украинистического дискурса» [Грамматика... 2021: 20].

В статье *С. Киёсавы* (Саппоро) характеризуется роль в становлении белорусского литературного языка грамматики для школ, подготовленной учеником А.Ф. Шахматова и Е.Ф. Карского Брониславом Тарашкевичем, анализируется «процесс обсуждения составления белорусской грамматики и орфографии во время немецкой оккупации 1915–1918 гг. на основе статей, касающихся данной проблемы, в белорусскоязычной газете “Гомон” (Гоман / Номан), выходившей в оккупированной Вильне» [Грамматика... 2021: 64], а также диглосная и полиглосная ситуация, сложившаяся на территории проживания белорусского этноса в тот период.

Д. Адаши (Саппоро) анализирует особенности развития концепции русского литературного языка в трудах В.В. Виноградова, посвященных языку и поэтике Н.В. Гоголя.

Н.Е. Ананьева (Москва) представила трехчастную «Грамматику для народных школ» и «Грамматику польского языка» языковеда и просветителя XVIII иеромонаха католического ордена пиаристов Онуфрия Копчинского.

К.В. Лифанов (Москва) рассмотрел «Словацкую грамматику» (1790) А. Бернолака как свидетельство смены текстологического способа формирования нормы аналитическим.

М.Н. Белова (Москва) представила «Первую болгарскую грамматику» И. Богорова (1844), заложившую традицию описания грамматической системы болгарского языка на основе современных этому описанию народных говоров, а не на старославянской основе.

Д. Шипка (Саппоро) рассматривает сербские грамматики Караджича (1818), Новаковича (1894), Стевановича (1962), Пипера и Клайна (2013), показывая, как харизматический авторитет кодификатора постепенно уступает «рациональному авторитету, основанному на социолингвистике и традиционном авторитете сербского языковедческого наследия» [Грамматика... 2021: 214].

О.С. Плотникова (Москва) представила скрупулезный анализ книги выдающегося деятеля словенского национального возрождения Валентина

Водника — «первой в истории словенских земель школьной грамматики словенского языка на словенском языке» [Грамматика... 2021: 219].

Е.В. Верижникова (Москва) рассмотрела появление грамматики Круме Копеского (1946) как важнейший этап в успешной и проведенной в кратчайшие сроки кодификации македонского литературного языка, завершенной двухтомной грамматикой Блаже Конеского (1952; 1954), орфографическими словарями (1950; 1970) и трехтомным толковым словарем македонского языка (1961; 1965; 1966).

Завершает сборник статья *М. Номачи* (Саппоро), посвященная уже подписанному к печати (1947), но так и не опубликованному по политическим причинам «Очерку македонского литературного языка» С.Б. Бернштейна, восстановленному по архивным источникам.

Подводя итоги сказанному, мы горячо рекомендуем данное издание всем специалистам по славянскому и русскому языкознанию.

Andrey Izotov

**GRAMMAR IN SOCIETY, SOCIETY IN GRAMMAR:
STUDIES ON THE PRESCRIPTIVE GRAMMAR
OF SLAVIC LANGUAGES / Ed. by M. Nomachi, S. Kiyosawa.
M.: Publishing House of YASK, 2021. 304 p. (Studia philologica)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 199991*

The review presents a joint international collection of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University and the Centre for Slavic and Eurasian Studies at Hokkaido University (Sapporo, Japan), on the problems of grammaticography of Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, Slovak, Bulgarian, Serbian, Slovenian and Macedonian literary languages.

Key words: prescriptive grammar; Russian; Ukrainian; Belarusian; Polish; Slovak; Bulgarian; Serbian; Slovenian; Macedonian.

About the author: *Andrey Izotov* — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

Ю.И. Красносельская

**Кучерская М.А. ЛЕСКОВ: ПРОЗЁВАННЫЙ ГЕНИЙ.
М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензия посвящена новой книге М.А. Кучерской в серии ЖЗЛ «Лесков: прозёванный гений». Книга рассмотрена в контексте других биографических повествований о «противоречивом», «расколотом» гении. Анализируется оригинальный подход автора к воссозданию жизни и творчества Лескова, объединивший художественную реконструкцию описываемых событий с основательной научной работой по отысканию новых источников лесковских произведений, прояснению обстоятельств его жизни и круга знакомств. Внимание уделено проблеме историко-литературной контекстуализации деятельности писателя.

Ключевые слова: М.А. Кучерская; Н.С. Лесков; биография; противоречия; шестидесятники.

Составители биографий часто подчеркивают разрыв между десницей и шуйцей своего героя. Это и понятно: гению редко свойственна последовательность в действиях и предсказуемость в суждениях; острые углы — обратная сторона умения пропускать через себя все многообразие впечатлений бытия, не оставаясь равнодушным ни к «единому на потребу», ни «к буйству дикому страстей и скорби лютой». Вот и авторы биографий в серии ЖЗЛ, давних и недавних, нередко стремятся нащупать то базовое «противоречие», которое определяет «литературные и нравственные скитальчества» их героя и придает этим скитальчествам характер, если не трагический, то, по крайней мере, возвышенный. Например, давняя книжка Шкловского «Лев Толстой» строится на споре с теми биографами, которые пытались «замазать противоречия, которые так много определяли в жизни Толстого»; Шкловский, напротив, всячески подчеркивает «кричащие противоречия», видя в них противоречия самой эпохи Толстого — эпохи крушения ценностей дворянского мира и предвестия революции, которую Толстой не хотел принимать. В недавней книге А.В. Вдовина о Добролюбова акцент сделан на противоречиях «между духом и плотью», обусловленных причинами не только историческими, но и глубоко личными: молодость героя, ушедше-

Красносельская Юлия Игоревна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: jullkra@yandex.ru).

го из жизни 25 лет от роду, объясняет, по мнению автора, его страстные увлечения, подчас шедшие в разрез с теоретическими воззрениями, коим он стремился быть верен. Новая книга М.А. Кучерской о Лескове также начинается с фразы о том, что «Лесков был человеком разорванным» (с. 5). И все же этот тезис не кажется общим местом; читая книгу, убеждаешься, что каждый писатель не только «мал и мерзок — не так, как вы — иначе», но и парадоксален по-своему, «иначе». «Разрывы» и парадоксы Лескова мастерски охарактеризованы во вступлении к книге: вера в «очеловечивающую силу христианства» (с. 6) — и мрачный рационализм шестидесятника; страшная неуживчивость и несправедливость по отношению к родным и близким — и острая тоска одинокого человека по тем, кто обогреет в прямом и переносном смысле; ювелирная работа с языком, чутье к красоте слова — и «избыточность таланта», придававшая сочинениям Лескова характер вычурности. Противоречий, одним словом, масса; причем таких, с которыми читателю (да, судя по всему, и автору) и трудно, и больно, и неприятно: так, описывая взаимоотношения Лескова с сыном Андреем, Кучерская не скрывает всей жесткости и резкости суждений писателя о том, кто впоследствии приложит массу усилий для сохранения памяти об отце. Но специфика работы Кучерской с этими «противоречиями» состоит не только в том, что в них она видит больше скандальности, чем возвышенности, но и в методе работы с ними. Так, «противоречия» Льва Толстого подчеркиваются Шкловским тем больше, чем больше исследователю хочется спорить со своим героем, меряться с ним силами, восхищаться размахом его начинаний и обилием сил, направленных подчас, согласно биографу, к ложным целям. Кажется, что Шкловский «понял» Толстого прежде, чем взялся описывать; он знает, в чем прав и не прав Лев Толстой, в чем состоит историческая продуктивность или архаичность его свершений. Противоречия Добролюбова в книге Вдовина исследуются, напротив, с бесстрастностью ученого, который не может себе позволить увлечься своим персонажем, который в самих его страстях и терзаниях видит прежде всего научную проблему, разрешаемую с помощью передовой исследовательской оптики. Не так у Кучерской. К своему герою она подступает с любовью, скорее как опытный врач, который, вполне полагаясь на данные лабораторной диагностики, не игнорирует в то же время показаний самого пациента, готов к уважительной беседе с ним, видя в нем не просто объект наблюдений или поле для экспериментов, а живого человека, поддержанию жизни которого и подчинена его деятельность. Соответственно, и к лесковской «разорванности» автор «Прозванного гения» подходит по-разному. В каких-то случаях Кучерская использует метод психологической реконструкции, пытаясь представить себе то, что могло руководить писателем в его «странностях», что он мог переживать и говорить в тех случаях, о которых у биографа нет точных сведений (в таких случаях Кучерской помогает ее писательский опыт — уже во введении правомерность использования художественных приемов мотивируется множеством темных мест в биографии Лескова, для прояснения которых иных путей автор не видит). Но даже в наиболее «литературных» местах биографии (каковых больше в начале книги, при описании почти не задокументированной молодости героя) у читателя почти не возникает ощущения, что автору интереснее придумывать «своего» Лескова, чем

описывать реального: литературные построения Кучерской субъективны в той степени, в какой вообще субъективны наши попытки понять другого «изнутри», «встать на его место». Погружение во внутренний мир Лескова не приводит к желанию «все простить», оно скорее позволяет проследить, как Лесков справлялся с дисгармонией, даже бездной, которую чувствовал внутри себя, при помощи слов, которые «краше света» и «выше леса» (с. 542) и на основе которых создавался тот мир правды и красоты, удивительная гармония которых ярче всего выражена, пожалуй, в византийских легендах вроде «Скомороха Памфалона».

Взгляд на Лескова «извне» подключает другой, собственно научный метод анализа, при котором неоднозначность поведения литератора чаще всего объясняется социально-политическими и культурными процессами его эпохи. Но если — развивая сравнение со Шкловским — у последнего Толстой исторически детерминирован двумя эпохами и как бы разрывается между ними (Толстой-архаист пытается сохранить то, что стремительно исчезает из современности под воздействием новых капиталистических веяний), то у Кучерской «расколотов» сознания Лескова выявляется, так сказать, на синхроническом срезе: благодаря своему извилистому жизненному пути Лесков оказывается губкой, впитывающей влияния и впечатления, которые, будучи исторически синхронными, тем не менее редко могли воздействовать на одного человека. Людям лесковского или предшествующего поколений приходилось, конечно, выбирать между западничеством и славянофильством, провинциальным и столичным, религией и верой в науку, однако многие из этих «выборов» — тип мироощущения, идеология, культурные ориентиры — часто предопределялись происхождением, социальной принадлежностью, местом жительства: «человек сороковых годов», «провинциал в Петербурге», «нигилист» — все это достаточно устойчивые модели не просто поведения, но биографии. Между тем, жизнь Лескова являет собой причудливую констелляцию разных типов исторической биографии. Еще Б.М. Эйхенбаум писал о нем как о литераторе нового типа, ничем не связанном «с традициями русской столичной и поместной интеллигенции»; эту характеристику отрицать не приходится, но Кучерская, встраивая Лескова в контекст эпохи «плебеев», ворвавшихся в литературу в начале 1860-х гг., обстоятельно описывает и те его убеждения, которые были типичны для «дворянских» писателей вроде Тургенева или Толстого. Рассуждения о его европеизме, трезвом отношении к народу и «народной правде», о восприятии им дворянской миссии в пореформенную эпоху, о его эстетизме без налета любви к «чистому искусству» значительно усложняют образ, позволяя смотреть на Лескова не как на представителя партии, поколения или направления, а как на призму, в которой век отражается настолько объемно и оригинально, что как бы разрушает человеческую биографию, не дает ей оформиться. Биография оказывается заменена богатым арсеналом крайностей, кризисов, разломов, невероятно драматизирующих жизнь того, кому суждено было такой призмой оказаться. Очевидно, это обстоятельство не меньше способствовало тому, что Лескова «прозевали», чем его ранняя «партийность». Заметим, кстати, что рассказ о его злополучной «пожарной» статье и о рецепции «Некуда» оставляет некоторое чувство неясности: с одной стороны, Кучерская не склонна истолковывать первую

статью о пожарах как катастрофу, призывая не смешивать эту историю с историей вокруг «Некуда» (см. с. 159); с другой, несколькими страницами ниже все же говорится, что в пожаре 1862 г. «сгорел и Лесков» (с. 165), а реакция критики на «Некуда» трактуется далее традиционно, как вынесение писателю смертного приговора (с. 228). Однако есть ощущение, что оценка этих событий как «катастрофы» выражает прежде всего собственно лесковское восприятие, в то время как их правильное рассматривать в контексте более масштабного процесса «вытеснения» из литературного поля писателей умеренных взглядов радикалами 1860-х гг. Кучерская, конечно, этот процесс не игнорирует, отмечая, что и после «катастрофы» Лескова продолжали печатать «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Эпоха» и др. издания, однако, подчеркивает она, они были несравненно менее популярны, чем радикальные издания вроде «Современника». С этим не приходится спорить, но оправданно ли говорить о роковой ошибке, о катастрофе там, где имел место, если использовать герценовскую образность, геологический переворот, выбивший почву из-под ног не только Лескова, но и Тургенева, Фета и многих других?

Всякая хорошая биография хороша постольку, поскольку не только воссоздает обстоятельства жизни героя, но и говорит нечто большее, чем вроде бы хочет сказать, — об эпохе, об устройстве литературы, о том, как строится биография. Книга Кучерской более чем соответствует этому важнейшему, на наш взгляд, критерию качественного биографического повествования: в ней мы видим не столько широкий «фон», на котором разворачивается жизнь «прозванного гения», сколько историческую панораму, дотошно восстановленную не только в основных датах и событиях, но в ее красках и звуках («только в плоть и кровь облеченная правда сильна», как сказал бы Аполлон Григорьев, благословение которого приписывал себе Лесков). Какие только сюжеты и контексты не затронуты в книге: Кирилло-Мефодиевское братство и его разгром, Крымская война и вызванная ею к жизни агитационная литература, рекрутские наборы еврейских детей, спиритические сеансы, практики обучения в раскольничьих школах... Эти сюжеты без преувеличения оживают под пером Кучерской: так, роль петербургских пожаров 1862 г. в «подмораживании» Великих реформ и репрессиях в отношении писательского сообщества известна всякому знакомому с историей России XIX столетия, однако признаемся, что только благодаря эмоциональному и по-своему трогательному описанию Кучерской мы смогли ощутить, как пожары должны были переживаться самими современниками, почему они оказались такими резонансными. Сходным образом оживают не только именитые, но и графиня Салиас-де-Турнемир и даже Аскоченский описаны с не меньшим интересом и вниманием, подчас уравновешенным иронией, чем главный герой. Подобно тому как в рассказах Лескова восстают из мертвых старинные психопаты и печерские антики, расцветают верояции и нимфозории, в повествовании Кучерской давно забытое, ушедшее делается живым: так, парадоксальным образом, критик Дудышкин, мало кому интересный на фоне выдающихся современников — Добролюбова, Григорьева, Анненкова и др., буквально оживает на страницах книги благодаря эффектному рассказу... о его смерти, на расстоянии прочувствованной Лесковым.

Вообще, нам показалось, что художественные вставки более удачны именно тогда, когда воссоздают второстепенных героев повествования; Лесков, пожалуй, меньше нуждается в художественном оживлении — его образ и так чрезвычайно контрастен и ярк, тому способствуют факты и документы, изучение которых было проведено Кучерской с невероятной тщательностью. Чего только стоят просмотренные насквозь «Орловские ведомости» за 1838—1864 гг. с целью отыскать возможный источник криминальной драмы, описанной в «Леди Макбет Мценского уезда»! Заметим, что анализ «первого шедевра» Лескова (с. 238) можно назвать образцовым благодаря многообразию выявленных источников — см.: «Как видим, среди появившихся на “Леди Макбет...” текстов оказались и аналитические статьи о положении женщин и заключенных в России, и французские уголовные хроники, и художественная проза о женской доле и преступниках, и русские криминальные очерки, и переводные рассказы. Очерк Лескова стал своего рода парафразом журнального номера начала 1860-х годов, очевидно, потому что также был предназначен для периодического издания» (с. 253). В книге присутствует немало открытий и наблюдений, некогда составивших основу научных работ автора, а теперь расширенных и сведенных воедино: таковы, например, фрагменты о «крымском» контексте «Левши», увенчавшего творческий путь Лескова, или тонкие суждения о его дебютном «Погасшем деле», переписанном семь лет спустя. Помимо новых комментариев к текстам, запоминаются и емкие характеристики лесковских творений, позволяющие углубить представление об известных со школы шедеврах: так, «Левша» характеризуется как «лесковский ответ на вопрос, за что и почему в России убили царя» (с. 421), а «Очарованный странник» — как «повесть о русской бездне» (с. 318). Наконец, обилие архивных ссылок — причем отсылающих не только к документам, прямо касающихся Лескова, подписанных им, но и просто позволяющих восстановить круг его профессиональных обязанностей или среду, в которой ему довелось вращаться, — свидетельствует о том, что книга Кучерской, будучи популярным изданием в силу ясности изложения и увлекательности для самого широкого читателя, в то же время претендует на статус научной биографии, не просто обобщающей достижения лесковедения, но и развивающей его.

Yulia Krasnoselskaya

Kucherskaya M. A. “LESKOV: THE OVERLOOKED GENIUS”. M.: Molodaya gvardiya Publ., 2021. 622 pp.

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119999*

The review is devoted to the new book by M.A. Kucherskaya “Leskov: the Overlooked Genius”. The book is considered in the context of other biographical

narratives about a “contradictory”, “split” genius. The author’s original approach to recreating Leskov’s life and work is analyzed, combining the artistic reconstruction of the events described with thorough scientific work on finding new sources of Leskov’s works, clarifying the circumstances of his life and circle of acquaintances. Attention is paid to the problem of historical and literary contextualization of the writer’s activity.

Key words: M.A. Kucherskaya; N.S. Leskov; biography; contradictions; Sixties.

About the author: *Yulia Krasnoselskaya* – PhD, Teaching Fellow, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: jullkra@yandex.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю.В. Королинская, Е.И. Колосова

**XII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«XVIII ВЕК: ИНТИМНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ
В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ»
(МГУ, 27–28 марта 2021)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В обзоре освещается двенадцатая из серии международных научных конференций, посвященных XVIII в., проходившая на филологическом факультете МГУ 27–28 марта 2021 г. В ходе шести заседаний ученые из девяти стран мира обсуждали историю понятий «интимное» и «публичное», формы бытования и художественное воплощение интимного и публичного начал в эпоху Просвещения, «интимные» литературные жанры XVIII в. и их своеобразие, публичность приватного в литературе и искусстве, сферу публичного в культуре XVIII в.; публичность и гражданственность в Просвещении; трансформацию представлений XVIII в. об интимном и публичном в культуре последующих эпох.

Ключевые слова: XVIII в.; Просвещение; классицизм; сентиментализм; рококо; интимное; публичное; гражданское; приватное; история жанров.

27–28 марта 2021 г. кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова провела XII Международную научную конференцию «XVIII век: интимное и публичное в литературе и культуре эпохи». Традиционно это одно из центральных событий в области изучения «века Просвещения»; его основателем, организатором и «душой» является российский корреспондент Общества Дидро, президент Российского общества по изучению XVIII в., профессор кафедры истории зарубежной литературы Наталья Тиграновна Пахсарьян. Более двадцати лет конференция объединяет крупнейших российских и зарубежных исследователей. В этом году в ней приняли участие ученые из России (Москва, Санкт-Петербург, Уфа, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Смоленск, Рязань, Курган, Сочи, Саратов, Владивосток), Белоруссии, Украины, Армении,

Королинская Юлия Вячеславовна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: juliaklokova@yandex.ru).

Колосова Екатерина Игоревна — младший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН (e-mail: kolosova@inion.ru).

Грузии, Германии, Ирландии, Франции, Израиля. Часть докладов была прочитана онлайн, а часть опубликована в виде тезисов на кафедральном сайте. В течение двух дней состоялось шесть заседаний.

Докладчики исходили из понимания XVIII в. как самостоятельной культурной эпохи, важнейшие политические и социально-культурные события которой способствовали обособлению «публичной сферы» и, как следствие, формированию «сферы интимной». Исследователи включились в актуальные дискуссии о генезисе и сущности понятий «публичное» и «интимное» и представили образчики их бытования. Ученые стремились выявить различия и точки полного слияния интимного и публичного в культуре XVIII в. и описать формы художественного воплощения этих начал в различных видах искусств.

К трактовке понятия «публичное» обратилась *Е.В. Лозинская*¹, поставившая под сомнение шаблонное отношение к «отцу итальянской трагедии» В. Альфьери как индивидуалисту, тираноборцу, свободолюбцу. Опираясь на концепцию Ю. Хабермаса, исследовательница выделила в Европе XVIII в. два типа публичности: «старый» и «новый». Первый был связан с формами, в которых авторитарная власть репрезентировала себя, второй — со становлением в XVIII в. буржуазного общества и утверждением индивидуального. Зародившаяся в XVIII в. публичная сфера стала пространством национальной коммуникации частных лиц с разнонаправленными интересами для достижения некоей общности. Она предполагала выработку нового отношения к поэтическому творчеству: поэт перестал восприниматься как социальная роль, отныне он частный человек, выстраивавший личные связи со слушателями и читателями.

Происходившие социокультурные изменения нашли отражение, как показала *К.Ю. Кашлявик* (Н. Новгород), в появлении теорий публичного образования. Опираясь на представление о равенстве людей в их правах, создатель проекта первой французской конституции Кондорсе заложил основы государственной, единообразной, распространенной по всей национальной территории, бесплатной, общедоступной системы образования, создал теорию новой школы, цель которой — воспитать свободного человека, мыслящего и отвечающего за свою судьбу гражданина.

Культура интимного также возникла в XVIII в. — времени формирования ценности частной жизни. *Н.Т. Пахсарьян* проследила генезис многозначного понятия «интимное» от заимствованного в XV в. латинского *intimus*, которое изначально обозначало то, что скрыто глубоко внутри, в самой глубине. Интимное как тайное нашло воплощение в рокайльных произведениях, где его форма абсолютизировалась: укрыто то, о чем никому не говорят, что относится к сфере чувственного, телесного. В XVI—XVII вв. возникла другая близкая сентиментализму трактовка понятия — доверительное отношение в любви и дружбе: интимное стало возможно обсудить с кругом доверенных лиц. Анализ конкретных текстов показал, что в них интимное часто выполняло функции публичного. Н.Т. Пахсарьян сделала вывод, что интимное и публичное — две стороны одного процесса.

¹ Для участников из Москвы указание на город опущено.

Становление интимного дискурса ученые прослеживали на материале как светских, так и духовных текстов. Анализируя французский роман эпохи Просвещения, *Н.А. Литвиненко* описала процесс формирования в культуре сентиментализма мифа о любви. *Г.В. Синило* (Минск) исследовала наследие «наставника Германии» К.Ф. Геллерта и показала, что его духовные оды и песни несли в себе заметные ростки сентиментализма и подготовили почву для торжества чувственного направления в немецкой поэзии середины и второй половины XVIII в.

Обратившись к «Мемуарам» Мадемуазель де Монпансье, *С.Ю. Павлова* (Саратов) проследила, как во второй половине XVII в. постепенно складывалось представление об интимности и происходило осознание того, что она требует особого непубличного пространства для реализации.

Две модели построения аристократического пространства описала *В.Д. Алташина* («О философии в будуаре: Д. Дидро и маркиз де Сад», С.-Петербург). Целью публичного пространства (салона) было утверждение социального статуса хозяина. Приватное пространство (будуар) использовалось для уединения и чувственных удовольствий. Исследовательница доказала, что только приватная обстановка подходила для получения знаний, слишком смелых для эпохи.

Напряженные отношения между интимным и публичным в культуре XVIII в. отметили практически все участники конференции. Наиболее ярко проиллюстрировала их *Т.В. Саськова*. Задавшись вопросом, почему пастораль, предполагающая обращение к частной жизни, стала частью парадной жизни русской аристократии, исследовательница дала подробный анализ двойственной природы образа пастуха: одновременно идеального естественного человека и архетипического образа Бога, царя. Выступающая доказала, что посредством включенности в пасторальную традицию в России формируется облик власти, обращенной к человеку, доступной для его понимания; идеальная модель государственного устройства сливается с архетипическими представлениями о естественном взаимопонимании между людьми разных сословий «золотого века».

Размышляя над изображением тайных движений души и описаниями жизни государства в наследии Шиллера, *Д.Д. Черепанов* обратился к анализу разных вариантов ранних пьес драматурга. Опираясь на высказывание Шиллера о том, что его задача — «соткать государственное действие из нитей человеческого сердца», исследователь стремился найти причинно-следственные связи, которые вели бы от сокровенного к публичному, от закономерностей внутренней жизни к жизни внешней.

Е.В. Огнева проследила сложную диалектику интимной и общественной сфер в поэзии Т.А. Гонзаги.

Анализируя работы П. де Миробера, бывшего одновременно цензором и подпольным журналистом, *Н.М. Хачатрян* (Ереван) показала, как происходило «перетекание» интимного в публичное, т.е. распространение сведений о личной жизни влиятельных особ через памфлеты, куплеты, записки. Докладчик оценила этот процесс как одну из описанных М. Фуко процедур, при помощи которых в любом обществе происходит контролирование, селекция, организация и перераспределение дискурса во время его произ-

водства, и сделала вывод о том, что в XVIII в. не было противопоставления между интимным и публичным.

Выявление диалогических отношений между частным и общим, личным и социальным, внутренним и внешним позволило участникам конференции найти новые подходы к описанию центральных жанров эпохи.

С.А. Салова (Уфа) проблематизировала эволюцию одического жанра от пиндаризма к оде частной жизни. Она выявила связь между прижизненной интимной иконографией Елизаветы Петровны образами анакреонтической лирики Ломоносова. Последняя была рассмотрена как промежуточный этап от ломоносовской поэтики Петра к державинской поэтике Екатерины Фелици.

Специфические черты автобиографического жанра в литературе США были отмечены *Д.В. Абдурахмановой-Павловой* (С.-Петербург). Анализируя «Дневник» американского квакера Джона Вулмена, докладчица обратилась к проблеме, известной в американском литературоведении как «гражданское неповиновение» и обусловленной идеей приоритета «велений совести» над подчинением общественным установлениям. *О.Ю. Панова* обратила внимание на то, что первые произведения негритянской словесности в конце колониального периода истории США были автобиографическими, и осветила своеобразие двух поджанров: духовной биографии и признаний преступника, — которые сочетали формульность и индивидуализированные черты, раскрывающие неповторимость души героя. Описания внутреннего мира в них служили общественным целям назидания и развлечения. В России XVIII в., как показала *И.П. Кулакова*, автобиографическое письмо выступило как новая система хранения персонифицированного опыта.

Эпистолярный жанр вызвал интерес ряда авторов стендовых докладов. *М.С. Харитонова* (Дублин) обратилась к переписке Свифта с Э. Ваномри, в которой отразилось своеобразие художественной манеры писателя. *Е. Иванова-Гледель* (Нант) исследовала эпистолярное наследие Франсуазы де Графиньи (1695–1758) — источник информации о положении женщин, о повседневной жизни в Париже... *С.А. Козлов* (С.-Петербург) проанализировал семейную переписку А.Т. и П.А. Болотовых (1796–1826) — уникальный документальный комплекс, позволяющий изучить психологию провинциального дворянства в исторической перспективе.

Большое внимание докладчица уделила характеристике интимного начала в русской сатире. *О.Л. Довгий* выделила две основные функции интимного в произведениях Кантемира. Первая обнаруживается в высказываниях от первого лица, описании личных переживаний поэта и позволяет читателю проникнуть во внутренний мир автора. При более пристальном рассмотрении интимное в творчестве Кантемира выступает в роли поэтологического приема: включение исповедального режима сатирически освещает отрицательных персонажей. Принципиально иную позицию занял Сумароков, не мысливший сатиру в отрыве от реальных людей и ситуаций. Выявление личного и конкретного в его произведениях позволило *В.Е. Калгановой* определить новаторство автора, заключавшееся, прежде всего, в изменении облика повествователя. *Л.А. Трахтенберг* осветил специфику текстов стоявшего в конце пути русской просветительской

сатиры Н.И. Стрхова и исследовал, как тот возводил отдельные случаи из частной жизни к универсальному социально-психологическому типу.

А.Д. Ивинский продолжил тему российских «толстых журналов» и в докладе «Екатерина II и Грасиан: о контекстах “Всякой всячины”» сделал вывод о том, что русская литературная журналистика может и должна вписываться в несколько больших контекстов: екатерининского имперского проекта, предполагавшего претворение в жизнь передовых взглядов просветителей — с одной стороны, и идеологию старого режима — с другой.

Чтобы проследить, как менялось представление о границах публичного и интимного в русской культуре, *А.В. Архангельская* сопоставила два памятника литературы, которые предписывали определенные поведенческие нормы: «Домострой» (XVI в.) и «Юности честное зерцало» (первая половина XVIII в.). В последнем была выявлена четкая оппозиция «секулярное, дворянское, мужское» / «религиозное, женское». Первая составляющая этой оппозиции свидетельствует о становлении светского мировоззрения, вторая практически точно повторяет традиционное мировидение, выраженное в «Домострое».

Предметом особого внимания участников конференции стали публичные зрелища и визуальные виды искусств.

XVIII в. — время становления многих современных национальных театров Европы. *Ю.В. Королинская* говорила о том, как в 1720-е годы в Дании делаются первые попытки организовать светские увеселения для широкой публики, описала процесс появления первой датской сцены, вопрос существования которой непосредственно был связан с историческим решением о создании для нее публики.

Новый театр требовал новой театральной эстетики, о принципах которой велись дискуссии. *М.Р. Алташина* (С.-Петербург) обратилась к театральной теории Дидро, разработавшего новаторскую теорию мещанской драмы. Полемицировал с Дидро, как показала *Н.А. Какауридзе* (Кутаиси), Лессинг — автор теории создания национального театра Германии.

Т.Г. Чеснокова обратилась к генезису жанра комедии. В докладе, исследующем сюжет Плавта в комедии Ж.Ф. Реньяра «Неожиданное возвращение», докладчик показала, как контрастное сочетание публичного и приватного становится источником комизма и той точкой, в которой классицистические приемы и нормы наполняются рокайльным содержанием, чтобы в перспективе подвергнуться связанным с ним изменениям.

А.А. Аронова осветила вопрос об эволюции светских увеселений в России от Петра I до Екатерины II. Продолжила тему *Е.А. Блохина*, которая описала топографию публичного пространства на типичных для екатерининского времени торжествах в честь открытия наместничеств.

Своеобразным медиаресурсом XVIII в. назвала *Л.В. Никифорова* пантомимно-аллегорический балет «Новые аргонавты» (24.10.1770, СПб., Г. Анджелини), который призван был рассказать о Чесменской битве и выступал в качестве визуальной версии выпуска новостей.

Доклад *Ю.Н. Беловой* был посвящен анализу категорий публичного и частного в творчестве Ватто. Театральная репрезентация персонажей на полотнах Ватто подчеркивала ориентацию изображаемого на зрителя. При

этом сфера публичного плавно перетекала в частную, что нашло выражение в действиях персонажей. Трактую частное как близкое и привычное, Ю.Н. Белова описала формы его претворения в композиции и образном строе картин и дала оценку мотиву одиночества в искусстве XVII—XVIII вв.

А.И. Иваницкий затронул проблему специфики воплощения оппозиции парадное / интимное в искусстве рококо и сделал вывод о том, что расцвет просвещенного абсолютизма и его 70-летняя женская основа задали в русском женском портрете единство парадного представления и галантно-интимного приглашения.

Большинство докладчиков сошлись во мнении, что в XVIII в. противопоставление между интимным и публичным только намечалось. Четкое их разграничение — черта более поздней эпохи, XIX столетия, «золотого века интимного». Описанию произошедшего в последней трети XVIII — начале XIX в. изменению художественного сознания от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому в русской литературе был посвящен доклад *Т.А. Алтаевой*.

Многие участники конференции задались вопросом о трансформации представлений об интимном и публичном в культуре последующих эпох. Сопровождая сообщение богатым иллюстративным материалом, *О.В. Разумовская* показала, что кукольный домик XVIII в. — прототип и модификация романного готического топоса, метафора готического романа как такового с его приоритетом пространственного в хронотопе, ориентацией на игровое начало и нарочитой марионеточностью персонажей. *А.В. Попова* (Донецк) обратилась к жанру письма-исповеди в психологической прозе французского романтизма. *Г.И. Модина* (Владивосток) проанализировала ранние сочинения и письма Флобера. *Е.В. Гнездилова* выявила традиции «интимных» литературных жанров XVIII в. в романе Р. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге». *Э.Г. Шестакова* исследовала единство случайности и соблазна в трех новеллах Бунина из цикла «Темные аллеи». *Е.В. Фейгина* затронула вопрос об эволюции жанра мемуаров. Предметом ее исследования стали «Мемуары» Гольдони (опубл. 1787) и написанный в форме воспоминаний роман «Сад Финци-Контини» Дж. Бассани (1962). *И.Ю. Гаврикова* (Брауншвейг) сопоставила представления об интимном и публичном в художественном сознании XVIII и XXI вв., обратившись к анализу романа Юли Цее «О людях» (*Über Menschen*, 2021). *А.Л. Гринштейн* (Иерусалим) исследовал романы Д. Сеттерфилд и показал, что художественные формы для воплощения «частного, публичного, интимного, социального, общего» в них восходят к прозе XVIII в.

Своеобразие истории, культуры и мировоззрения XVIII в. не перестает вдохновлять режиссеров. Представив панораму кинематографических и театральных постановок второй половины XX — начала XXI в., *Т.Ф. Тенерик* обозначила парадоксы сочетания публичного и интимного начал при создании образов английских монархов XVIII в. *И.А. Черненко* (Ростов н/Д) сравнила специфику изображения домашних и общественных увеселений в романах Гёте и кинофильме «Гёте!» (2010, реж. Ф. Штёлцль).

Выбранная для конференции проблема, таким образом, позволила участникам пересмотреть ряд схем описания культуры XVIII в., выявить

неизвестные ранее нюансы ее духовного облика, задаться вопросом о традициях публичности и интимности литературы и искусства XVIII в. в культуре XIX–XXI вв. Ссылаясь на Фуко, организаторы подвели итог: нам до сих пор приходится решать вопросы, поставленные эпохой Просвещения.

В 2021 г. издан сборник материалов конференции.

Yulia Korolinskaia, Ekaterina Kolosova

**XII INTERNATIONAL CONFERENCE
“THE XVIII CENTURY: THE INTIMATE
AND THE PUBLIC IN THE LITERATURE
AND CULTURE OF THE TIME”
(Lomonosov Moscow State University, 27–28 March 2021)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119999*

The review covers the twelfth international conference on the eighteenth century, held at the Faculty of Philology of Moscow State University on March 27–28, 2021. During six sessions scientists from nine countries discussed the history of the concepts of “intimate” and “public”, forms of existence and artistic embodiment of the intimate and public principles in the Enlightenment, “intimate” literary genres of the 18th century and their originality, publicity of the private in literature and art, the sphere of public in 18th century culture; publicity and citizenship in the Enlightenment; transformation of 18th century ideas about the intimate and public in culture of subsequent eras.

Key words: history of culture; 18th century; Enlightenment; classicism; sentimentalism; rococo; intimate; public; civil; private; history of genres.

About the authors: *Korolinskaya Yulia* – PhD, Junior research assistant, Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Moscow State University (e-mail: juliaklokova@yandex.ru); *Kolosova Ekaterina* – Junior research assistant, Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: kolosova@inion.ru).

А.В. Назарова

**VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ
КАК ЕДИНЫЙ ПРОЦЕСС (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ)»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Обзор посвящен VII Международной научной конференции «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)», которая состоялась на филологическом факультете МГУ 17–19 декабря 2020 г. Конференция включала два пленарных заседания и работу 14 секций, где обсуждался широкий спектр вопросов, связанных с актуальными проблемами современного литературоведения. Конференция помогла обобщить научные результаты, накопленные отечественной и мировой литературоведческой русистикой за последние годы, позволила составить представление о переходных процессах в методологии современной филологической науки и их закономерностях, наметила новые пути изучения русской литературы XX — начала XXI в., способствовала интеграции знаний и практического взаимодействия российских и зарубежных специалистов-литературоведов.

Ключевые слова: литературоведение; литературный процесс; методология; критика; традиция; литературное направление; литература народов России; стиль.

17–19 декабря 2020 г. на филологическом факультете МГУ прошла VII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Научный форум проводится на регулярной основе раз в два года усилиями коллектива кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. В докладах и дискуссиях участников и гостей мероприятия обсуждались важнейшие аспекты теории и методологии изучения литературного процесса, которые связаны с жанрово-стилевыми характеристиками произведений, проблемой автора, его мировоззрения и эстетических ориентиров, понятийным аппаратом современного литерату-

Назарова Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: raznastas@gmail.com).

роведения и т.п. В конференции приняли участие более ста исследователей из ведущих вузов России, Ближнего и Дальнего зарубежья, чьи выступления прошли в очном и онлайн-формате. Доклады прочитали литературоведы из 14 российских городов (Екатеринбурга, Казани, Красноярска, Пскова, Самары, Тюмени...), слависты из КНР, Сербии, Болгарии, Австрии и др. Широкий охват тематики конференции, затрагивающей как вопросы теории и методологии изучения художественной словесности, так и творчество конкретных писателей, поэтов и драматургов, определил рабочий формат мероприятия. Конференция включала два пленарных и 14 секционных заседаний, сформированных с учетом сложившихся направлений научной работы членов кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса, среди которых рецепция русского модернизма в XX в., критика и литературоведение, своеобразие литератур народов России и постсоветского пространства, проблемы детской литературы и т.д. Две секции были приурочены к знаковым датам 2020 года: 75-летию Победы и 100-летию Ф.А. Абрамова.

На **пленарном заседании** выступили российские литературоведы, обратившиеся к вопросам, связанным с юбилейными датами 2020 г. (*М.М. Голубков*), источниками творческого акта (*Н.М. Солнцева*), рецепцией Второй мировой войны в российской прозе 2015–2020 годов (*В.В. Агеносов*) и аспектами творчества современных авторов, в частности А.В. Иванова (*Л.А. Колобаева*) и С.А. Алексиевич (*И.Б. Ничипоров*), восприятием романа «Мастер и Маргарита» в эмиграции (*М.В. Мишуrowsкая*). Завершило заседание выступление *Н.П. Дворцовой*, посвященное проблеме трансформации бумажной литературы в цифровую.

В докладах **первой секции** обсуждались теоретические аспекты литературоведения, среди которых персоноцентрический характер современной науки о литературе (*А.Н. Андреев*), перспективные направления изучения сюжетно-композиционной и мотивно-архитектонической структуры художественного текста (*М.Б. Лоскутникова*). Участники **второй секции** обратились к вопросам традиций и их обновления в литературном процессе XX века на примере произведений Бунина, Ю.П. Кузнецова, Н.И. Тряпкина (*С.Ю. Николаева*), А. Бека (*А.А. Гаганова*), Захер-Мазоха (*В.Г. Хрусова*) и др. В выступлениях докладчиков **третьей секции** были затронуты проблемы, связанные с творчеством художников первой половины XX века: С.Н. Дурьлина (*Е.А. Щепалина*, *Е.А. Коршунова*), Н.А. Лухмановой (*Т.В. Левицкая*), Н.А. Тэффи (*М.А. Карлюк*). Темами обсуждения участников **четвертой секции** стало своеобразие наследия писателей и поэтов второй половины XX в., в том числе особенности песенно-поэтического творчества Галича, Летова и Башлачева (*О.Р. Темиришина*, *А.В. Марков*), смех как социокультурный феномен 1950–1960 гг. на материале произведений Синявского и Даниэля (*Е.П. Мельничук*). Доклады **пятой секции** касались теоретического освещения современной русской прозы (*И.В. Мотейюните*), художественных и поведенческих стратегий современных авторов (*В.Г. Моисеева*), интертекстуальных связей их произведений с западными и восточными литературными и философскими традициями (*Ин Юе*, *Б.С. Попович*) и др. В центре внимания участников **шестой секции** оказалось творчество

Е.Г. Водолазкина, М.П. Шишкина, А.В. Иванова и Ю.М. Полякова, прежде всего этико-философские векторы (*Д.В. Кротова, М.В. Бочкина*) и особенности мотивно-образной организации в их прозе (*М.А. Хлебус, Н.Э. Ибадова*), а также вопрос о правомерности ее причисления к неомодернизму. В **седьмой секции** были представлены доклады о проблематике и художественно-стилевом своеобразии современной русской поэзии и драматургии, в том числе вопросы интермедийности и синтеза искусств в современном театре (*М.В. Кондрашева, П.С. Соловьева*), «кинооптика» лирики Б. Рыжего (*Т.А. Арсенова*), поэтика русского рэпа (*А.А. Жукова*). **Восьмая секция** объединила доклады о проблемах критики и литературоведения: шла речь о проблеме трансформации роли литературных журналов в современном литературном процессе (*А.А. Голубкова*), исследовательских векторах при изучении классики и наследия литераторов, находящегося в архивах общественных организаций (*Ю.Ю. Гребенщиков, А.Ю. Денисов*). В центре внимания участников **девятой секции** стало бытование символизма, акмеизма и футуризма в литературном пространстве XX в., в том числе ахматовский дискурс в женской поэзии первой трети XX столетия (*М.В. Михайлова, Цзоу Лувэй*), символистский миф о Красоте в киносценариях Маяковского (*Т.А. Купченко*). Проблематика выступлений **десятой секции** была посвящена рецепции русского модернизма в художественно-литературном контексте XX в. Выступающие сосредоточили внимание на сонофере романа «Доктор Живаго» (*Т.И. Дронова*), усвоении эстетики и поэтики театра абсурда в драматургии Д. Данилова (*О.И. Хайрулина*) и др. Вопросу о месте литератур народов России в постсоветском культурном пространстве была посвящена **одиннадцатая секция**: обсудили идею пограничья современной русскоязычной литературы, которая проявляется в том числе в концепте идентичности (*В.Р. Аминева*), ее связь с опытом депортации и эмиграции представителей народов, проживающих на территории России (*Е.Ф. Гилева, Н.И. Нефедова*). **Двенадцатая секция** была посвящена теме войны: пространственным атрибутам образа Родины в русской поэзии 1941–1945 гг. (*И.Н. Коржова*), художественным функциям книги в прозе В.П. Некрасова о войне (*Е.Ю. Зубарева*) и др. Темой **тринадцатой секции** стала деревня как цивилизационный феномен в литературе XX — первых десятилетий XXI в.: выступающие рассмотрели эволюцию архетипа дома (*М.М. Голубков*), исчезновение деревенского мира как утрату универсального национально-культурного пласта (*Г.Ц. Бадужева*). Темой выступлений участников **четырнадцатой секции** стали проблемы детской литературы XX–XXI вв., среди которых взаимоотношения личности и коллектива у Гайдара (*О.С. Октябрьская*), жанровая трансформация философской и литературной сказок и их переводов (*В.В. Домашнева, М.М. Громова*).

В выступлениях докладчиков заключительного пленарного заседания шла речь об экспериментальном характере произведений Б. Акунина, входящих в состав проекта «История Российского государства» (*А.В. Архангельская*), переключках в пореволюционном творчестве Маяковского и Платонова (*О.М. Кириллина*), опыте реконструкции «белой» версии «Хождения по мукам» А.Н. Толстого на основе изучения записных книжек и прозы писателя эмигрантского периода (*Б.В. Соколов*), эволюции мотивов любви и

войны в произведениях В.П. Астафьева, Н.О. Богомолова и Ю.В. Бондарева (А.Ю. *Большакова*), о переводческих и издательских стратегиях, знакомящих современного русскоязычного читателя с поэзией и прозой приполярных народов (Л.С. *Чекин*), о советском «потерянном поколении», чей образ нашел отражение в современной литературе, в частности пьесе «Фронтовичка» А.Е. Батуриной и романе «Дождь в Париже» Р.В. Сенчина (Ш.Г. *Умеров*). Работу заседания завершило выступление писателя С.А. *Шаргунова*, который ответил на вопросы участников и гостей конференции, рассказал о работе в журнале «Юность», о путях формирования своего круга чтения, об отношении к переводам своих книг на другие языки, к наследию ряда писателей XX в., в частности Ю.В. Бондарева, и поделился творческими планами.

Anastasia Nazarova

**VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“RUSSIAN LITERATURE OF 20TH — 21TH CENTURIES
AS A PROCESS (ISSUES OF THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL RESEARCH)”**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review is devoted to the VII International scientific conference “Russian literature of 20th — 21th centuries as a whole process (issues of theoretical and methodological research)” was held at the faculty of Philology of Moscow State University on 17th — 19th of December 2020. The conference included two plenary sessions and 14 sections where a wide range of issues related to the current problems of modern literary studies were discussed. The conference helped to summarize the scientific results accumulated by Russian and world literary studies in recent years, allowed the participants to get an idea of the transition processes in the methodology of modern philological science and their regularities, outlined new ways of studying Russian literature of the XX — early XXI centuries, and also contributed to the integration of knowledge and practical interaction between Russian and foreign literary experts.

Key words: literary studies; literary process; methodology; criticism; tradition; literature of the peoples of Russia; style.

About the author: *Anastasia Nazarova* — PhD Teaching Fellow, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: raznastas@gmail.com).

ПАМЯТИ...

Н.И. Миронова, Е.В. Щенникова

ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ФРОЛОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Безвременно ушла из жизни Ольга Евгеньевна Фролова (24.04.1959—24.01.2022), заведующая межкафедральной лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Талантливый ученый, увлеченный исследователь, лингвист, литературовед, специалист по лингвокриминалистике, она внесла существенный вклад в работу лаборатории в области анализа устной и письменной речи. Ольга Евгеньевна была членом редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» более 10 лет (с октября 2011 г.), готовила к печати материалы рубрик «Научная жизнь», «Юбилеи», «Памяти...» Ее скоропостижный уход — тяжелая утрата для журнала.

Ключевые слова: О.Е. Фролова; литературоведение; теоретическая лингвистика; прикладная лингвистика; анализ устной и письменной речи; лингвокриминалистика; Вестник МГУ.

Ольга Евгеньевна Фролова окончила МГУ имени М.В. Ломоносова в 1981 г. (отделение русского языка и литературы филологического факультета), получив диплом с отличием. Первым местом ее работы был Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. Именно там она в 1996 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Содержание и методическая интерпретация категории “пространство” при обучении толкованию русского прозаического художественного текста», а затем в 2008 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Референциальные механизмы фольклорного и авторского художественного текста». В 2003 г. Ольга Евгеньевна пришла работать на филологический факультет МГУ в межкафедральную лабораторию фонетики и речевой коммуникации, которой тогда руководила профессор Л.В. Златоустова.

Миронова Наталья Изяславовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mironnat@rambler.ru).

Щенникова Евгения Владимировна — кандидат филологических наук, главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (e-mail: schevos@mail.ru).

Трудно даже представить себе широту научных интересов О.Е. Фроловой. Многие ее научные исследования были связаны с анализом художественного текста (произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Чехова, Д. Хармса, В. Набокова, А. Платонова), его структуры, референции, интерпретации. Ольгу Евгеньевну интересовали структура и типология спонтанного текста, язык современной газеты, тексты разных жанров (устава, конституции и др.). Есть у нее работы о русских пословицах, загадках, особенно ее как ученого привлекал анекдот: его типология и референция, отражение в нем исторических событий и пр. Ольга Евгеньевна исследовала концепты, составляющие русскую языковую картину мира, функционирование в текстах лексических единиц разных типов. В журнале «Вестник МАПРЯЛ: дайджест» на протяжении многих лет публиковались ее библиографические обзоры, хроники и обзоры конференций, симпозиумов.

О.Е. Фролова внесла весомый вклад в развитие судебной лингвистической экспертизы в России. Возглавив в 2012 г. межкафедральную лабораторию фонетики и речевой коммуникации, где одно из направлений научно-исследовательской работы — «Антропоцентрическое исследование звучащей и письменной речи в лингвокриминалистике» — было связано с проблематикой судебной лингвистики, она активно участвовала в разработке программы магистратуры по направлению «Лингвокриминалистика», организовывала круглые столы с представителями ведущих государственных судебно-экспертных учреждений, публиковала работы по тематике лингвистической экспертизы в журналах «Эксперт-криминалист» и «Судья», исследовала феномены речевой агрессии и манипуляции, проблему соотношения юридических терминов и слов общепотребительного языка, речевые акты призыва и оскорбления, а также вербальное воплощение образа преступника в русском языке и соответствующее тематическое поле.

Совместно с И.В. Галактионовой на протяжении последних лет Ольга Евгеньевна вела курс «Специализированный лингвистический анализ текстов», посвященный в том числе и экспертному анализу спорных текстов. Благодаря ее инициативе, на базе филологического факультета МГУ было организовано обучение практикующих экспертов Следственного комитета Российской Федерации по программе повышения квалификации «Криминалистическое исследование устных и письменных текстов» (четыре потока в 2014 и 2018 гг.).

Ольга Евгеньевна участвовала в создании Мультиязыковой многоаспектной фонетической базы данных, на которую группа исследователей (Г.Е. Кедрова, С.Б. Потемкин, С.А. Крейчи, О.Е. Фролова) в 2018 г. получила патент.

Более 10 лет (с октября 2011 г.) О.Е. Фролова была членом редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», готовила к печати материалы рубрик «Научная жизнь», «Юбилеи», «Памяти...»

В 2013 г. О.Е. Фролова была включена в состав Диссертационного совета РГГУ Д.212.198.12 по специальности 10.02.01 — русский язык (филологические науки).

Ольга Евгеньевна интересовалась искусством, особенно живописью и театром; не было ни одной выставки в Москве, которую она не посетила бы и не отразила на своей странице в «Фейсбуке».

Талантливый ученый, увлеченный исследователь, жизнелюбивый человек с широчайшим кругозором, она навсегда останется в памяти коллег, друзей и учеников.

Список литературы

1. *Фролова О.Е.* Пушкинская тема в романе В.В. Набокова «Дар» // Русская речь. 2005. № 1. С. 32–41.
2. *Фролова О.Е.* Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы половицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М., 2007.
3. Портрет говорящего начала XXI века / Под ред. О.Е. Фроловой. М., 2016.
4. *Фролова О.Е.* Жанр анекдота как способ моделирования и конструирования действительности // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2016. С. 161–170.
5. *Фролова О.Е., Комиссаров В.И.* Противодействие коррупции: лингвистический и правоприменительный аспекты проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 5 (28). С. 146–159.
6. *Фролова О.Е.* Манипуляция или мнение // Язык, сознание, коммуникация. Т. 56. М., 2017. С. 4–13.
7. *Фролова О.Е.* Концепт ЕВРОПА в русской языковой картине мира // *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. EUROPA*. Т. 2. Lublin-Opole, 2018. С. 217–256.
8. *Фролова О.Е.* О требованиях к процедуре судебной экспертизы (взгляд лингвиста) // Эксперт-криминалист. 2020. № 4. С. 22–25.

Nataliya Mironova, Evgeniya Shchennikova

OLGA FROLOVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an obituary for Olga Frolova, chief of the Laboratory of Phonetics and Speech Communication at Moscow University's Faculty of Philology, talented scientist, enthusiastic researcher, linguist, literary critic, specialist in forensic linguistics, whose contribution to the development of the laboratory is significant. Olga Frolova was a member of the editorial board of Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology for more than 10 years (since October 2011). She was preparing materials for the headings "Scientific life", "Anniversaries", "In Memoriam" for publication. Her sudden death is a heavy loss for the magazine.

Key words: O. Frolova; literary criticism; theoretical linguistics; applied linguistics; oral and written speech analysis; forensic linguistics; Moscow University Philology Bulletin.

About the authors: *Nataliya Mironova* — Prof. Dr., Senior Research Fellow, Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mironnat@rambler.ru); *Evgeniya Shchennikova* — PhD in Philology, Chief Expert of State Budgetary Institution of Moscow “Moscow Research Centre” (e-mail: schevos@mail.ru).

References

1. Frolova O.E. Pushkinskaja tema v romane V.V. Nabokova “Dar” [The Pushkin theme in the V.V. Nabokov’s novel “The Gift”]. *Russkaja Rech’*, 2005, No 1, pp. 32–41. (In Russ.)
2. Frolova O.E. Mir, stojashchij za tekstom: Referencial’nye mehanizmy poslovcy, anekdota, skazki i avtorskogo povestvovatel’nogo hudozhestvennogo teksta [The world behind the text: referential mechanisms of proverbs, jokes, fairy-tales and narrative fiction texts]. Moscow, *Editorial URSS Publ.*, 2007. 320 p. (In Russ.)
3. Portret govornjashchego nachala XXI veka [The description of an early 21st century speaker]. O.E. Frolova (ed.). Moscow, *MGU Publ.*, 2016. 232 p. (In Russ.)
4. Frolova O.E. Zhanr anekdota kak sposob modelirovanija i konstruirovanija dejstvitel’nosti [The anecdote genre as a way of reality modeling and constructing]. *Logicheskij analiz jazyka. Informacionnaja struktura tekstov raznyh zhanrov i epoh*. N.D. Arutjunova (ed.). Moscow, *Izdatel’stvo “Gnozis”*, 2016, pp. 161–170. (In Russ.)
5. Frolova O.E., Komissarov V.I. Protivodejstvie korruptcii: lingvisticheskij i pravoprimeritel’nyj aspekty problemy [Anti-Corruption: linguistic and law enforcement aspects of the problem]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal*, 2016, No 5 (28), pp. 146–159. (In Russ.)
6. Frolova O.E. Manipulyacija ili mnenie [Manipulation or opinion]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija*. Moscow, *MAKS Press Publ.*, 2017, vol. 56, pp. 4–13. (In Russ.)
7. Frolova O.E. Koncept EVROPA v russkoj jazykovej kartine mira [The EUROPE concept in the Russian picture of the world]. *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. EUROPA*. Lublin-Opole, *Wydawnictwo UMCS*, 2018, vol. 2, pp. 217–256. (In Russ.)
8. Frolova O.E. O trebovanijah k procedure sudebnoj ekspertizy (vzgljad lingvisty) [On requirements for the forensic examination procedure (a linguist’s view)]. *Expert-Criminalist*, 2020, No 4, pp. 22–25. (In Russ.)